

КИМ ИР СЕН

МЕМУАРЫ

В водовороте века

(Продолжение)

Отрывки (14)

КИМ ИР СЕН

В водовороте века

(Продолжение)

Отрывки (14)

Издательство литературы на иностранных языках

К Н Д Р

109 чучхе (2020)

인민을 하늘처럼 여기신
위대한 수령 김일성동지께서
는 인민을 끝없이 사랑하시고
굳게 믿으시였으며 한평생 온
갖 풍상고초를 다 겪으시면서
오로지 인민의 자유와 행복
을 위하여 모든것을 다 바치
시였습니다.

김정일

Перевод на предыдущей странице

Великий вождь товарищ Ким Ир Сен, поклонявшись народу, как небу, бесконечно любил народ, глубоко верил ему, посвятил всю свою жизнь ради его свободы и счастья, преодолевая всякие лишения и невзгоды.

Ким Чен Ир

В настоящую книгу входит часть разделов мемуаров Президента Ким Ир Сена «**В водовороте века**» (Продолжение), подобранная из двадцатой главы «К новому подъему революции» и двадцать первой главы «Залпы на обходном маневре крупными отрядами».

СОДЕРЖАНИЕ

1. БОЙ В ТЭХОНДАНЕ.	1
2. ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК <i>ТАНО</i> В ПОСЕЛКЕ ЮЙШИДУН.	25
3. ВЕРНОСТЬ ЖЕНЩИН-БОРЦОВ ДЕЛУ РЕВОЛЮЦИИ.	45
4. ЖЕНЩИНА, ПОЯВИВШАЯСЯ В ТАЙНОМ ЛАГЕРЕ.	70
5. КИТАЙСКИЙ ПОМЕЩИК ЛЮ ТУНШИ.	88
6. СХВАТКА С ПОЛЧИЩАМИ КАРАТЕЛЕЙ.	113
7. О ЧУН ХЫБ И 7-Й ПОЛК.	142
8. «С ОРУЖИЕМ В РУКАХ ЗАЩИТИМ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ!».	169
9. КРУШЕНИЕ КАРАТЕЛЬНОГО ОТРЯДА МАЭДА.	194

1. Бой в Тэхондане

В мае 1939 года главные силы КНРА, возглавляемые Полководцем Ким Ир Сеном, вновь переправились через реку Амнок. И на плоскогорье Пэкту гремели залпы, разящие врага.

Бойцы КНРА ступили на родную землю. Первую ночь они провели в лесу Чхонбона, неподалеку от рабочего поселка Римёнсу в нынешнем уезде Самчжиён. Место бивуака того дня было обнаружено спустя почти 20 лет и, наконец, стало известно миру. Вслед за этим были найдены исторические места в Мусане и Ёнса.

Ниже публикуются воспоминания товарища Ким Ир Сена о боях в районе Мусана, составленные из многих его рассказов.

Вопрос о выступлении на Родину, о чем говорилось еще в Наньпайцзы, окончательно был уточнен в Бэйдадинцзы.

Бойцам не терпелось продвинуться на Родину. Им захотелось дать на родной земле бой более крупный, чем бои в Почхонбо и на горе Цзяньсаньфэн, чтобы не на шутку заявить о себе. Их ничто не страшило: в то время силы у них прибавилось, да и сами они закалились, как сталь, в более чем стодневном Трудном походе.

С этими силами мы весной того же года непрерывно совершали налеты на многие уездные города и поселения в бассейне реки Амнок. А затем мы потихоньку, словно в воду канули, продвинулись на Родину.

Почему мы выступили на Родину? Об этом я уже говорил, думается, не раз.

Важнейшим направлением военно-политических операций КНРА, как я отмечал и раньше, было выступление на Родину. Где бы мы ни сражались, будь то в Северной или в Восточной Маньчжурии, мы в многочисленных крупных и малых боевых операциях всегда видели главный ориентир действий в одном: в выступлении на Родину и ее освобождении. И все наши усилия были сосредоточены именно в этом направлении.

Для выступления на Родину важно было удачно выбрать время. Если июнь 1937 года был подходящим периодом для продвижения на Родину, то таким же периодом был и май 1939 года. Основания для такого вывода были. В то время, судя и по сложившейся ситуации, и по нашим стремлениям, и по чаяниям народа Кореи, выступление КНРА на Родину стало актуальным делом, осуществить которое требовалось без малейшего отлагательства.

Мы глубоко проанализировали международное положение и ситуацию в стране того периода, что и позволило нам принять решение снова перенести вооруженную борьбу в глубь территории Кореи.

В мае 1939 года восток земного шара уже был охванчен пламенем китайско-японской войны; на западе форсированно велась подготовка ко второй мировой войне.

Японские империалисты, увязающие в болоте затяжной войны, пытались как можно скорее разделаться с Китаем. Они зондировали также возможность нападения на СССР и, строя одновременно стратегический план похода на юг, делали все, чтобы обеспечить себе прочный тыл. Для этого они, с одной стороны, развертывали экономический грабеж и фашистские репрессии против корейского народа, а с другой – усиливали операции по

уничтожению КНРА. Типичным примером тому служит, прежде всего, «Хесансское дело».

В связи с этим «делом» большой урон понесли революционные организации Западного Цзяньдао и вместе с тем часть революционных организаций в северном районе Кореи. Оставались, конечно, нетронутыми немало организаций, но большинство стержневых организаций было разгромлено. Снизилась активность, а то и вовсе затаились те революционные организации, которым удалось избежать удара.

После «Хесанского дела» враги продолжали еще громче трубить о «гибели» КНРА. Так, кое-где враги даже разыгрывали публичные «спектакли» с торжественными митингами по случаю нашего «разгрома» и их «ратных подвигов». Члены революционных организаций некоторых районов, обманутые ложной пропагандой о нашей «гибели», даже приходили в тайный лагерь к нашим партизанам-подпольщикам, чтобы самолично выяснить, действительно ли со мной случилось несчастье. Они говорили: «Слыхали, что с Полководцем Ким Ир Сеном произошла беда. Если это правда, то это все равно, что корейская революция пошла наスマрку. Зачем нам делать революцию, такую безнадежную?» Только узнав точные факты, они возвращались домой.

В такой обстановке КНРА просто обязана была продвинуться крупными силами в Корею, нанести удары врагу и тем самым продемонстрировать всему миру, что она жива и действует. Это стало бы наилучшим путем к новому подъему антияпонской революции. Иного выхода не было. Как ни убеждали людей отдельные подпольщики, пришедшие в Корею, в том, что не погибла

революционная армия, здоров Полководец Ким Ир Сен и идет на подъем революция, словам не очень верили в обстановке того времени.

Другая из главных целей нашего продвижения на Родину состояла в том, чтобы восстановить разгромленные революционные организации и расширить их сеть, еще лучше наладить организационно-партийное строительство и движение за формирование единого фронта и тем самым поднять людей на всенародное сопротивление врагу.

Наши революционные организации внутри страны наиболее активно расширяли свои ряды именно после боев в Почхонбо и на Цзяньсаньфэне. Грохот выстрелов пробуждал людей, и они, как правило, стекались под крыло революционных организаций. Если бы мы после Наньхутоуского совещания не продвинулись в Западный Цзянъдао, не вели там боевых действий, а сидели сложа руки, проводили день за днем праздно, только расходя продовольствие, получаемое от населения, то в районе Чанбая не могли бы столь бурно расти многочисленные революционные организации.

Главный фактор того, что в районе Западного Цзянъдао революционные организации росли, как грибы после дождя, состоял не столько в том, что мы удачно проводили идеологическую работу, сколько в том, что мы постоянно сражались, показывая в боях, на что способна революционная армия, мы вселяли в людей веру в возможность победы антияпонской революции.

Когда мы рекомендовали район Мусана в качестве направления предстоящего продвижения в Корею, некоторые командиры недоумевали. Это было понятно: они

отлично знали, что после боя в Почхонбо противник укрепил этот район, увеличив в несколько раз свои гарнизоны за счет оголтелых молодчиков. Просочиться через этот заслон крупными силами было заведомо трудно и опасно.

Однако мы решили выйти именно в этот район как раз потому, что здесь очевидны были трудности и опасности. Если выступить в такой район и там потрепать противника, то это даст гораздо больший эффект, чем продвижение на любом другом направлении по северной окраине Кореи.

В то время в районе Мусана был сосредоточен большой отряд рабочего класса. Там были рудокопы, строители ГЭС, лесорубы и так далее. Наши боевые действия в этом районе окажут благотворное влияние на рабочих, и весть об этом из их уст быстро облетит всю страну.

Боевыми залпами пробудить рабочих Мусана, рабочих и крестьян провинции Северный Хамгён, а затем более энергично поднять весь народ страны на антияпонскую революцию – таков был наш план.

И весной 1939 года части КНРА двинулись в направлении Мусана.

Мы тогда переправились через реку по запани № 5. Ли О Сона я перенес на спине. Переходя через реку, спрашиваю его: «Знаешь, как называется эта река?» Отвечает: «Не знаю». Тогда у наших бойцов почти не было понятия о государственной границе. Я ему сказал: «Это река Амнок». Тогда вдруг говорит мне: «Прошу, опустите меня в реку». Я понял, что ему хочется окунуться в воду родной реки.

По краям запани цвело много азалий. Увидев азалию

на родной земле, все бойцы обрадовались необычайно. Партизанки, присев на корточки перед кустом азалии и любуясь ею, плакали, смеялись и восторгались. Это было самой неизгладимой из моей памяти картиной того дня. Среди них были такие, которые плакали, широко распластертыми руками обняв куст азалии. На их лицах сияла радостная улыбка, а из глаз ручьем текли слезы.

Увиденная нами тогда азалия – это был не просто красивый цветок на лоне природы. Это была часть отторгнутой чужеземцами родной земли, это, я бы сказал, ее плоть и кровь. И азалия как бы улыбалась нам навстречу. Но не только улыбалась: казалось мне, что азалия так же плачет при виде нас, как партизаны льют слезы, глядя на цветок азалии. Патриотизм – это поистине пламенное чувство. Разве могут быть у азалии печаль да слезы? Отличается ли чем-либо азалия сегодняшняя от тогдашней? Нет. Но нам, пережившим всю горечь гибели страны, казалось, что и азалия горько сетует на ее трагическую участь, льет слезы и жалуется на свою плачевную судьбу, что она цветет и опадает на многострадальной земле, захваченной чужеземцами.

В тот день партизаны называли тот цветок не просто азалией, а родной. Родная азалия! В этих словах звучала беззаботная любовь партизан к Родине и народу, их горячее стремление ускорить приход весны возрождения, построить на будущей свободной родной земле счастливый край для народа. Мне всякий раз при виде цветка азалии невольно вспоминаются дни антияпонской вооруженной борьбы, и овладевает неодолимое желание декламировать стихи. Родная азалия! Азалия пэктуанская! Цветок ее светло-розового цвета! Предвестница

весны на родной земле! Какой это прекрасный цветок!
Сколько в нем заветного, многозначительного смысла!

Когда мы прибыли в Чхонбон, туман уже рассеялся, и выглянуло солнце. Какая чудесная была погода! И поныне помнится, как мы разводили костер и сушили гетры, промокшие от росы.

Чтобы определить обстановку – узнать, где противник, лучше ознакомиться с рельефом местности, я поднялся на вершину горы. Вдалеке клубился дым, из лесу доносились удары топора. Я предупредил командиров, что недалеко отсюда могут быть враги и поэтому надо лучше обеспечивать скрытность действий. А затем указал всем отрядам места их ночевки, выставил посты и направил разведку.

Закончив подготовку к ночлегу, наши товарищи, слегка ободрав кору, писали прямо на стволах деревьев лозунги. В годы антияпонской революции наши бойцы повсеместно, куда ступала их нога, писали лозунги на стволах деревьев. Среди написавших тогда лозунги был и Цзюй Юаньтай. Одно время он жил в Синлунцене. Отлично учился, писал четко и красиво. Красиво писал и Янь Аньци, работавший до вступления в партизанский отряд учителем средней школы. Немало было и лозунгов, написанных Ким Чен Сук.

Ушли от нас все эти дорогие нам товарищи. Но сохранились те деревья, остались на них написанные их рукой лозунги. И мне кажется, что и они живы. Нашему народу удалось найти исключительно ценное сокровище.

В деревьях с лозунгами в Чхонбоне чувствуется дыхание борцов, которые сражались вместе с нами. В этих лозунгах кипит их кровь. При виде этих деревьев

перед моими глазами встают их живые образы. Лозунги, написанные на стволах деревьев ветеранами антияпонской революции, – это не просто слова, а ценные революционные архивные документы. Это вечное сокровище, которое наша партия, наш народ должны свято хранить, заботливо оберегая эти реликвии.

Проведя одну ночь в Чхонбоне, наутро мы переместились в Кончхан.

Когда мы остановились на ночлег в Кончхане, противник подослал туда двух сыщиков под видом удильщиков. Кстати, подходящее место для рыбной ловли там было найти очень трудно. Однако эти двое, прикидываясь удильщиками, шлялись среди бела дня по окрестностям и неторопливо подбирались к нашему бивуаку. Вели себя они весьма странно, и наш часовой решил их арестовать и допросить. Но тут – один из них дал тягу, а у другого, арестованного, был найден пистолет.

По признанию лазутчика, враги уже знают, что мы на территории Кореи, и бросили большое количество солдат гарнизона и полицейских на прочесывание лесных массивов.

Наше предположение оправдывалось: силы противника, по всей вероятности, были сосредоточены в основном в этом районе. Наилучшим выходом в такой ситуации было бы незаметно выбраться из вражеского окружения, исчезнуть, словно в воду кануть.

Учитывая возможность нападений врага, я принял тактические меры к тому, чтобы скрыть направление наших действий. Были сформированы два небольших отряда. Одному из них был дан приказ продвинуться в направлении села Пхотхэ, нанести там удар по врагу

и ввести его в заблуждение, создавая впечатление, будто отряды КНРА действуют в разных местах, другому – оставить за собой следы так, будто мы снова переправились через реку Амнок и направились в сторону Чанбая, а затем укрыться.

На рассвете следующего дня мы, оставив Кончхан, двинулись в сторону горы Пегэ. В тот день стоял такой густой туман, что, как говорится, пальцев вытянутой руки не было видно. И наши дозорные изрядно помучились, пытаясь сориентироваться. Поэтому пришлось и мне пойти в дозорную группу, чтобы определять с помощью военной карты и компаса направление движения. Поход того дня был очень рискованным. Того и гляди, столкнемся с вражеской поисковой группой – и завяжется встречный бой. Тогда уж не оберешься от беды. Конечно, встретилась бы поисковая группа, мы запросто могли бы ликвидировать ее. Но если загремят выстрелы, и мы сразу же обнаружим себя. А это создаст большую помеху нашим дальнейшим действиям. Нам приходилось передвигаться, напрягая все нервы.

Прибыв на гору Пегэ, я приказал остановиться на ночлег и направил разведку с заданием – определить положение противника. Доложили: среди девственного леса, что на востоке горы Пегэ, лежит новая дорога – донельзя превосходная. Как выяснилось, это была Капсан-Мусанская сторожевая дорога. Сведения о ней были в наших руках. Это была чрезвычайная военно-сторожевая дорога, пересекающая безлюдную полосу леса между Капсаном и Мусаном. Назначение ее состояло в том, чтобы с помощью подвижных средств экстренно перебрасывать карательные силы до нужного

пункта в случае продвижения Народно-революционной армии на территорию Кореи. Ее прокладка закончилась совсем недавно, дорога была как с иголочки. Противник ждал только контрольного осмотра для сдачи дороги в эксплуатацию. Мне также доложили, что по ней строго запрещено хождение посторонним. Везде стоят столбики с надписью: «Хождение воспрещается».

Японские империалисты, устроив повсеместно в Корее такие «запретные зоны» и предметы с надписью «Посторонним входить запрещается», строго контролировали передвижение корейцев. При японцах в центре города Пхеньяна были даже специальные улицы для японцев. Стоило только появиться там корейцам, как японские «блестители порядка» и купцы злобно косились на них. Корейским детям было запрещено даже близко подходить к воротам школ для японских детей. Если корейские дети, еще не испытавшие на себе неприятностей от нарушения этих запретов, случайно появлялись на площадке японской школы, их тут же «награждали» пощечинами, обращались с ними, как с нищими. А вот японские дети могли свободно появляться в школах для корейских детей и в корейских населенных пунктах, вели себя там, как вздумалось. Однажды был такой случай. Японские дети-хулиганы, проживавшие в центре Пхеньяна, гурьбой налетели на бахчу с дынями недалеко от Чхандокской школы и испортили весь урожай, который все лето старательно выращивал бедный крестьянин Чхильгора. Тогда я вместе с моими друзьями по Чхандокской школе строго проучил этих японских мальчиков-хулиганов, которые испортили огород и растоптали дыни. Мы прогнали их в город.

Враги создали так называемую «запретную зону» и вдоль пограничной линии, запрещая корейцам там передвигаться. Но мы примириться с этим не могли. И для того, чтобы показать, что корейцы не признают японского господства над Кореей, решил – во что бы то ни стало продемонстрировать внушительную силу КНРА и нанести удар по врагам, построившим Капсан-Мусансскую сторожевую дорогу.

Судя по тому, что противник спешно построил такую охранно-оборонительную дорогу в пограничной зоне и расставил устрашающие кордоны, было видно, с каким усердием готовится он к тому, чтобы взять реванш за свои позорные поражения в Почхонбо и на Цзяньсаньфэне.

Я пригласил к себе военные и политические кадры и с предельной ясностью обрисовал им ту опасную обстановку, в которой оказались мы. И поставил вопрос так: «Мы сейчас совершаем поход в окружении противника. Повсюду врагов множество – и впереди, и позади, и по бокам. Враги узнали, что мы на территории Кореи. И они стянули сюда из разных районов провинций Северный и Южный Хамгён крупные карательные силы – пограничные гарнизоны, полицейские отряды и так далее. Видимо, они готовятся к крупномасштабным операциям на поиск и окружение. Улизнувший сыщик видел нас. Враги, возможно, уже сейчас провели поиск в Чхонбоне и пустились в погоню за нами через Кончхан. Нужно как можно скорее выбраться отсюда, продвинуться в сторону Мусана и осуществить оперативный план, разработанный нами в Бэйдадинцзы. Но нам нелегко продвигаться дальше. Того и гляди, попадем в кольцо полного окружения. Что, по-вашему, надо предпринять,

чтобы перебраться в Мусан одним махом?»

Командиры наперебой высказывали свои соображения. Одни предлагали направить в сторону Чанбая отвлекающую группу, чтобы внимание противника сосредоточилось в том же направлении, а самим скрытно продвинуться в направлении Мусана. Другие говорили: если путь в район Мусана нагло закрыт, не лучше ли тогда дать большой бой возле горы Пегэ – такой же, как бой на Цзяньсаньфэне.

Все предложения казались обоснованными. Но они имели один недостаток – не давали возможности одним махом добраться до района Мусана.

Выслушав мнения командиров, я представил их на общее обсуждение, а затем высказал свое мнение. Мой вариант – среди бела дня идти по Капсан-Мусанской сторожевой дороге, которую враги только что проложили, где они лишь ждут контрольного осмотра для ввода в эксплуатацию.

Выслушав мое предложение, все собравшиеся растерялись. Да, и было отчего: ведь я предложил совершить среди бела дня марш крупными силами не по обычному проселку, а по шоссе, проложенному противником специально для карательных операций против нас. По выражению лиц командиров я сразу заметил, что они сомневаются в целесообразности таких действий. Это, наоборот, дало мне уверенность в тактической правоте своего плана.

Я начал объяснять командирам тактический замысел моего предложения и возможности его осуществления. «Мы вполне сможем совершить днем марш по Капсан-Мусанской сторожевой дороге. Об этом свидетельствует

ваше отношение к этому варианту. Когда я предложил идти днем по шоссе, все вы были в недоумении. А врагам и подавно не приснится даже, что крупный отряд КНРА пройдет среди бела дня в походном строю по специально построенной ими сторожевой дороге. Это-то и убеждает в возможности дневного похода по шоссе. Смело делать то, что враги считают невозможным, – это и дает тактическую гарантию возможности этого марша».

И все командиры оставили гору Пегэ с уверенностью в успехе.

Куда ни кинешь взгляд, всюду вокруг цвела азалия, и лица у наших бойцов на марше тоже выглядели порозовевшими.

Азалией был устлан и берег озера Самчжи. Полная гармония сочетания цветов азалии у озера и их отражений на глади воды представляла собой такую очаровательную картину природы, что захотелось осесть здесь и жить, построив шалаш. Удивительно, что в столь высокогорной местности, как плато Пэкту, есть такая поразительная достопримечательность.

Ландшафт высокогорья отличается своеобразной прелестью. Вот пейзаж озера Самчжи. Его облик сходен в чем-то с обликом горы Пэкту – оно величаво и горделиво. И вместе с тем вид у озера изысканный, тонкий и прелестный. Прелесть этого гармоничного ансамбля – в сочетании высокогорного ландшафта с красотой равнины. Да, дороже золота такая красота природы, как пейзаж озера Самчжи.

Тогда при виде этого озера мне вновь приходилось ощущать острую боль в душе: какие прекрасные родные горы и реки отторгли у нас враги!

Очарованный непревзойденной прелестью озера Самчжи, я решил: когда будут изгнаны японские империалисты и моя Родина станет свободной, превращу на зависть всем этот живописный край в зону отдыха для народа. Теперь этот мой замысел прекрасно осуществился.

Сегодня озеро Самчжи превратилось не только в место революционной и боевой славы, куда постоянно приезжают гости со всех концов мира. Оно стало известно и как место отдыха, обладающее своеобразной горделивой красотой высокогорного ландшафта.

Еще в 1956 году, когда товарищ Ким Чен Ир, возглавив первую в нашей стране экскурсионную группу, съездил в провинцию Рянган осмотреть места революционной и боевой славы. Берега озера Самчжи были завалены буреломом и грудами сухих листьев, и почти не было мест, к которым были бы приложены человеческие руки. Были там только одна ветхая лодка и старомодная беседка, которую, говорят, построили до войны местные жители для того, чтобы приумножить красоту озера.

Когда я вернулся на Родину после официального визита в СССР и народно-демократические государства Восточной Европы, товарищ Ким Чен Ир доложил мне о результатах работы экскурсионной группы по местам революционной и боевой славы. Он с волнением рассказывал о своих впечатлениях, о том, чему он научился в ходе посещения этих мест. Тогда он очень сожалел по поводу того, что исторические места революционной и боевой славы, где чувствуется дыхание старшего поколения революционеров, обустроены не на должном уровне, небрежно, оставлены в естественном состоянии и что в этих местах не было даже и экскурсовода, который

рассказывал бы посетителям историю, что творилась здесь.

1956 год – это был тот период, когда в нашей стране только-только началась работа по изжитию низкопоклонства и догматизма и установлению принципов чучхе в идеологической работе. В то время в идеологической работе нашей партии принципы чучхе пока еще не утвердились должным образом. И поэтому мало было найдено материалов и реликвий, связанных с революционной историей нашей партии, не были благоустроены как следует и места революционной и боевой славы, не велось активное изучение революционных традиций.

Именно в такой момент товарищ Ким Чен Ир организовал экскурсионную группу по местам революционной и боевой славы из учащихся Пхеньянской средней школы № 1 и решил отправиться на экскурсию по районам гор Пэкту. Это был действительно многозначащий шаг.

... Покинув озеро Самчжи, мы направились в марш-бросок по Капсан-Мусанской сторожевой дороге в направлении района Мусана. В то время такую тактику называли «броском в тысячу ли».

В годы антияпонской вооруженной борьбы мы не раз применяли такую тактику стремительного броска на значительное расстояние. Эффект был большой. Но пока еще не было случая, чтобы крупный отряд численностью в сотни человек совершил среди бела дня такой бросок по так называемой «сторожевой» шоссейной дороге. Выходит, мы проводили церемонию открытия этой дороги за врагов. Бодро и энергично промаршировав днем по этой прямой дороге противника, мы в тот же день добрались до Мупхо на берегу реки Туман, где и

остановились на ночлег.

Позже враги, узнав о таком смелом нашем марше, просто ахнули: «Это невиданное, странное событие!»

Этот бросок дал нам гораздо больше успеха, чем разгром нескольких полков или дивизий противника.

На месте ночлега в Мупхо я созвал совещание командиров, на котором подвел итоги марша и наметил новую задачу – продвигаться в район Тэхондана. Было приказано первым делом развернуть военно-политическую деятельность в районах Синсадона и Сингэчхока.

Наутро мы покинули Мупхо. Едва прибыв на Тэхонданскую равнину, мы пообедали возле находящегося там храма и двинули свои силы в двух направлениях, как было заранее запланировано: 7-й полк пошел в Сингэчхок через Тучжибави, а я вместе с комендантской ротой и 8-м полком – в Синсадон, что расположен у подножия горы Сороны.

Мы тогда проводили политическую работу в Синсадоне. Расположив Ставку на пригорке за речкой, мы вместе с несколькими охранниками и ординарцами первым делом пошли в самую большую в поселке постройку – общежитие рабочих лесоразработок.

Увидев нас, появившихся в районе Мусана точно из-под земли, местные жители не в силах были сдержать восторга и радости: «Минувшей зимой, как нас извещали, все бойцы КНРА, мол, погибли от мороза. А оказывается, это сплошная ложь! Где скрывались такие крупные войска? Каким чудом они появились вдруг здесь, на мусанской земле?!»

Помещение так называемого общежития мало чем отличалось от коровника или конюшни. Необычная вещь

в этой «комнате» – это сразу же бросилось нам в глаза – длинная веревка вроде бельевой, протянутая по середине. Спрашиваю: «Что это за веревка?» В ответ: «Туда мы, рабочие, кладем ноги, когда ложимся спать». Помещение было таким тесным, что людям и во сне невозможно было растянуться во весь рост, и они ложились в два ряда друг против друга, складывая ноги на веревку.

Рабочих не считали за людей, обращались с ними хуже, чем с коровой и лошадью. Такие домашние животные, как корова и лошадь, все-таки находятся под охраной человека!

Вечером в общежитии собралось много народа. До отказа было забито людьми не только само общежитие, но и его двор. В тот день я выступил с речью перед жителями Синсадона, провел и организационно-политическую работу среди рабочих той местности.

Не позабыть радушного гостеприимства, оказанного нам в тот вечер населением Синсадона. В этом селе было немало крестьян, у которых, – они занимались подсечным земледелием, – зачастую не хватало даже семенного зерна. Но женщины села, радуясь тому, что пришла, мол, корейская армия, возглавляемая Полководцем Ким Ир Сеном, варили пшено на пару, приготавливали куксу из картофельного крахмала.

Тронутые их сердечностью, наши бойцы при уходе из села вытряхнули весь НЗ из вещмешков и отдали его жителям. А Ким Чен Сук, вынув из своего вещмешка муку, приготовила из нее клецки для хозяев дома; заметив потрескавшиеся руки у их дочки, смазала их кремом. Прощаясь с нами, все жители села плакали.

Предвидя, что противник, получивший удар уже в

Сингэчхоке, непременно будет преследовать нас, я решил разгромить его на Тэхонданской равнине. Ее рельефные условия были благоприятны для нас. Покинув Синсадон, мы продвинулись на эту равнину и там организовали засаду в холмистой местности, ожидая только подхода 7-го полка О Чун Хыба из Сингэчхока. В Сингэчхоке прозвучали выстрелы – действовали бойцы 7-го полка так, как им было приказано мною, и теперь возвращались к нам. Им удалось там наголову разбить противника и даже арестовать несколько японских десятников. Естественно, что у бойцов настроение было приподнятое. Они даже не заметили, что за ними потихоньку следуют враги. Это были вояки пограничного гарнизона и полицейские из Чханпхёна, которые, получив экстренное сообщение о происшествии в Сингэчхоке, пустились в погоню.

Сначала наши бойцы приняли этих врагов, следующих за 7-м полком, за своих. Они не могли своевременно отличать наших от противника, конечно, из-за плотного тумана, а главное – в том, что противник, воспользовавшись туманной завесой, двигался за хвостом 7-го полка буквально вплотную.

Я сразу заметил, что отряд в касках, следующий за 7-м полком, – это противник. Обстановка складывалась так, как мы предусмотрели. Но беда в том, что 7-му полку грозила большая опасность: он шел буквально под прицелом врага. Бойцам 8-го полка и комендантской роты, засевшим в засаде, пришлось бы действовать очень осторожно, когда будет дан приказ «Огонь!» Ведь противник – в хвосте 7-го полка. Чуть что, наши пули могли бы попасть в своих. Однако нам нельзя было бесконечно дожидаться, пока появится подходящий интервал между

7-м полком и противником. Пока мы ждем, противник, может быть, первым нанесет удар по 7-му полку. Тогда не избежать больших жертв бойцам интендантской службы и рабочим лесоразработок, которые, следуя с грузом на спине, замыкали колонну полка.

Я приказал пропустить мимо засады 7-й полк, шедший впереди. А замыкавшим колонну хозяйственникам и рабочим лесоразработок дал сигнал – «Ложись!» А затем прозвучал приказ «Огонь!»

Сотни ружей заговорили одновременно. Потрясающее загромыхало! Бойцы были не на шутку взъярлены, ими владела мысль: «Эти выстрелы, наверное, услышит вся страна!» В их сердцах клокотала яростная сила и восторг. Во время боя в Тэхондане и я тоже был возбужден не менее, чем бойцы. Залповый огонь косил врагов, как траву. Оставшиеся в живых яростно сопротивлялись. Войска и полицейские, расквартированные в пограничной зоне, были более жестокими, более злыми, чем другие. И сопротивлялись они изо всех сил. Видеть, японцы расквартировали в пограничных районах самые «отборные» подразделения.

Хозяйственники 7-го полка и рабочие, находившиеся между нами и противником, не могли под градом пуль даже поднять головы. Рабочие метались, не зная, куда деваться. Среди грузчиков были и японцы.

Тогда на поле боя развернулась весьма интересная картина.

Рабочие расходились по сторонам: корейцы с грузом на спине перебегали к позициям Народно-революционной армии, а японцы, бросив груз, перебирались ползком в сторону японских войск и полицейских. Ни один из

корейских рабочих не перешел на ту сторону. При виде этой картины я вновь до глубины души убедился: никуда не денется кровное родство нации!

В тот день в Тэхондане враги, дравшиеся с нами, были почти наголову разгромлены.

С нашей стороны было ранено двое, один убит. Погибшего звали Ким Се Оком. Он был любовник Ма Гук Хва, младшей сестры Ма Дон Хи. Он вместе с управляющим делами 7-го полка укрывал в безопасное место грузчиков, следовавших за 7-м полком, и тут получил сквозную рану в грудь. Рана говорила о том, что он в безнадежном состоянии. Вероятно, его нес на спине Ким Сон Гук. Помнится, как была залита кровью его военная форма.

При переправе через реку Туман мы решили вернуть домой рабочих лесоразработок. Но они не слушались: «Как же нам возвратиться в свой шалаш, когда он, спаситель нашей жизни, в тяжелом состоянии?» И они все время следовали за нами.

После переправы отряда через реку Туман Ким Се Ок оставался без сознания, был при смерти.

Когда он замер навеки, все мы плакали. И грузчики, следовавшие за нами, не удерживались от нахлынувших слез.

Его похоронили у подножия перевала Чаншаньлин. После освобождения страны мы нашли останки покойного и перенесли их в Тэхондан.

В день, когда мы захоронили его там, у подножия того перевала, мы укрыли тяжелораненого Нам Дон Су в близлежащем тайном лагере. Более ста дней он вел там точно такой образ жизни, какой вел Робинзон Крузо.

Он, тяжелораненый, и не мог свободно двигаться. В одиноком, беспомощном состоянии он, не имея связи с отрядом, провел более ста дней без продовольствия. Может, найдутся те, кто не поверит мне. Но это был факт.

За ним ухаживал китаец, недавно перешедший из лесного отряда. Его прозвывали «стариком Дин». Услышав японскую пропагандистскую байку, что Народно-революционная армия – это «банда», этот китаец перешел в наш отряд в надежде заработать денег. Его расчет был таков: заниматься бандитизмом лучше в «коммунистической банде», чем в лесном отряде, авось, побольше будет куш. Однако он обнаружил, что Народно-революционная армия – это не бандитская, а «джентльменская», и подумал: «Такой лодырь, как я, не достоин быть в этом отряде». Он задумал: убить Нам Дон Су и возвратиться на родину. «Убьешь одного солдата коммунистической армии – спасешь свою жизнь, даже если вернешься на родину», – так он думал.

Нам Дон Су смекнул, что «старик Дин» втайне лелеет подлые замыслы, и ночью ползком выбрался из шалаша и двое суток укрывался в груде сухих опавших листвьев. После ухода старого китайца он перебивался со дня на день, питаясь листьями дерева и ростками травы, белкой и змеями. Между прочим он встретился со связным, посланным нами. Однако, к несчастью, тот связной был убит во время налета карательного отряда противника.

Он опять оказался одиноким, беспомощным. Он блуждал в поисках отряда и, наконец, через Капсан, где его мать работала в подполье, перебрался в Восточную Маньчжурию, где оказывал помощь делу китайской революции. Не помню точно, в каком году он возвратился

на Родину по нашему зову. Тогда он говорил мне: «Лишь сегодня явился к вам, Полководец. Потерял все – даже и одеяло, что вы дали мне». Он не удержался, дал волю слезам.

Наши боевые друзья оставляли за собой много следов в районе Мусана. И Чон Иль Гвон – у него было прозвище «Малышка из Вэншэнлацзы» – вместе с Пак Сон Чхором действовал в районе Пульгынбави.

У японских оккупантов, образно говоря, полезли глаза на лоб, когда они узнали, что Корейская Народно-революционная армия, явившаяся в район Мусана, разгромила большое количество их войск и полицейских на Тэхонданской равнине и благополучно переправилась через реку Туман. Одно только появление КНРА в пределах Кореи приводило империалистов Японии в крайнюю растерянность.

После Наньхутоуского совещания главной ареной действий КНРА был определен район Западного Цзяньдао, что на юго-западе от горы Пэкту.

После того, как мы выступили в район гор Пэкту, все газеты и телеграфные агентства Кореи и Маньчжурии громко шумели о партизанских действиях в районе Западного Цзяньдао. Войска и полицейские противника в бассейне реки Амнок, начиная от Хесана до Чунгганчжина через Сингальпха, напрягали все силы, лезли из кожи вон, чтобы принять любые меры для предотвращения случаев «нарушения границ» отрядами КНРА.

Южнохамгёнское провинциальное полицейское управление завело особое дело под заголовком «Положение банды на противоположном берегу», куда собирало во всех подробностях разведданные о нашей

деятельности. Оно регулярно докладывало обо всем этом полицейскому департаменту Генерал-губернаторства в Корее, командованию оккупационных войск в Корее. Информация шла также в полицейские управления провинций Северный и Южный Хамгён и Северный Пхёнъян, прилегающих к пограничным районам, командованию ранамской 19-й дивизии.

Умы военных и полицейских кругов Японии изощрялись в догадках: где и какие действия мы намерены завтра предпринять.

А вот мы, откуда ни возьмись, появились у подножия гор Пэкту, о чем они совершенно не думали и не гадали. Еще бы! Мы появились в районе Мусана, где пограничный гарнизон расставил плотные кордоны, одним ударом разгромили мобилизованных на карательные операции солдат и полицейских и исчезли, как невидимки. Как же им не растеряться!

Их ошибки коренились в том, что они просчитались, думая, что КНРА разгромлена до той степени, что самому ее существованию приходит почти конец из-за последствий похода на Жэхэ и от потерь в дни Трудного похода. Кроме того, они ошибались в своих суждениях, думая, что наши «незначительные» силы ради сохранения своего существования будут действовать в бассейне реки Амнок, и прежде всего в Чанбае и Линьцзяне, или в глухомани на севере Дунбяньдао, такой, как Мэнцзян и Фусун.

Боевая операция в районе Мусана, вместе с боем в Почхонбо, была самой крупной по масштабам и значению из наших военных операций на территории Кореи. Если бой в Почхонбо продемонстрировал, что Корея не умерла, что она жива, то бой в Тэхондане стал

историческим событием, на деле показавшим, что КНРА, о «полном разгроме» которой трубил противник, не только здравствует, но и, вопреки его ожиданию, выросла в еще более могучую силу и наносит удар за ударом по японским импералистам.

Залпы КНРА в районе Мусана вселяли в сердца павшего духом народа страны веру в то, что наша революция на неуклонном подъеме. Грохот боя придавал новую жизненную силу делу революции в Корее, которая временно шла на убыль вследствие «Хесанского дела», играя роль, как говорится, инъекции сердечного средства. Кроме того, наша военная победа в этом районе разоблачила на весь мир сплошную лживость громогласной вражеской пропаганды, будто КНРА «полностью разгромлена». После этого боя наш народ уже никогда не верил врагам, называя их пропаганду бабьими сказками. После этого боя у рабочих, крестьян, у представителей различных слоев населения Кореи появилась твердая уверенность в том, что пока КНРА здравствует, непременно придет новый день – день возрождения Родины. И они своими мыслями, душой, а затем и делами слились с могучим потоком антияпонской революции.

2. Весенний праздник *тано* в поселке Юйшидун

После боя на Тэхонданской равнине главные силы КНРА переместили арену своих действий на северо-восток от горы Пэкту. Они, маневрируя в бассейне реки Туман, развернули активную военно-политическую деятельность. Типичным для того времени был бой на берегу реки Вукоуцзян, а наиболее примечательным из массово-политических мероприятий – торжество по случаю весеннего праздника *тано* в поселке Юйшидун, что в уезде Хэлун в Китае. Этот горный поселок находится на другом берегу реки Туман, напротив корейского уезда Мусан.

В дни руководства на месте работой района Тэхондана уважаемый вождь товарищ Ким Ир Сен в бассейне реки Туман с глубоким волнением вспоминал знаменательные исторические события, связанные с военно-политической деятельностью КНРА на северо-востоке от горы Пэкту, развернувшейся после боевой операции в районе Мусана.

Вспоминается один футбольный матч. Это было в поселке Юйшидун в весенний праздник *тано* 1939 года. Прошло уже 30 с лишним лет, но та пора не забывается. Возможно, некоторым людям и представить трудно, что участники партизанской войны провели футбольное соревнование. Партизанская война, однако, не означает, будто не умолкает ни на час во все времена грохот боя. Мы, конечно, воевали. Но вместе с тем старались

полнокровно жить с учетом особенностей партизанского отряда. В первой половине 1930-х годов в партизанских районах часто проводились и спортивные состязания. Так, в Ванцинском партизанском отряде было немало мастеров кожаного мяча.

Позже, перед Вторым походом в Северную Маньчжурию, футбольный матч был сыгран в Лоцзыгоу. Соревнование было и в поселке Юйшидун. Какими интересными были эти матчи! В те времена тон в футболе задавали корейцы района Цзяньдао. А среди них отличались игроки из Лунцзина.

После боя в Тэхондане мы, как ранее и планировали, переместили поприще борьбы на северо-восток от горы Пэкту. Так было сделано для того, чтобы превратить этот район в стратегическую базу нашей революции. В последней декаде мая того года в поселке Дагоу уезда Аньту я на совещании военных и политических кадров наметил такой курс: активно вести военно-политическую деятельность на северо-востоке от горы Пэкту и создать здесь еще одну могучую твердыню революции.

После ликвидации партизанских районов новые опорные базы нашей революции располагались в основном в районе Западного Цзяньдао и во многих местностях внутри Кореи. И прежде всего в горах Пэкту. Если в этой обстановке создать новые революционные базы на северо-востоке от горы Пэкту и на северной окраине Кореи, прилегающей к бассейну реки Туман, то это позволяло бы нам расширить в масштабах всей страны сеть опорных баз действий, операций и материального снабжения КНРА и, опираясь на них, еще энергичнее продвигать вперед корейскую революцию в целом.

Условия для расширения, развития революции – не тайна за семью печатями. Главное для этого – увеличение рядов людей, способных стать движущей силой революции. И еще – надо расширить сеть опорных пунктов действия, а также улучшить вооружение. Иначе говоря, это вопросы о человеке, о территории, об оружии. Их надо решать во все расширяющемся масштабе согласно требованиям объективной ситуации. Вот это, можно сказать, и есть углубленное развитие революции. Вполне возможно защищать, расширять, развивать революцию, когда есть люди, территория и оружие.

Чтобы обеспечить опорную базу, необходимо прежде всего подавить противника активными военными операциями, создать благоприятную обстановку для свободного проведения среди населения данного района политической работы и мер по созданию тех или иных организаций. Это не позволит врагам препятствовать действиям революционной армии. После боя в Тэхондане мы перешли через реку Туман, и тут же вели непрерывные бои в Дунцзинпине, Хуэйфэндуне, на Вукоуцзяне, Цинтоуцуне, осуществили налет на лесоразработки под Циншаньли и многие другие боевые операции. Каждая из них была направлена на военное подавление противника и создание благоприятных условий для деятельности Народно-революционной армии.

Кончался бой – партизаны шли в гущу народных масс, вели политическую работу, создавали организации. В поселке Юйшидун бойцы и жители собрались вместе и весело отметили весенний праздник *тано*. Это было одним из звеньев проводимой нами оригинальной политической работы.

В каждом новом районе пребывания мы разворачивали действенную политическую работу, используя различные методы, разнообразные формы, в соответствии с местными условиями, стремясь революционизировать массы и укрепить в них опору вооруженной борьбы. Таков был наш традиционный метод, неизменный способ деятельности.

Впрочем, празднование *тано* в Юйшидуне заранее нами не планировалось и не готовилось. Жестокие репрессии врага, напряженная ситуация той поры не давали нам возможности даже и думать о празднике. Мы решили организовать это празднование *тано* в селе только после того, как, закончив рейд в район Мусана, перешли в Хэлун и встретились там с местными жителями.

В любом населенном пункте мы видели, что в то время жители, скованные постоянной угрозой репрессий, находились в подавленном состоянии. Не было исключением и район Цзянъдао.

В Хэлуне первыми нам повстречались молодые крестьяне, братья. Они были заядлыми курильщиками опиума. К тому времени на Северо-Востоке Китая таких людей было очень много, они буквально кишмя кишили. Это было и понятно. То было время, когда опиум использовался как своего рода валюта. Опиум – это такая вещь, что чем тяжелее, сквернее становится жизнь в обществе, тем больше он, как правило, распространяется. Крестьяне-братья раньше жили в Корее, а потом их закинули в Цзянъдао злые вихри «переселения».

Я не мог понять, зачем эти молодые люди, явно с головой на плечах, увлекались курением опиума. И я спрашивал их: «Отчего вы привыкли к этакой

вредной вещи, что разъедает тело и дух человека? Чтобы вести земледелие, нужны крепкое здоровье и здоровый дух. Не так ли?»

Оба почти без смущения отвечали: «Как же существовать в этом жестоком мире без опиума? Живем мы не потому, что хотим этого. Живем потому, что не можем умереть. Такая у нас судьбина. Курим опиум – забываем все мирские дела. Ничто нам уже не поможет. Вначале хотелось успокоить себя выпивкой. А пиво-то у людей принято распивать в шумной компании – пей, наливай и так далее. Но вон они, япошки, даже в праздники запрещают людям собираться и веселиться. Они говорят: это нарушение закона. Нет даже свободы пить вино. И пришлось начать другое – курить опиум».

Они добавили: «Скоро у нас майский праздник *тано*. Но какой это праздник, если нельзя собраться вместе и выпить хотя бы самогонки. Раньше не так было в родном краю. Да, весело проводили праздник *тано* – устраивали национальную борьбу *сирым*, качались на качелях, приготовляли рисовые хлебцы с полынью. Теперь же нам, лишенным Родины, не до праздничного веселья».

Их речи вызвали у меня боль в сердце. Человек без мечты в душе все равно что мертвец, хотя в его теле теплится жизнь. Человек-то живет, наслаждаясь своим бытием. Можно просто есть, спать – но ведь не в том смысле жизни. Наслаждаться жизнью – значит познать ее суть. Жить достойно – значит жить по-человечески, пользуясь всеми правами человека и создавая саму жизнь. А у них, этих молодых братьев, курильщиков опиума, не было такого осмысливания. Впрочем, какая же жизнь может быть у тех, кто обитает на месте, обнесенном крепостными стенами

с проволочным заграждением?! Это не жизнь, а просто прозябанье, которое без полной свободы фактически не имеет никакого смысла и значения.

С детства я, собственно, косо смотрел на курильщиков опиума. А к этим молодым крестьянам-братьям не мог не испытывать сочувствия.

Я уговаривал их: «Знаете, молодые люди, сейчас судьба нашей нации – на волоске: кризисная ситуация. А вы курите опиум, бесцельно проводя время. Это тяжкое прегрешение для юношей Кореи. Посмотрите вон на этих юных ординарцев и партизанок. Они взяли в руки ружья, чтобы спасти судьбу страны. Неужели вам не совестно? Перестаньте курить опиум».

Выслушав меня, старший брат почесал затылок и сказал, что ему в общем-то стыдно жить как попало без всяких стремлений.

После встречи с ними я подумал, что следует вести нашу военно-политическую деятельность активнее, стремиться к тому, чтобы народ мог жить с надеждой, расправив спину. Но одними лишь речами нельзя было вдохновить массы. Люди хотели воочию видеть побеждающую революцию и слышать о ней непосредственно. Революция, которую можно увидеть глазами и услышать ушами, означала именно бой. 1930-е годы были периодом, когда один выстрел давал больший эффект, чем многократные пропагандистские речи.

Вот почему мы усиливали боевую деятельность наряду с политической. И первым делом мы били врагов в Хуэйфэндуне и соседствующем с ним коллективном поселении, где жили те крестьяне-братья. Мы нападали на врагов так стремительно, что они в панике бежали

врассыпную в лес, даже не осмелившись выстрелить из винтовки. Видя такую картину, жители Хуэйфэндуна не находили себе места от радости.

Переместившись на северо-восток от горы Пэкту, мы совершили подряд налеты на десять с лишним коллективных поселений в бассейне реки Туман и уничтожили в боях сотни солдат противника. Японские империалисты лезли из кожи вон в попытках пресечь действия нашего отряда. Это было время, когда Квантунская армия развязала локальную войну на Халхин-Голе. С началом этой войны стали перемещаться к фронту японские вооруженные силы в несколько десятков тысяч штыков. Враги отчаянно шумели о критической ситуации. Именно в такой момент в глубоком тылу противника то и дело раздавались залпы революционной армии. Это приводило врагов в растерянность и замешательство.

Горы и долины Хэлунца были буквально напичканы крупными силами вражеских войск, нацеленных на карательные операции. Это было однажды. Лицо начальника штаба, когда он вернулся после наблюдения в бинокль за расположением огромных контингентов противника, было необычно бледным. Он сказал мне, что если дальше мы продолжим боевые действия, то, возможно, нас постигнет большая беда. Не идут, мол, ни в какое сравнение наши силы с вражескими.

Я ответил начальнику штаба: «С первых же дней после основания армии мы воевали с противником, превосходящим нас в десятки, даже в сотни раз. Воевали отнюдь не со слабыми врагами. Ссылаясь на незначительность наших сил, нельзя отказаться от уже начатой операции. Об этом и речи быть не может. Тем более в такой

ситуации надо, применяя искусную тактику, сильнее быть противника, не давая ему передышки».

В то время в Ставку Командования поступило разведдонесение: в Байжипин прибыл командовать карательным отрядом японский офицер. Он удостоен даже награды японского императора за выдающиеся боевые подвиги на Хуабэйском фронте Китая. По имеющимся сведениям, этот офицер направлялся в Японию, получив отпуск в качестве награды за ратный подвиг. Но тут он услышал, что главные силы КНРА появились на земле Аньту и Хэлуна и везде атакуют коллективные поселения. А услышав это, заносчиво заявил: «Стыдно японской императорской армии не справиться с каким-то партизанским отрядом и терпеть непрерывные поражения. Это позор и для японского народа. Я разобью наголову отряд Ким Ир Сена и смою этот позор». Видимо, он был очень честолюбив, этот офицер.

По слухам, у него на груди был вытатуирован демон Асура, что символизировало непобедимость, мужественность вояки. В буддизме Асура – демон войны.

Из Байжипина вернулась наша разведгруппа. Вместе с известием о носителе изображения демона Асура разведчики получили весьма странную информацию: японские полицейские уезда Хэлун готовят для нас подарки по случаю весеннего праздника *тано*. С одной стороны, «демон войны», направлявшийся на родину в отпуск по милости императора, добровольно прибыл в Байжипин «карать» нас, а с другой – полицейские, дескать, готовят праздничные подарки для нас. Странное сочетание! Окажись эти сведения верными, то игра с подарками врагов была бы наверняка комедией, небывалой на Востоке и Западе, в древние времена и в

современности. Вряд ли они готовили подарки, чтобы поздравить нас с праздником искренне.

Я решил, что враги легкомысленно осмеливаются разыгрывать фарс с подготовкой праздничных подарков потому, что они пока еще не получили сокрушительного удара от революционной армии. Я разработал оперативный план, цель которого состояла в том, чтобы заманить противника из Байжипина в сторону реки Вукоуцзян и уничтожить его одним ударом.

Мы выбрали местом боя камышовое поле, расположенное невдалеке от Байжипина. Река Вукоуцзян несла свои воды меж берегов, покрытых камышовыми зарослями. По берегу была проложена автомобильная дорога. Слева и справа от реки и дороги стояли густые леса, что было удобно для засады. Враги появились на берегу реки поздним утром, когда уже начал рассеиваться туман. Торжественно шли маршем сотни солдат противника, оснащенных тяжелым оружием, с несколькими пулеметами впереди.

Когда это войско полностью втянулось в зону действия нашей засады, японский офицер с длинной саблей на боку почему-то остановился возле канавы с криком, что налицо подозрительные следы. За ним остановилась и вся колонна. К нему подбежали несколько подчиненных офицеров, заглядывали в канаву и покачивали головой. Видимо, кто-то из наших товарищей неосторожно оставил там следы своих шагов... Когда после боя мы осматривали трупы японских офицеров, оказалось, что тот офицер с длинной саблей на боку, первым обнаруживший наши следы у канавы, как раз и был командиром карательной экспедиции – «демоном Асура».

В момент, когда этот «демон войны» разгибал спину у канавы, я скомандовал открыть огонь. За короткое время мы убили, ранили, взяли в плен 200 с лишним солдат и офицеров противника. «Демон Асура» упал на землю у канавы, не успев даже на половину вынуть саблю из ножен. Наши бойцы смеялись: «Он сохранил бы свою шкуру, если бы спокойно проводил отпуск в родном краю. А попытался продемонстрировать свою смелость и отправился на тот свет».

Это был тот известный бой на реке Вукоуцзян, который называют также боем под Байжипином. Я читал и воспоминания Чо Мён Сона об этом бое. После того, как враги испили горькую чашу на Вукоуцзяне, они больше не смели соваться в этот район. С тех пор местные жители стали называть села бассейна реки Вукоуцзян «замкнутыми» в том смысле, что ворота в села нагло закрыты для врагов. Появление множества таких сел в бассейне реки Вукоуцзян дало нам возможность свободно заниматься политической работой.

Веселье по случаю весеннего праздника *тано* в поселке Юйшидун стало также своего рода торжественно-радостным мероприятием в честь блестящих побед частей КНРА в бою на реке Вукоуцзян и во многих других боевых операциях в бассейне реки Туман.

Села бассейна реки Туман оживились, словно встретили день освобождения. Молодежь и пожилые мужчины установили качели и подготовили площадку для национальной борьбы *сирым*. Они говорили: «В этот праздник *тано* давайте повеселимся вдоволь».

При отходе с поля боя на реке Вукоуцзян произошло у нас интересное событие. В наш отряд пришел

один крестьянин и принес с собой сигареты, вино и разнообразные продукты. Вначале мы полагали, что все это добро подготовлено местными жителями в помощь партизанам. Но тот крестьянин неожиданно замахал рукой: «Это не наши подарки. Эти продукты по случаю праздника прислал главарь полиции уезда Хэлун Полководцу Ким Ир Сену». Так была подтверждена достоверность разведданных нашей группы.

Среди подарков, присланных врагами, оказалось также письмо, запечатанное в конверте. Оно было адресовано О Бэк Рёну. Судя по тому, что враги особо отметили его имя, по-видимому, они хорошо знали, что О Бэк Рён пользовался моим доверием. В письме говорилось: «...Вы почти 10 лет воюете с Японской империей и, наверно, точно знаете ее могущество. Приближается праздник *тано*, и не следует ли вам прекратить войну, получив эти подарки, и преподнести нам дань? Не откликнешься на наше предупреждение, не избежишь большой беды».

Позже стало известно, что написать это письмо с предупреждением японские империалисты велели Унами, который командовал всеми операциями полицейских карательных отрядов в уезде Хэлун. Унами по совместительству являлся начальником полицейского отделения уезда Хэлун. Он приехал в Маньчжурию, будучи еще совсем молодым, и начал работать полицейским консульства, поклявшись посвятить всю свою жизнь борьбе с коммунистами.

Мы впервые столкнулись с ним осенью 1932 года. После возвращения из похода в Южную Маньчжурию мы штурмовали уездный городок Дунъхуа. В то время Унами отчаянно сопротивлялся нам в полицейском участке

японского консульства, расположенного в городке. Он тогда не погиб, уцелел, получил награду начальства.

В японской армии был такой порядок: погибшим повышали должность на один ранг и давали большие премии, независимо от исхода боя. Премии давали и раненым. Ну что ж, это капиталистическая армия, в которой все приводится в движение деньгами. Нет других стимулов, кроме подобного. Ли До Сон тоже получил повышение – по одной звездочке на погоны после гибели.

Унами побывал во многих местах Восточной Маньчжурии и делал блестящую карьеру в органах полицейской спецслужбы. К 1939 году он стал главарем полицейской карательной экспедиции, имея в своем подчинении несколько сотен вооруженных молодчиков.

Позже Унами перед журналистами назвал это письмо «предупредительным актом», но, по нашему мнению, это было не предупреждением, а чем-то вроде письменной просьбы. Он пытался добиться своего хотя бы таким жалким путем, поскольку штыками ничего не достиг.

Чтобы такой «предупредительный акт» дал эффект, нужно удачно выбранное время его направления. Так сказать, надо послать его в тот самый момент, когда противник, оказавшись в пассивном положении, растерян или, вконец измотавшись, уже утратил охоту воевать. Тогда и получится желаемый результат.

Но Унами неудачно выбрал и время посылки письма, и адресата. В ту пору мы не только не были пассивными, но и крепко держали в своих руках инициативу. Наша вооруженная борьба переживала не спад, а подъем. КНРА была могучая не только по силам, но и по тактике. Унами наверняка боялся нас, но в то же время считал, что наша

армия не имеет достаточного потенциала.

Унами послал к нам «предупредительный акт» в то самое время, когда начальник Северохамгёнского провинциального полицейского управления Цуцуи по приказу японского генерала-губернатора в Корее Минами приехал в волость Самчжан уезда Мусан, взяв с собой огромное множество подарков и даже группу журналистов, чтобы утешить солдат войск и полицейских, пострадавших от наших жестоких ударов. И вскоре после боя в Почхонбо Минами направил на место так называемую инспекционную группу для расследования события во главе с начальником полицейского департамента японского генерал-губернаторства в Корее.

В своем «предупредительном акте» Унами угрожал нам словами о «большой беде» и еще о чем-то, но это был не более чем блеф.

Я велел О Бэк Рёну послать ему ответ. О Бэк Рён не был мастером пера, но написал письмо прекрасно. «... Вы мучились на протяжении добрых семи-восьми лет, силясь «карать» нас. Скажите, чего вы, собственно, добились? Играли только роль поставщика оружия и продовольствия для нас. Жалкие не мы, а вы. Не пора ли вам вернуться в родные дома, где вас ждут жены и дети? Спустя несколько дней будет праздник *тано*. Приготовьте вкусное печенье и ждите нас. Я приду к вам в гости и научу вас, как надо себя вести». Таким весьма жестоким было все письмо.

Я приказал пригласить в праздник *тано* на спортивные соревнования жителей горного ущелья Юйшидуна, протянувшегося на 12 километров, Хуэйфэндуна и других соседних сел, всех, кто мог бы прийти к нам.

В Юйшидуне находилось широкое плато — в

несколько чонбо. Там установили пару ворот и устроили футбольный матч. Итак, когда враги сосредоточивали огромные контингенты карательных сил в районе Хэлуня, мы в самом его центре уверенно, ничего не боясь, проводили праздничные мероприятия, даже футбольный матч. Если бы об этом распространялись слухи, то они принесли бы такой эффект, которого не дают многие бои и сотни устных выступлений. Футбольное соревнование в контролируемом противником районе – это было своего рода оригинальным методом политической работы нашего стиля.

Как интересно было посмотреть футбольное состязание между бойцами революционной армии и юношами поселка! Правда, мастерство-то было не ахти какое, о тактике и технике игры не приходится говорить. Игроки обеих команд то и дело «мазали» при ударе по мячу, падали и кувыркались на травяном поле – зрители непрестанно взрывались хохотом.

Старики говорили: «С самого основания Юйшидуна впервые сегодня люди так мирно и беззаботно смеются. Словно они избавились от всякой мирской суеты и хлопот».

Матч закончился вничью. Но его политический выигрыш для нас я бы оценил на «отлично».

С большим интересом проводились соревнования по качанию на качелях и по национальной борьбе *сирым*. На совместные развлечения бойцов и жителей, выступления художественной самодеятельности ушло намного больше времени, чем предполагалось. Публика то и дело кричала «Бис!», «Браво!» Исполнителям приходилось выступать по два-три раза. Сельчане благодарили революционную

армию за организацию веселья по случаю праздника *тано*.

В тот день в Юйшидуне десятки юношей попросили нас принять их в партизаны. Это свидетельствует о том, что наша политическая работа сильно затронула струны их сердец. Спортивные игры и массовые развлечения тоже надо считать одной из форм политической деятельности.

У нас в стране имеются сотни, тысячи театров, кинозалов и домов культуры. Если включить сюда залы заседаний в учреждениях и на предприятиях, то насчитывается несколько десятков тысяч помещений, в которых можно собрать людей. Это хорошая предпосылка для свободного проведения политической и массово-культурной работы. Однако наши работники используют не все эти возможности. В сооружение зданий вложено много денег, а порой оставляют эти помещения без всякого внимания, используя лишь несколько раз в году для важных мероприятий и заседаний. Как хорошо, если бы в таких зданиях и залах часто организовывали научные лекции или лекции о текущем моменте, проводили ораторские конкурсы и декламирование стихов, устраивали встречи с видными учеными, писателями, деятелями искусств, мастерами спорта, героями и передовиками труда!

Тогда жизнь у нас была партизанская – не было ни микрофона, ни театра, ни радиостанции. Но мы, используя все возможности, беспрестанно вели политическую работу в народных массах.

После праздника жители Юйшидуна и его окрестностей включились в активную борьбу, оказывали нам помошь. Те молодые крестьяне-братья Хуэйфэндуна, которые курили опиум, думаю, покончили с этим пороком и хорошо боролись, будучи членами организации.

Работа товарища Ким Ир Сена по революционному воспитанию жителей сел бассейна реки Туман не замыкалась в пределах района Хэлунна. Он уделял серьезное внимание и делу революции внутри Кореи. За несколько дней до весеннего праздника *тано* он пришел к горе Кукса, где созвал совещание руководителей подпольных революционных организаций и подпольщиков. Гора Кукса находится на берегу реки Соду – притока реки Туман.

Главную роль в подготовке и созыве этого совещания выполнял Ли Дон Гор, бывший руководителем группы подпольщиков. Когда речь заходила об упомянутом совещании, товарищ Ким Ир Сен с особым чувством любви, тепло вспоминал Ли Дон Гора, оценивая его как преданного командира.

После боя в Тэхондане мы перешли на землю Хэлунна. Там мы незамедлительно созвали заседание партийного комитета Ставки Командования и сняли взыскание с Ли Дон Гора. И в тот же день поручили ему ответственное задание по подпольной работе внутри Кореи.

Революцию внутри страны ждала уйма дел. Главная задача заключалась в том, чтобы как можно скорее восстановить подпольные революционные организации, разрушенные в связи с «Хесанским делом», и расширить их сеть. Мы планировали направить Ли Дон Гора в район Мусана и создать там сеть мощных подпольных организаций, таких, какие раньше создали Ли Че Сун и Пак Дар.

Я сообщил Ли Дон Гору, что мной намечен план перехода внутрь страны и созыва в подходящем месте в пределах Мусана совещания руководителей подпольных организаций и подпольщиков, действующих внутри Кореи. Я велел еще провести соответствующую

подготовку. Ли Дон Гор отлично справился с этим заданием. Первым делом вовлек он в поле своего влияния корейцев, проживающих в китайских селах на берегу реки Туман, а затем, пользуясь этим каналом, ходил в пределы Кореи, налаживая связи с организациями и проводя тщательную подготовку к совещанию.

В то время его активной помощницей была Ким Чен Сук, которая успешно обеспечивала связь между Ставкой и Ли Дон Гором. Мы направили ее в приграничное село бассейна реки Туман с заданием поддерживать с ним постоянный контакт. Ким Чен Сук, наведя мост между Ставкой и Ли Дон Гором, своевременно передавала ему наши указания, сообщала о наших намерениях. В то время у крестьян волости Самчжан уезда Мусан и ее окрестностей не хватало сельскохозяйственных угодий. И в летний сезон они занимались земледелием на китайской земле, а возвращались в Корею осенью, скав хлеба. Мусанцы называли это «цзяньдаоским земледелием». И среди крестьян района Капсана было немало тех, кто занимался «цзяньдаоским земледелием». Ким Чен Сук в первую очередь держала под своим влиянием этих людей и через них обеспечивала связи с районами Кореи.

В революционном воспитании жителей районов Мусана и Ёнса, таким образом, главную роль играли Ли Дон Гор и Ким Чен Сук.

Ли Дон Гому потребовалось не более 20 дней, чтобы закончить подготовку к совещанию.

В тот день меня сопровождал Ли Дон Гор. Мы перешли через мост запани на реке Туман, затем поднялись на гору Кукса, где было назначено совещание. На том совещании был обсужден ряд вопросов, связанных с мерами по

расширению сети подпольных революционных организаций и по достижению дальнейшего подъема революции в Корее.

После совещания Ли Дон Гор обратился ко мне с двумя предложениями. Первое из них – развивать созданную им организацию в районе Самчжана, расширить ее сеть на район Ёнса, как того требует курс, намеченный на совещании на горе Кукса, и превратить ее в образец парторганизаций, в образец организаций ЛВР; второе – разрешить всем участникам совещания на горе Кукса принять участие в торжествах по случаю праздника *тано* в Юйшидуне – с тем, чтобы учить руководителей организаций из Кореи методам политической работы.

Я принял оба эти предложения.

После совещания Ли Дон Гор вместе с нами отметил праздник *тано* в Юйшидуне. Затем он пошел на секретную явку. Там он разъяснял организациям ЛВР курс совещания на горе Кукса и одновременно, поддерживая связи с одним из членов организации внутри Кореи, подготовился к отправлению в район Ёнса. Однако явка подверглась внезапному налету противника, и он, раненный пулей, был арестован врагами.

После ареста Ли Дон Гора один из членов организации прибыл в Вукоуцзянский тайный лагерь, взяв с собой записную книжку с секретными сведениями, которую хранил у него Ли Дон Гор. В книжке были записаны шифром данные о подпольных организациях Дагоу уезда Аньту, поселка Юйшидун уезда Хэлун в Китае, районов Самчжана и Ёнса в Корее, а также план работы в районе Ёнса. Видимо, Ли Дон Гор, имея в виду возможные неожиданности, хранил в доме члена организации

записи необходимых сведений, которые он время от времени заносил в свою книжку.

По словам Пак Дара, Ли Дон Гор и в тюрьме обменивался мнениями с товарищами по революции, перестукиваясь через стены камеры, и поднимал их на борьбу. Он мужественно боролся и на суде. Говорят, что при каждом появлении там он первым воскликнул: «Да здравствует корейская революция!», демонстрируя боевой дух коммуниста.

Он, как и Ким Чу Хён, допустил серьезную ошибку в процессе работы, но на революционной работе исправил ее и завершил свою жизнь достойно. Поскольку человек не машина, то не исключено, что может допустить ошибку в делах. А вот как исправить ее – это зависит от идеологии и степени самовоспитания данного человека. Ли Дон Гор проявил высокую самокритичность, непрерывно идейно закалялся после отстранения от должности комиссара полка. Благодаря этому он вскоре вновь завоевал доверие товарищей.

Настоящая цена человека яснее ясного проявляется тогда, когда он получает наказание. Люди с недостаточночным самовоспитанием, если организация налагает на них какое-нибудь наказание, не принимают его чистосердечно. Они ворчат: это, мол, «чрезмерно», «несправедливо», «раздуто» и так далее. И стараются взять в той или иной форме реванш в отношении тех, кто их критиковал. Такие типы живут, возведя вокруг себя барьер в отношениях с товарищами. Без открытости, без душевной связи с товарищами, работающими с тобой рядом на революционном посту, – какой у тебя смысл жизни? Кто не откроет душу товарищам, тот отчуждается

от коллектива и, в конце концов, станет двурушником.

Люди же с высоким уровнем самовоспитания всегда чистосердечно и искренне воспринимают критические замечания товарищей, какими бы они ни были суровыми. Критику со стороны революционных товарищ в свой адрес они воспринимают как своего рода «тонизирующее средство». Так поступали Ким Чу Хён и Ли Дон Гор. Получив тяжелое наказание, – их сняли с должности командира, – они не пали духом, не разложились идеологически и сумели полностью исправить допущенные ошибки. Это стало возможным благодаря тому, что они считали товарищескую критику как бы «тонизирующим средством» и правильно «переваривали» ее.

Насколько удачно может тот или иной человек «переварить» критику товарищ – уже по этому можно судить о его личных качествах, о степени самовоспитания. Ли Дон Гор был одним из тех коммунистов, кто по своим личным качествам и по стремлению к самовоспитанию вправе служить примером для других.

Хотя Ли Дон Гор погиб, но отданные им на алтарь революции кровь и энергия зажгли десятки, сотни искорок в бассейне реки Туман и в глубинных районах Кореи. После ареста Ли Дон Гора в район Ёнса направилась вместо него Ким Чен Сук, восстановила там связи между членами подполья, создала парторганизации и организации ЛВР, завершив его дела. Эти организации стали большим подспорьем в подготовке всенародного сопротивления.

Не следует смотреть на реку Туман равнодушно.

3. Верность женщин-борцов делу революции

Уважаемый вождь товарищ Ким Ир Сен часто вспоминал о женщинах-борцах, которые погибли смертью храбрых на поле брани или во вражеских застенках, так и не увидев освобожденную Родину, и о партизанках, до конца остававшихся беззаветно верными революционному долгу.

В этом разделе собрана часть воспоминаний родного вождя о женщинах, которые в самые суровые дни нашей революции без малейших колебаний отдали свою жизнь борьбе за ее интересы, сохранив до конца честь коммуниста.

Я с большим удовлетворением осматривал только что обустроенное Мемориальное кладбище революционеров. В его сооружение, вижу, вложен ваш большой труд.

Сколько женщин из погребенных здесь ветеранов революции? Вы говорите – более десяти. Это, думаю, немало. И все они достойны таких бюстов и надгробных памятников с начертанными их именами.

Ли Сун Хи мужественно боролась с врагом как комсомольская работница. Одно время она была начальником детского управления в Ванцине. Я хорошо знаю ее. Ли Сун Хи имела характер, что кремень. Враги, полагая, что она, мол, девушка слабая, хотели выведать у нее тайны подпольной организации, но было тщетно.

Враги подвергали ее пыткам, да еще каким! Но она никакого секрета не выдала. Таких борцов надо ставить в пример подрастающим поколениям.

Чан Гиль Бу не была партизанкой, но она прожила свою жизнь достойно, как подобает матери революционера, родившей и вырастившей Ма Дон Хи. Она послала в партизаны и свою дочь, и свою сноху. А сама, оставшись дома, помогала революционерам. В вооруженной борьбе участвовали ее сын, дочь и сноха – и все погибли. Тот, кто с оружием в руках участвовал в антияпонской войне, является героем. Тогда еще не было порядка присвоения звания Героя. Была бы такая система, все дети Чан Гиль Бу стали бы героями. Она же сама – мать, вырастившая трех героев, по праву захоронена на Мемориальном кладбище революционеров. Ей было много лет, но она внесла свой немалый вклад и в социалистическое строительство.

Все остальные женщины, кроме Чан Гиль Бу, были партизанками, они с оружием в руках вместе с нами участвовали в революционной борьбе против японского империализма.

Бюсты двух женщин поставлены в одном ряду с Ким Чаком и Кан Гоном. Это, можно сказать, говорит о месте и роли наших женщин в антияпонской революционной борьбе. Ким Ир, Рим Чхун Чху, Чвэ Хён и другие ветераны революции настоятельно просили меня поставить бюст Ким Чен Сук там. Они говорили, что это единодушное чаяние народа, единодушное желание соратников.

Поставить бюст Чвэ Хи Сук в одном ряду с ней предложил я. Она достойна быть в первом ряду. Поставить их бюсты в одном ряду – это естественное дело, если учесть и их дружбу в дни антияпонской революции. Когда

Ким Чен Сук выполняла трудную работу подпольщика в Таоцюаньли, контролируемом противником, Чвэ Хи Сук пошла в село Яофанцзы и оказывала ей помощь, соблюдая конспирацию. Находясь здесь, Чвэ Хи Сук умело содействовала Ким Чен Сук, чтобы она перешла в Синпха и развернула активную деятельность по созданию организаций. Осенью 1939 года, когда потребовалось изготовить много военного обмундирования в районе Вукоуцзяна, она вместе с Ким Чен Сук трудилась дружно и активно. За высокую ответственность и трудовые успехи в подготовке военного обмундирования мы подарили Чвэ Хи Сук золотое кольцо и часы.

Чвэ Хи Сук относилась к числу бывалых среди женщин-бойцов КНРА. Она вступила в партизанский отряд, если не ошибаюсь, еще в 1932 году. Это был тот памятный год, когда в различных уездах Восточной Маньчжурии один за другим рождались антияпонские вооруженные отряды. В рядах КНРА было немало партизанок, но среди них мало кто вступил в отряд в 1932 году. Боец, взявший в руки оружие в 1932 году, достоин пользоваться уважением как заслуженный ветеран.

Впервые я встретился с нею, наверно, весной 1936 года. Тогда многие женщины, служившие в отрядах в районах Яньцзи и Хэлунса, были переведены в нашу главную часть. Именно тогда перешли в главную часть Ким Чен Сук и Чвэ Хи Сук.

Все партизанки звали Чвэ Хи Сук старшей сестрой. Многие партизаны тоже звали так. И по возрасту она доводилась нам старшей сестрой. Она была старше меня на несколько лет. Среди партизанок, кажется, она была самой старшей после Ким Мён Хва и Чан Чхоль Гу.

В обществе боевых друзей называли ее старшей сестрой не только из-за возраста: она была примером для других во всем – и в будничных делах, и в выполнении заданий. А в добавок к этому заботилась о своих боевых друзьях – и еще как! Она отличалась политической зрелостью и большим организаторским умением. За ее плечами было несколько лет работы в местных организациях – она занималась и в комсомоле и в Обществе женщин, и работой с антияпонским отрядом китайских националистов. Поэтому я часто давал ей трудные поручения. И в дни после Сюохаэрбалинского совещания она продолжала возглавлять пошивочное подразделение КНРА. Это говорило о нашем доверии к ней.

Все командиры и бойцы главной части всегда восхищались ее необыкновенной верностью и революционностью. Все, что делала она, всегда трогало сердца боевых друзей. И я тоже не раз восхищался ее человеческими качествами, высоким чувством морального долга. Вот одна из картинок, которая осталась в памяти в дни Трудного похода. Однажды в глухую ночь, когда все уже спали крепким сном, она сидела одна у костра и, отогревая у огня коченеющие руки, чинила порванную одежду товарищей по оружию. Она никогда не позволяла себе расслабиться до тех пор, пока она не выполнит своих заданий, даже если не отыхала два или три дня и утоляла голод одной только водой. Зато, как только заходила речь об успехах в работе, она всегда приписывала их своим товарищам по оружию. Не забыть ее слова и поведение при награждении отличившихся в подготовке военного обмундирования. Получив в награду золотое кольцо и часы, она очень смущалась: «Ведь

сколько людей, — говорила она, — потрудились, чтобы сшить военную форму? Не одна же я, а только мне такую особую награду...»

После Сюохаэрбалинского совещания она участвовала однажды в операции небольшого отряда. И вот, возвращаясь в Ставку с важным донесением, она столкнулась с вражеской карательной экспедицией, в ходе которой враг, словно частым гребнем, прочесывал все горы и сопки.

Обнаружив малый отряд, противник отчаянно преследовал его, стремясь схватить партизан живыми. Будучи окруженной со всех сторон, Чвэ Хи Сук, к несчастью, получила сквозную рану в ногу и попала в руки карателей.

Чтобы выведать тайны, враги подвергли ее жестоким пыткам, да еще каким! Их невозможно ни описать, ни даже представить. Озверев, они выколили у нее глаза. Но ни пытки, ни угрозы не смогли сломить партизанку, поколебать ее глубокую верность своим убеждениям.

Перед смертью она воскликнула:

— У меня сейчас нет глаз, но я вижу победу революции!

От этого ее заявления враги пришли в крайнее замешательство. Затем они убили ее и вырезали сердце: хотели, видимо, посмотреть, каково сердце коммуниста. Разве отличается чем-либо сердце коммуниста? В сердце нет ни знака революционера, ни знака предателя. Но если сердце революционера бьется во имя Родины, нации и товарищей по революции, то сердце предателя, можно сказать, всегда колотится только ради самого себя.

Говорят, враги, поймав Чвэ Хи Сук, тут же отняли у нее золотое кольцо, данное нами в награду. Но им так и

не удалось лишить ее веры в нас и чувства долга к нам, которые хранились в ее душе.

Хотя враги вырезали у нее сердце, но им не было дано понять эту истину.

Тем, кто не умеет искренне любить Родину, не понять, что такое верность делу революции, не понять и высоту того благородного, прекрасного духовного мира, который выражается во взгляде коммуниста на жизнь.

Весть о гибели Чвэ Хи Сук все мы встретили с глубоким прискорбием: она ушла от нас, так и не увидев дня освобождения Родины, о чем так мечтала. Партизанки от горя не могли есть: горький ком стоял у них в горле.

Я тоже долго не мог преодолеть горечь от ее утраты.

Мы в ее словах черпали большую силу. Стоя у черты смерти, она со связанными руками, уже без глаз, воскликнула, что видит победу революции. Каким стойким и гордым революционным духом дышат эти слова! «Вижу победу революции!» – не всякий может сказать так перед лицом смерти. Так могут говорить только те, кто убежден в правоте, справедливости своего дела. Это поистине крылатые слова, и их могут произнести только борцы, отличающиеся непоколебимой верностью революции. Эти слова и есть итог жизни женщины-борца Чвэ Хи Сук.

«Вижу победу революции!» – эти золотые слова и сегодня для нашего народа, для детей и молодежи символизируют революционный оптимизм. Можно сказать, что ее восклицание звучит и сейчас, его отчетливо слышит наш народ.

Я за оптимизм, люблю оптимистов. «Хоть небо обвалится, а выход всегда найдется» – таков один из девизов моей жизни, которому я придаю важное значение.

Лишь благодаря этому оптимизму я, пройдя сквозь огонь и воду и медные трубы, мог без малейших колебаний и уклонов, сохраняя здоровье и силы, возглавлять революцию и строительство нового общества.

И поныне мне не позабыть последние слова Чвэ Хи Сук, которые она произнесла, уже ослепленная, не видя даже единственного лучика света.

Не забыть – ибо в них выражены стойкая воля и непоколебимая вера корейского коммуниста.

Еще раз подчеркиваю: Чвэ Хи Сук – достойная женщина-революционерка, заслужившая место в первом ряду нашего революционного отряда, которому приходилось проходить через самые суровые испытания.

Пак Вон Чхун, ее муж, находился в заключении в Содэмунской тюрьме.

А ведь не одна партизанка встречала последние минуты своей жизни так же, как и Чвэ Хи Сук.

То же самое можно сказать и о гибели Ан Сун Хва. Нелегко прожить достойно последние минуты своей жизни.

Ан Сун Хва – жена Ли Бон Су. Когда Ли Бон Су был военным врачом, она работала шефом-швеей в той же части.

У них было пятеро детей, которые в годы партизанской войны либо умерли, либо оказались разлучены с родителями. У старшего сына были ампутированы все пальцы ног из-за обморожения, и его вместе с тяжелоранеными перевезли в Советский Союз. Дочь умерла от кори, а следующий – сын, погиб от штыков японской солдатни во время налета на партизанский район. Младшая дочь умерла с голоду, а пятый – младший сын – остался на

попечении в чужом доме, но о нем, говорят, не было с тех пор ни слуху ни духу, даже неизвестно, жив он или нет. Вышло в свет несколько воспоминаний Ли Бон Су. Если бы был жив тот пятый, непременно вернулся бы к отцу, но такой вести ко мне пока не поступило.

Если бы младенца оставили другим людям, когда ему не исполнилось и двух лет, то он не мог бы знать своих настоящих родителей. Возможно и то, что приемные родители не рассказали ему, что у него есть родные отец и мать.

Ан Сун Хва враги арестовали весной 1938 года. Однажды, когда партизаны тайного лагеря по приказу Ставки готовились к походу в Южную Маньчжурию, откуда ни возьмись, в тайный лагерь нагрянул карательный отряд противника.

А там тогда находились в основном работники госпиталя и швеи пошивочного подразделения. Какие муки и страдания пришлось пережить арестованной Ан Сун Хва!

Враги подвергли ее жестоким пыткам, требуя выдать расположение партизан и местонахождение продовольственного склада, хранилищ боеприпасов и лекарств. Командир карательного отряда пытался поколебать ее сллащавыми уговорами: «Не жаль ли проливать даром кровь, отдать молодость, когда у вас нет никакого шанса на победу?»

Если бы она, боясь пыток, послушно отвечала тогда на вопросы противника, то могла бы остаться в живых.

Пытаясь дезорганизовать наши революционные ряды, враги, случалось, «тепло» относились к капитулировавшим, не карали их. Укажешь свидетеля в заявке

о капитуляции, поставишь отпечаток пальца, и ты сохранишь жизнь, хотя вчера, крича: «Долой японский империализм!», вел вооруженное сопротивление.

Будучи женщиной с хрупким здоровьем, Ан Сун Хва перенесла вражеские ухищрения и пытки. Ее воля и стойкость оказались выше всяких похвал! Враги пинали ее ногами, растаптывали, выдергивали волосы. Когда Ан Сун Хва, яростно сопротивляясь, обозвала их мерзавцами, они, совсем озверев, начали вбивать ей в грудь и живот дубовые коляя, приговаривая: «Жаль на тебя пули!»

Когда под кожу ладони попадает заноза, человек морщится. Это же естественная реакция человека. А представьте себе, какие лютые муки испытывала она, когда огромный деревянный кол вколачивался острием глубоко в ее тело, пронзая плоть и дробя кости!

Но, несмотря на невыносимую боль, на тяжкие муки, она ни на йоту не утратила верности революционера. Она говорила все, что хотела говорить, и осталась верна тому, что ей было дорого. В момент, когда в ее тело вонзился дубовый кол, она, напрягая последние силы, кричала: «Да здравствует корейская революция!», «Да здравствует свобода женщин!»

После гибели Ан Сун Хва товарищи по оружию, развязав ее вещмешок, приводили в порядок ее наследие. Среди вещей оказались саржевая юбка и скатерть, которую она не успела связать до конца. Юбку для нее купил муж, Ли Бон Су, в конце 1920-х годов на те деньги, которые заработал во Владивостоке, трудясь там в порту.

Говорят, за 10 лет она ни разу не надевала саржевую юбку, только носила ее в вещмешке. Что же вы думаете, почему она так любовно берегла эту вещь? По всей

вероятности, она хотела нарядиться в нее в день освобождения Родины. Одна только эта деталь говорит нам о том, как она твердо верила в завтра, в день победы революции. И скатертью, которую она вязала урывками из ниток развязанного старого нижнего белья, она тоже хотела накрыть, может быть, стол для мужа после освобождения Родины.

Когда покрывали саржевой юбкой мертвое тело жены, Ли Бон Су, говорят, не удержался от слез: какая острыя боль жгла его сердце при виде остававшихся нетронутыми складок на юбке, сложенных 10 лет тому назад!

Таких женщин, как Чвэ Хи Сук и Ан Сун Хва, было немало и в антияпонских вооруженных отрядах Северной Маньчжурии. С какой стойкостью отстаивали честь революционера корейские женщины, боровшиеся в Северной Маньчжурии, можно видеть и на примере Хан Чу Э. Она, шеф-швея, готовила в тыловом тайном лагере ватники для партизан. Во время налета карателей была схвачена врагом вместе со своей дочкой. Ради того, чтобы подруги выскоились из лагеря, она преднамеренно обнаружила себя, вступила в безуспешную перестрелку и попала в руки карателей.

Несколько месяцев находилась она за решеткой. Враги оторвали мать от дочки: сажать, мол, мать с дочкой в одну камеру – слишком большая роскошь. Чтобы сломить волю Хан Чу Э, враги порой приводили к ней дочку, устраивали свидание с ней. Это был злой умысел, попытка подло использовать чувство материнства. Но никакие ухищрения не смогли сломить верность Хан Чу Э своим убеждениям.

Враги расстреляли ее на берегу реки Уссури. Палачи

японской жандармерии обещали, что не убьют ее, если она вымолвит хотя бы только одно слово раскаяния в своей вине. Но она оставалась непреклонной до конца.

Восемь швей, в том числе Ан Сун Бок, Ли Бон Сон, служившие в партизанском отряде Северной Маньчжурии, вели смертельный бой с противником, который налетел, сжимая кольцо окружения. А когда наступил критический момент и их уже могли схватить враги, они, женщины в самом расцвете лет, бросились в глубокую реку Муданьцзян. Подобные случаи были и среди восточно-маньчжурских партизанок. Семь партизанок по пути в Нэйдаошань попали в кольцо вражеского окружения. Они бросились в реку Фуэрхэй и покончили с собой. Их смерть, смерть храбрых, вошла в историю антияпонской революции как новая легенда.

Не помню точно, в каком году, во время посещения Китая я посмотрел фильм, посвященный борьбе восьми пламенных патриоток Муданьцзяна. Не могу передать, как я был глубоко тронут.

Самоотверженно сражались не только женщины Северной Маньчжурии. То же самое можно сказать и о партизанках Южной Маньчжурии. Среди них – Ли Сун Чжор, близкая сестра для южноманьчжурских партизан, которая оставалась беззаветно верной своим убеждениям, как подобает революционерке.

Ким Су Бок была арестована во время работы в подполье в Чжуцзядуне уезда Чанбай и погибла.

Герои – это люди не особого склада. Героями называют таких, как Чвэ Хи Сук, Ан Сун Хва и семь пламенных патриоток Восточной Маньчжурии.

Теперь о Чо Ок Хи – председателе Пёксонского

уездного комитета женсюза. В дни нашего временного отступления она партизанила в контролируемом врагом районе, затем была арестована врагом и убита. Мы присвоили ей звание Героя КНДР. Она тоже была стойкой женщиной, до конца отстоявшей честь революционера, как Чвэ Хи Сук и Ан Сун Хва. Враги вырвали ногти из ее рук и ног, выкололи глаза, вырезали грудь, жгли ее тело раскаленным железным прутом. Но все это ее не сломило. Наоборот, она грозно кричала на врага и погибла храбро, с возгласом: «Да здравствует Трудовая партия Кореи!»

Сколько врагов могла бы сразить партизанка Чо Ок Хи? Мы не придавали значения численности выведенных из строя солдат противника – мы ценили ее высокий боевой дух и революционные убеждения: она шла на место казни с высоко поднятой головой, сама приговаривая врагов к смерти. И мы решили наградить ее. Не удивительно ли, что так славно погибла простая женщина, которая прежде занималась земледелием и всего несколько лет ведала работой женсюза. Мне захотелось, чтобы ее хорошо знали и крепко помнили и в нашем народе, и во всем мире. Я посоветовал снять фильм, посвященный ей, воздвигнуть ее скульптуру, присвоить имя Чо Ок Хи сельхозкооперативу на ее родине.

Уважаемый вождь товарищ Ким Ир Сен, осматривая Музей корейской революции, надолго задержался перед хранящимися в музее тугу заплетенными косами борца антияпонской революции Ли Ге Сун. Когда ей исполнилось 16 лет, она отрезала и отправила свои косы матери – в знак твердой решимости посвятить себя целиком делу революции.

В тот день товарищ Ким Ир Сен, долго не сводя глаз с ее кос,

указывал, что это ценная реликвия, что их следует хранить бережно. Впоследствии он тепло вспоминал о Ли Ге Сун.

Из этой истории с ее косами мы хорошо представляем, какая Ли Ге Сун замечательная революционерка. Эти косы заставляют меня думать о стойкости, чистой верности наших матерей, сестер, революционерок нашей страны.

Вообще корейская женщина отличается мягкостью в обращении, а в душе она – кремень, обладает стойкостью и верностью. В дни антияпонской революции я еще глубже убедился в этом. Косы Ли Ге Сун, можно сказать, символизируют непоколебимую верность женщины-революционерки.

Когда я вел подпольную деятельность в Маньчжурии, мать моя устлала мою обувь волосами своей косы. Ее она берегла несколько лет с того времени, когда жила в Корее. В зимнюю стужу, когда я проходил по безлюдным местам, где бушевала вынога, сколько ни шагал я, ноги мои отчего-то не замерзали. Чем дальше шел я, тем больше ощущал тепло в ногах. Добравшись до места назначения, я снял обувь: подошва была выстлана косой!

Тогда я подумал: в любви бывает всякое, но нет на свете такой любви, которая могла бы сравниться с материнской. Та коса, которой была выстлана моя обувь, – знак материнской любви.

Когда временное правительство корейцев, образованное в Шанхае, и фракции Чонъибу, Чхамибу, Синминбу и тому подобные организации Армии независимости, появившиеся в районах Северо-Востока Китая, собирали налоги с населения, я слыхал, что немало женщин пожертвовали в фонд для достижения

независимости деньги, вырученные от продажи кос. Косы того времени были знаком патриотизма.

Знаете ли, почему я, говоря о Ли Ге Сун, вспоминаю прошлое, связанное с косой? Одна только эта коса как нельзя лучше говорит о прекрасном человеческом облике ее хозяйки.

О Ли Ге Сун как никто хорошо знают Ким Ир и Пак Ён Сун. Они боролись вместе с ней. Если вы хотите собирать материалы о Ли Ге Сун, нужно обращаться к первому заместителю Председателя Кабинета Министров Ким Иру и Пак Ён Суну. Правда, некоторые люди говорят, что обращаться к первому зампреду Ким Иру не очень интересно – он, мол, молчалив и неразговорчив. Так говорят те, кто плохо знает его. Действительно, он не любит говорить о себе, но о других-то хорошо говорит, да еще как!

Ли Ге Сун вступила на путь революции с помощью своего старшего брата Ли Чи Чхуна. Когда я учился в Юйвэньской средней школе, Ли Чи Чхун начал революционную борьбу в Гиринском педучилище под нашим руководством. Позже он вернулся в Хэлун, где проживали его родители, и руководил там комсомольской работой. К несчастью, он был схвачен и убит врагами. Расстреляв его, они сожгли его труп. Выходит, он был убит дважды.

Ли Ге Сун встретила весть об этом в Юйланцуньском партизанском районе. На рассвете следующего дня, после того, как она узнала о гибели своего брата, распустив волосы, отрезала их ножницами и сплела в косы. Вместе с косами она послала матери следующее письмо:

«Мама! Слышала, что после моего ухода из дома погиб

старший брат. Как тебе горько и тяжело!

Но не горюй и не грусти, родная... Не показывай врагам слез...

Посылаю тебе мои косы. Пусть я долго не вернусь к тебе, но посмотри на мои косы, как на меня. От души желаю тебе доброго здоровья до тех пор, пока не наступит день победы революции».

Это была для Ли Ге Сун последняя исповедь перед матерью. Она, думаю, решила отдать всю свою жизнь делу революции.

По словам Пак Ён Суна, много лет работавшего в подполье в Хэлуне, Ли Ге Сун сызмальства выделялась чуткостью к революции, острым умом и пользовалась большой любовью масс.

Летом 1933 года она получила от партийной организации задание работать в подполье в городе Лунцзин. Ей было поручено прежде всего восстановить разрушенные и создать новые подпольные организации. В районе Лунцзина – одного из важнейших опорных пунктов вражеского правления – военные, полицейские и сыщики кишили, как муравьи в муравейнике. Чутье у органов их разведки, свивших гнездо в этом районе, было весьма изощренным.

Революционная организация партизанского района направила в этот район Ли Ге Сун, не имевшую до тех пор особого опыта подполья. Это было свидетельством доверия к ней.

К тому времени большинство партийных организаций, ячеек Общества женщин, Детского авангарда и других массовых организаций в городе были разгромлены и почти все их члены арестованы.

Ли Ге Сун, твердо решив самой решать все дела, поступила чернорабочей в столовую «Куксу», куда собирались много народа. Никому и в голову не приходило, что деревенская по виду женщина, с закопченным лицом, работающая всего-навсего истопницей, является подпольщицей, посланной коммунистической партией. Та столовая была замечательным опорным пунктом для подполья.

Ли Ге Сун ходила за водой, стирала белье, мыла посуду, словом – не брезговала никакими делами, что давал хозяин. И его это радовало: какой клад привалил прямо в руки!

Однако Ли Ге Сун нужна была такая работа, которая позволила бы ей целый день суетиться на улице, – тогда будет и время на то, чтобы восстанавливать разрушенные и создавать новые организации. Такая работа была – таскать поднос лапши – куксу. В то время люди, имевшие деньги или власть, заказывали куксу на дом. Сидя дома, как говорится, подогнув одну ногу под себя, а другую положив на колено, кричали: «Подать столько-то порций куксу из картофельного крахмала!», и разносчики доставляли заказчику на деревянном подносе отдельно куксу и мясной бульон.

Ли Ге Сун пользовалась доверием старой хозяйки, и ей удалось стать разносчицей. Каждый раз, разнося куксу, она выкраивала время для встреч с нужными членами организации. В первую очередь она восстановила организацию Детского авангарда. Однако проделать пешком несколько десятков ли в день с установленным мисками куксу деревянным подносом на голове было не так уж легко. Однажды она с подносом на голове

торопилась к заказчику, а навстречу ей, как назло, мчалась на бешеной скорости японская полицейская машина. Она едва смогла избежнуть столкновения, но какой ценой! Деревянный поднос упал с головы, и разбились миски с куксой.

За это хозяин ругал ее на чем свет стоит и запретил работать разносчицей. Но она не пала духом. Когда заканчивалось время работы, она, несмотря на усталость, выходила на задний двор столовой и, наложив камней на поднос, тренировалась в ходьбе с поклажей на голове до поздней ночи.

Такой кропотливый труд Ли Ге Сун привлек к себе внимание хозяина.

Тогда ей было, наверное, лет семнадцать. Женщины-борцы уже лет в 15 – 16 развертывали политическую деятельность. Они уже на втором десятке лет выступали с агитационными речами, работали в подполье в контролируемом врагом районе, способны были заниматься созданием организаций. В этом возрасте они уже были в курсе мирских дел. Факт, что они раньше созревали, чем нынешняя молодежь: это же было то поколение, которое, будучи лишенным родной страны, жило в горе и нужде.

Однако не следует думать, что хлебнешь много горя – непременно станешь передовиком, борцом. Главное – в идейности. Только идеино подготовленные люди способны вступать в революционную борьбу и в раннем возрасте. Такие, если уж начнут революцию, возьмутся за дело по-настоящему. Идейно же некрепкие не могут делать революцию. Ли Ге Сун делала революцию хорошо – как раз потому, что она была идеино зреющей.

Ныне встречаются такие люди, которые говорят: «Двадцать лет? Фу, молоко на губах у них еще не обсохло». И неохотно прислушиваются к голосу молодых.

Немало случаев, когда и те, кто ведает кадровой работой, считают людей лет до 30 почти что несмышленышами, не умеющими разбираться в мирских делах. Они думают, что руководящими кадрами могут стать только люди старше 30, 40, а то и 50 лет. Это весьма порочный взгляд. И юноши и девушки лет до 30 вполне могут справляться с ответственными делами, если им поручат их. Я глубоко убедился в этом, когда был занят партийным, государственным и военным строительством в первые дни после освобождения страны.

В дни антияпонской революции среди молодых людей до 30-летнего возраста были и секретари уездных и провинциальных парткомов, и командиры дивизий, корпусов.

Мне исполнилось чуть больше 20 лет, когда я был Командующим революционной армией. Если не выдвигать молодых людей, то кадровый состав может стать чересчур старым, и тогда наше поступательное движение лишится жизненности. В кадровой работе следует последовательно придерживаться принципа: сочетать людей старого с людьми среднего и молодого возрастов.

Самый большой разговор о Ли Ге Сун шел среди населения Восточной Маньчжурии в то время, когда ее муж Ким Иль Хван, работавший секретарем Хэлунского укома партии, пал от рук шовинистов по обвинению в причастности к «Минсэндану». Тогда население района Цзянъдао единодушно осуждало и ненавидело главных преступников, убивших Ким Иль Хвана. И к его вдове Ли

Ге Сун все относились с сочувствием.

Многие люди даже предполагали: не откажется ли от революции Ли Ге Сун, разочаровавшись в решении руководства парткома Восточной Маньчжурии, не покинет ли она партизанский район. В то время среди членов организаций и партизан района Цзяньдао было немало тех, кто, возмущенные левацким бесчинством руководства парткома Восточной Маньчжурии, поворачивались спиной к партизанскому району. Факт, что облик коммуниста был сильно запачкан левацкими перегибами в борьбе против «Минсэндана».

Простая женщина оставила бы партизанский район, разочаровавшись в революции, или, опустив руки, проводила бы дни, сетуя на горькую свою судьбу. Но Ли Ге Сун, наоборот, расправилась во весь рост, приняв твердое решение принести больше пользы делу революции, лучше выполнять свои задания. Решила она доказать, что ее муж – человек чистой совести, что у него – ни единого позорного пятна перед революцией.

Когда в партизанском районе Чэчанцы наступил жестокий голод, Ли Ге Сун была на последнем месяце беременности. И как раз в это время она не могла питаться как следует.

Но она меньше думала о себе и о новой жизни, которая появится на свет, а больше беспокоилась о жителях партизанского района, которые не могли двигаться, измученные голодом. Почти каждый день она ходила за съедобными растениями и корой деревьев. Когда и их не оставалось, она ловила лягушек, собирала лягушачью икру, ухаживала за людьми, страдавшими дистрофией.

Вскоре Ли Ге Сун разрешилась от бремени, но не

могла кормить ребенка грудью. Как говорится, беда не приходит одна: к тому времени партизанский район был ликвидирован. Ли Ге Сун отправила своего младенца вместе с свекровью в контролируемый врагом район, а сама вступила в партизанский отряд. Так на попечение свекрови была отдана дочка, родившаяся после смерти Ким Иль Хвана.

Говорят, прощание с ребенком было до слез горестным. Младенцу едва стукнуло два годика. Девочка дрыгала ногами, не желая оторваться от матери, плакала и свекровь. А Ли Ге Сун то и дело возвращалась к дочке и обнимала, — так было жаль ее, — и всхлипывала... Да и как не прослезиться при таком расставании!

В дни, когда с ликвидацией партизанских районов родные, друзья и товарищи по революции расходились кто куда, все плакали так же, как они, прощаясь со слезами на глазах.

Говорят, ее свекрови пришлось перенести немало горя и нужды, чтобы выкормить внучку. Кормить чужим грудным молоком можно было только раз или два, нельзя же было постоянно пользоваться чужой помощью. И она, разжевав как следует крупинки ячменя и кукурузы, сваренных на пару, совала такую кашицу в рот младенцу.

Женщина-боец Ли Ге Сун взяла в руки оружие, испытав такую большую беду, такую невыразимую боль в душе, которые трудно вынести женщине. Она вступила в наш отряд в Фусуне.

Вскоре мы направили ее в тыловой госпиталь: она была обморожена, и в таком положении никак невозможно было оставаться в боевом строю. Сначала она упиралась,

отказывалась идти в больницу, со слезами на глазах просила, чтобы ей дали возможность продолжать драться на передовой линии.

Но я не посчитался с ее упорством, беспокоясь о ней самой. Я говорил ей: «Ты, наверно, не знаешь, какое страшное это обморожение, коли так упрямишься. Возможностей сражаться будет еще сколько угодно. А сейчас иди немедленно в больницу лечиться. У меня отец умер от обморожения. Что ты будешь делать, когда все пальцы ног согнут и распадутся, и ты станешь инвалидом с костылем?» Лишь тогда она поневоле согласилась отправиться в госпиталь на лечение.

Тыловой госпиталь, где ее лечили, находился в Хэйсяцзыгоуском тайном лагере. Оттуда до горы Пэкту рукой подать. В новогодний праздник по лунному календарю, в 1937 году, я обходил тыловые тайные лагеря в районе Хэншаня. Пак Ён Сун и другие товарищи из ружейно-ремонтной мастерской, смастерив из банки приспособление для приготовления *куксу*, делали *куксу* из картофельного крахмала и угостили меня. Этот случай был в новогодний праздник именно того же года.

Когда мы пришли в тыловой госпиталь, Ли Ге Сун очень хлопотала, чтобы угостить нас лакомством. По словам врача по фамилии Сон, она не бережет своего здоровья – хотя и находится на лечении, работает и сиделкой, и поварихой.

Покидая больницу, я посоветовал Ли Ге Сун целиком заняться только лечением, а на другие дела не обратить внимания. Иначе, постращал я ее, никогда не вылечишься.

После этого случая мне уже ни разу не довелось встретиться с ней. Только несколько раз отправлял через

связного письма и продукты товарищам в больницу.

Когда мы на время покинули район гор Пэкту, карательные отряды противника налетали на тыловые тайные лагеря нашего отряда. Тогда и тыловой госпиталь, которым заведовал врач Сон, подвергся внезапному налету. В смертельном бою погиб Пак Сун Ир, а Ли Ге Сун была схвачена врагом, ее увезли в уездный центр Чанбай. Только Ли Ду Су оставался в живых.

Да где же нам было узнать об этом? Мы направили в госпиталь как связных Ким Чон Пхира и Хан Чо Нама с продовольствием на спине. Я велел им привести всех больных, лечившихся в больнице, которые теперь выздоравливали. Но они вернулись в отряд только вместе с Ли Ду Су, который так страшно изменился, что его трудно было узнать, — столько ему пришлось пережить. Лишь тогда мы узнали о беде, обрушившейся на тыловой госпиталь.

Я направил во все стороны группы разведчиков, чтобы узнать, где она, Ли Ге Сун, и жива ли она или нет. И все разведгруппы возвратились с прискорбной вестью о том, что она была убита спустя чуть более 10 дней после ареста. Были и разведчики, которые встречались с чанбайцами — очевидцами последних минут гибели Ли Ге Сун.

Ее расстреляли, говорят, в базарный день. В тот день враги, объявив, что состоится покаяние «капитулировавшей» женщины-бойца коммунистической армии, заставили население собраться на школьной площадке, куда пригоняли и всех торговцев, приходивших со стороны Хесана.

Почему Ли Ге Сун вынудила врагов предоставить

ей легальную возможность выступить с речью перед населением? В этом, я думаю, проявился настоящий облик Ли Ге Сун как коммунистки. Она потребовала собрать население на площадку потому, что хотела закончить минуты своего прощания навеки с родным народом призывом продолжать антияпонскую революцию. А ведь скажи она, и в самом деле, несколько слов «покаяния», враги могли бы оставить ей жизнь. Но Ли Ге Сун не встала на такой позорный путь. Она была готова умереть. А кто готов к смерти, тому не страшны ни штык, ни пуля, тот говорит то, чего хочется.

Говорят, она произнесла целую речь: «Я умираю, но здравствует Корейская Народно-революционная армия. Здоров и ее Командующий. На свете нет таких сил, которые смогли бы победить ее. Не за горами тот день, когда японские империалисты погибнут и Родина станет свободной. Пусть все, сплотившись воедино, встанут на антияпонскую войну сопротивления, невзирая на репрессии противника!»

Ли Ге Сун до последней минуты своей жизни старалась выполнить свою миссию, свой долг как верного слуги народа, как его воспитателя и пропагандиста.

Представьте себе, как враги были поражены! Женщина-боец коммунистической армии, которая, как ожидалось, выступит с покаянием, начала революционную пропаганду, призывая собравшихся на борьбу против японских захватчиков.

Коренные жители района Чанбая говорят, что и поныне живо в их памяти то событие. Видимо, речь партизанки дала довольно сильный толчок местному населению.

Ли Ге Сун стала такой известной женщиной-борцом

потому, что она так мужественно встретила свои последние минуты. Именно эти последние минуты и стали кульминацией ее жизни. Кульминация жизни – это, можно сказать, тот момент, когда духовная сила и вся деятельность человека достигает высшей точки. Такой кульмиационный час, считаю, к каждому человеку приходит в разное время. Одни встречают его до 30 лет, у других он может проявиться до 60, а у третьих – до 70 или 80 лет.

История никогда не забывает тех, кто так мужественно и достойно встречает конец своей жизни, как Ли Ге Сун и Чвэ Хи Сук. И она может предать забвению тех, кто одно время прославлял свое имя, но, остановившись на полпути, завершил свою жизнь некрасиво.

Именно поэтому я не могу забыть Ли Ге Сун. Такой достойной женщиной-борцом, как Ли Ге Сун, можно гордиться перед всем миром. Ее героический жизненный путь – это готовый замечательный материал для революционного романа или фильма. Ли Ге Сун – настоящая дочь корейской нации, один из ярких примеров женщины-революционерки.

Родная мать Ли Ге Сун долго тосковала одна, не зная, жива ли внучка по дочерней линии или нет. Лишь после перемирия, после Отечественной освободительной войны, встретившись с внучкой, учившейся в Университете имени Ким Ир Сена, бабушка передала ей косы, оставленные в наследство дочерью. Это наследие, передававшееся в трех поколениях, были не просто косы – это был символ бесценной жизни пламенной патриотки Ли Ге Сун. Дочка не помнит ни лица, ни голоса матери: когда она разлучилась с ней, ей минуло

всего два годика. Но мать все-таки возвратилась к дочери в облике этих кос. Где еще в мире увидишь такую встречу? Дочка, прикоснувшись щекой к косам своей матери, дала волю слезам.

Дочь Ли Ге Сун верно продолжает дело революции, начатое ценой жизни ее родителями.

Не перечесть всех женщин, которые, без колебаний отдавая свою жизнь, отстояли свое достоинство и честь революционера.

Мое заявление о том, что женщина катит одно из колес телеги, именуемой революцией, – это отнюдь не отвлеченные слова. Оно основано на живом опыте непосредственного участника, свидетеля кровавой истории антияпонской революции и движения за эмансипацию женщин в нашей стране.

4. Женщина, появившаяся в тайном лагере

Это было осенью 1956 года. У личного секретаря великого вождя товарища Ким Ир Сена раздался телефонный звонок. Звонил секретарь Северохамгёнского провинциального народного комитета. Он сообщил, что одна женщина, работающая в детских яслях Хакпхоской шахты, до освобождения страны, по ее словам, воевала в части КНРА. Она настоятельно просила помочь ей встретиться с родным вождем. Она уже отправилась в Пхеньян.

Через несколько дней в здании Кабинета Министров появилась та самая женщина. На вопрос секретаря, в чем дело, она вместо ответа прослезилась и с большим трудом выговорила: «Просто так хотелось бы повидаться с...»

К тому времени товарищ Ким Ир Сен был очень занят с зарубежной делегацией. Когда работа с делегацией кончилась, секретарь доложил ему о встрече и разговоре с гостьей. «Это жена Кан Хын Сока – Чи Сун Ок... Значит, она жива», – с этими словами он предался глубоким воспоминаниям.

Что же это за женщина – Чи Сун Ок?

С этим случаем связаны собранные вместе воспоминания товарища Ким Ир Сена в мае 1972 года при посещении Музея корейской революции, в марте 1976 года после просмотра музыкально-хореографической поэмы-спектакля «Обходный маневр крупными отрядами», а также в октябре 1985 года на Мемориальном кладбище революционеров на горе Тэсон.

Дело происходило, кажется, летом 1939 года: так я его датирую потому, что случай этот как раз совпал с тем временем, когда мы, успешно завершив рейдовую операцию в районе Мусана, занимались на северо-востоке от горы Пэкту военно-политической деятельностью и руководили делами 8-го полка.

Однажды командир 7-го полка О Чун Хыб подошел ко мне доложить о дела в отряде. Закончил он доклад сообщением, что в верховьях реки Вукоуцзян по дороге к Командованию встретился с женой Кан Хын Сока и привел ее в тайный лагерь 8-го полка. Это и была Чи Сун Ок.

Все мы не могли не восхищаться волей женщины, которая добралась к нам в тайный лагерь для встречи с мужем, как она сама сказала, тоскуя о нем.

Горные районы бассейна рек Сунгари и Вукоуцзян были опасной партизанской зоной. Здесь непрестанно рыскали вражеские войска, полицейские и сыщики. Чего доброго, в путника могла угодить и шальная пуля, да и любой проходящий здесь мог быть наказан по подозрению в «связях с бандой». А женщина пришла, причем в одиночку, пренебрегая всякой опасностью, лишь бы увидеть мужа. И совершенно понятно, что все не скрывали восхищения ее поступком.

Ее муж, Кан Хын Сок, слывший метким стрелком, был известен и тем, что очень любил свою жену. По слухам, у него в вещмешке лежали не одно и не два неотправленных письма к жене. Вступив в брак еще подростком, он вскоре покинул родной дом – ушел в революцию. С той поры почти за 10 лет ему ни разу не довелось увидеть жену. Да и жена очень тосковала по мужу.

Как выяснилось позже, японские спецслужбы, раз-

узнав об этом через агентурную сеть, угрозами вовлекли Чи Сун Ок в шпионскую акцию.

Все-таки того Кан Хын Сока ожидала необыкновенная встреча с женой, и его радость была и нашей большой радостью.

Кан Хын Сока в ту пору на месте не было: его послали с заданием приобрести продовольствие. Пришлось нам искать способ как-нибудь сообщить ему, чтобы прибыл на место, где расположилось Командование.

Я встретился с Чи Сун Ок. Это была женщина с опрятной внешностью, умеющая вести себя прилично. Пригласил ее на обед. Наши товарищи радушно предлагали ей угощение: «Попробуйте речную мальму. Ее удил наш Полководец специально для вас. Не стесняйтесь, кушайте на здоровье». Она, казалось мне, была очень удивлена. Но почему-то попробовала всего несколько ложек и затем вообще отказалась от еды. Как ни предлагали, как ни угощали ее, она не принимала нашу любезность.

Чтобы ей было проще освоиться в лагере, я прикрепил к ней одну партизанку. По-видимому, они под одним одеялом всю ночь напролет задушевно беседовали.

Предстоящая встреча супругов стала главной темой разговоров бойцов, все были в веселом ожидании, как накануне праздника. Ведь встреча-то какая! Почти за десяток лет тяжелой вооруженной борьбы у нас не было такого случая. И мою душу наполнило чувство самых добрых пожеланий к ним. Все товарищи с нетерпением ждали Кан Хын Сока.

Между тем после встречи с Чи Сун Ок я не мог стряхнуть с себя и цепкого сомнения: как это она, узнав местонахождение своего мужа, пришла в эту лесную глушь,

прорваться куда не решишься, не рискуя собственной жизнью. Вызвало удивление то, как она смогла так точно определить место нашего отряда. Кроме того, другие, кто беседовал с ней, отмечали, что ее слова порой не вяжутся друг с другом.

Однажды, помнится, через три-четыре дня после ее прихода в тайный лагерь, прибежали ко мне О Чун Хыб и О Бэк Рён. «Простите, я виноват. Без надлежащей проверки привел в Командование японского агента. Все из-за моей слепой доброты». Такое сообщение О Чун Хыба было для меня неожиданным, прозвучало, как гром среди ясного неба. «Ну, и жена у комвзвода революционной армии, — негодовал О Бэк Рён. — Она вовсе не собиралась помогать партизанам, а сделалась собакой японцев и пролезла в партизанский отряд. Эх, поганая!» Разъяренный О Бэк Рён готов был сию же минуту расстрелять ее.

Они объяснили мне вот что: партизанка, живущая с женой Кан Хын Сока в одной палатке, усомнилась в ее искренности, в правдивости ее противоречивых, бессвязных рассказов. И однажды ночью она, тщательно прощупав по швам ее одежду, сшитую в два слоя, обнаружила пакетик с ядом. В те дни наши товарищи без труда различали ядовитые вещества, ибо они столько перепробовали горького, борясь с попытками противника отравить их. «А знает ли она, что мы обнаружили у нее яд?» — спросил я. И услышал в ответ: «Пока нет. И мы за ней установили наблюдение».

Эта новость буквально потрясла меня. Я долго не мог успокоиться. Конечно, и раньше бывали случаи, когда просочившиеся в наше расположение японские шпики или диверсанты были нами разоблачены. Среди

них немало было и выходцев из трудового класса, у которых, казалось бы, нет никаких причин враждебно относиться к нам. Даже простых батраков да рабочих японские империалисты использовали в целях шпионажа и подсыпали к нам.

Но еще не было такого случая, чтобы враги вовлекли в шпионаж жену человека, который служит в революционной армии, причем командиром взвода, и заслали ее в наш военный лагерь.

Если жена командира взвода революционной армии пробралась к нам со шпионским заданием, то это могло быть расценено только как ЧП. Какие, однако, подлецы эти интриганы из японской разведслужбы!

Выслушав доклад О Чун Хыба, я думал, с каким душевным потрясением примет Кан Хын Сок подобную весть. Возникло опасение: чего доброго, разрушится его семья.

Несмотря на протест О Чун Хыба и О Бэк Рёна, я опять встретился с Чи Сун Ок и беседовал с ней сравнительно долго. Спрашивал о том и о сем – о семье Кан Хын Сока, о том, трудно ли было ей добраться до нашего расположения, как живется в доме ее родителей.

Наш разговор, естественно, зашел и о самом Кан Хын Соке. Когда я сообщил ей, что муж вернется с задания завтра или послезавтра, женщина неожиданно зарыдала, закрыв лицо ладонями. Она своими руками разорвала шов на кофточке и вынула из этого тайника пакетик с ядом. «Уважаемый Полководец! Я проклятая женщина, пусть покарает меня небо!» – восклицала она, дрожа всем телом.

Я дал ей водички, и она немного успокоилась. Я говорю ей: «Это очень хорошо, что вы сами признаете свою вину. Революционная армия проявляет великоду-

шие к тем, кто искренне раскаивается в своих проступках. А ведь вы – жена комвзвода Кан Хын Сока. Не бойтесь, расскажите все, о чем есть что сказать. Рассказывайте поподробнее: как вы стали шпионкой, какую затем они вам дали подготовку и с каким заданием заслали вас в революционную армию».

Чи Сун Ок рассказала всю историю, как она стала агентом врага, какую подготовку получила, с каким заданием и каким путем была заслана в лес.

Позднее ветеран революции О Бэк Рён, бывший очевидцем этой картины, вспоминал: «Тогда у меня было такое ощущение, словно моя жизнь сократилась на десять лет. По спине бегали мурашки, меня прошиб холодный пот. Подумать только! Явились шпионка с ядом, увы, прямо к Полководцу. Страшно подумать. Что случилось, если бы ей удалось тайком насыпать яду в котел на кухне или в миску! Та женщина, проклятая и ничтожная, могла бы враз погубить корейскую революцию. При мысли об этом кровь стынет в жилах».

В том и состояла причина, что ветераны антияпонской революции даже не хотели воспоминать о Чи Сун Ок.

В секретных разведданных, составленных японским консулом в Хуньчуне, говорится о цели отправки шпионки Чи Сун Ок и других обстоятельствах.

«Обстоятельства отправки:

1. Содержание директивы

(1) Дезорганизация партизанского отряда путем завоевания Кан Хын Сока.

(2) Отравление командира.

(3) При допросе в партизанском отряде объяснить свое появление в партизанском лагере так: по принуждению родителей вошла в лес, чтобы встретиться с мужем.

2. Способ связи

О себе и завлеченном ею лице из партизан непосредственно сообщать в спецотдел полиции, конкретно майору Катада или лейтенанту Минами.

3. Дата, время засылки в лес и место

Получив согласие родителей на эту работу, за 5 дней, с 5 по 9 августа, дали в Яньцзи все необходимые знания, заслали в горы 10 августа в сопровождении сотрудника отдела по направлению высоты 1088, что к юго-западу от Мынхэдуна уезда Хэлун, и на запад от него – в направлении Иланьгоу, где, по нашему предположению, прятались партизанские отряды (Так определено по тому, что в 22 часа 8 августа 120 человек из главной части Ким Ир Сена совершили налет на село Лунцзэцунь уезда Хэлун и ушли на юго-запад в горно-лесистую полосу).

4. Назначенное время возвращения

Не уточнено, но предполагается примерно через два-три месяца» (Совершенно секретное дело консульства в Хуньчуне № 186, 26 июля 15-го года сёва (1940 г.), доклад составлен Киути Тадао, консулом в Хуньчуне).

Японская спецслужба определила Чи Сун Ок как «возвратного агента». Термин взят из «Трактата о военном искусстве» Суньцзы. Имеется в виду такой агент, который должен непременно вернуться живым после выполнения задания. Судя по тому, что японцы определили ее как «возвратного агента», они, видимо, возлагали на нее огромные надежды. Возможно, намеревались сделать из нее профессиональную шпионку.

Враги заявили Чи Сун Ок: «Твой муж как партизанский пулеметчик лишил жизни многих солдат нашей императорской армии. Не искупить его вину, пусть даже

уничтожим все три поколения его семьи. Но есть путь спасения от гибели: иди в расположение коммунистической армии, уговори мужа сдаться и выполни наши задания. Тогда получишь щедрую денежную награду и заживешь богатой жизнью».

Ничего не оставалось делать Чи Сун Ок под угрозой уничтожения трех поколений. Ее признания гнетущей болью отзывались в моей душе. Даже мне было жалко эту несчастную женщину.

Видите, японские империалисты без зазрения совести спекулировали на чистой любви и верности наших женщин для противоборства с нами. При мысли об их подлости и злобности во мне вскипало чувство возмущения. Империалисты пускают в ход весь арсенал подлых средств и приемов, чтобы задушить революцию. Японские империалисты не гнушались использовать в своих гнусных целях чувство любви между родителями и детьми, между супружами, между братьями и сестрами, учителем и учеником, лишь бы разложить изнутри революционные ряды. Таковы были их привычки. Они до того растоптали дух нашей нации, что пытались разрушить дотла мир прекрасных человеческих чувств нашего народа. Иначе говоря, они хотели превратить всех корейцев в зверей.

Наша вооруженная борьба являлась не только борьбой за возвращение отнятых внешними силами национальной территории и государственности, но и схваткой с варварами для защиты человека и всего человеческого вообще.

Превращать человека в варвара, духовного калеку и урода – такова природа империалистов. Представьте, как они обучали эту женщину шпионажу, заставляли ее помешать мужу в его деле, а заодно и умертвить ядом

его командующего и других боевых друзей. Разве это не попытка сделать человека зверем?

В настоящее время обитатели нашей планеты с беспокойством выступают против загрязнения окружающей среды. Конечно, нарушение экологии – большая беда, угрожающая выживанию человечества. Но не менее, а даже более серьезной опасностью являются моральная деградация и загрязнение самого человека, происходящие с возрастающей скоростью по вине империалистов. По вине империалистов-реакционеров и их прихвостней на дне стоков, на мусорных свалках нашей планеты каждый день рождаются варвары в человеческом обличье, духовные калеки и уроды. Загрязнение самого человека – это самый сильный тормоз хода истории.

Я успокаивал Чи Сун Ок, которая плакала, упав на колени. «Зря мучите себя, – говорил я. – Ничего плохого мы не подумаем о вас, поскольку вы, хотя и поздно, все-таки осознали свои проступки. Мы понимаем, что все произошло по принуждению, из-за отчаяния. Встаньте и успокойтесь».

То, что Чи Сун Ок – засланная шпионка, стало известно в отряде. Все люди в тайном лагере ахали от удивления. Вообще-то я думал сохранить в секрете случившееся с Чи Сун Ок, однако О Чун Хыб и О Бэк Рён поспешили раскрыть все обстоятельства, буквально били в набат, призывая товарищей повысить бдительность, лучше обеспечить безопасность отряда.

Появился, наконец, в Командовании Кан Хын Сок. Заметив, что за его спиной в тайном лагере о чем-то шушукаются, услышав «новость», он чуть с ума не сошел. Кричал: «Покончу со стервой своими руками!» Вел себя просто сумасбродно, размахивал пистолетом...

Кто знает, что мог бы натворить Кан Хын Сок? Я уломал его и отправил к себе в полк в глушь Хунцихэ. И у меня было тяжело на душе оттого, что так была испорчена долгожданная встреча супругов.

Если такой человек, как Чэнь Ханьчжан, в чине комкора, дозволил себе бесчинствовать по отношению к своему родному отцу, который пришел уговорить его добровольно капитулировать, то совсем нетрудно понять состояние Кан Хын Сока.

В каком-то году, точно не помню, даже такой великодушный, участливый человек, как Ан Гир, готов был покончить со своим родственником, пытавшимся убедить его сдаться. Посоветовали ему прекратить такую затею, и он отказался от нее.

Каждый раз, когда возникали подобные случаи, я отговаривал товарищей: «Не надо легкомысленно бряцать оружием. Подумайте, кто будет поддерживать такую армию, которая с виду, мол, сражается за интересы народа, а на деле под предлогом соблюдения революционных принципов, расстреливает своих родных. То, что вы предлагаете, как раз на руку нашим врагам. Они желают, чтобы мы, революционная армия, разожгли междуусобицу – такую, при которой враждуют друг с другом родители и дети, братья и сестры. Почему вы не понимаете такую суть дела и желаете поступать легкомысленно?» Примерно это же я говорил.

Но подобного толка упреки, как говорится, отскакивали от Кан Хын Сока, как от стенки горох.

Естественно, большинство бойцов тайного лагеря довольно долгое время не верили Чи Сун Ок, относились к ней настороженно. Даже шли разговоры, что она

заслужила, мол, суровую кару.

Тем не менее я уже доверял Чи Сун Ок. Она не по собственной воле получила шпионское задание – а только ради того, чтобы спасти семью и родственников из беды. Она покорилась насилию врага. И отчасти так случилось потому, что, поддавшись на пропагандистские байки противника, она не имела правильного представления о революционной армии. Любой не пробужденный в классовом отношении человек может попасть в такую ловушку. Чи Сун Ок и не могла получить систематического воспитания в революционной организации. Но, наконец, поняв, кто такие я и наша армия, она сразу же призналась во всех своих грехах, будучи готова пойти и на смерть. Если бы она все время таила в себе злые умыслы, то, наверное, отравила бы ядом наши продукты. А уж о признаниях и речи бы не завела. Шансов для выполнения столь недоброй затеи было много. Однако Чи Сун Ок не пошла на такой шаг, и хотя с опозданием, но честно призналась во всем. Такая женщина рано или поздно встанет в наши ряды, не перебежит на другую сторону баррикады.

Как-то я услышал от Ким Чака всю историю убийства Ли Ге Дона. Этот старый партиец, деливший одно время с Ким Чаком тюремные тяготы, создал Чжухэйский партизанский отряд. Будучи выпускником военного училища в Юньнане, он, говорят, умело командовал боями. А лишил жизни такого замечательного военно-политического работника некий шпион Чжоу Гуаня. Пробравшись в ряды партизан, он затем вскарабкался по лестнице карьеры на пост управляющего одной из частей. Воспользовавшись случаем, когда в отряде была ослаблена дисциплина, лазутчик убил Ли Ге Дона из-за угла.

Судя хотя бы по одному этому факту, было вполне естественно, что наши бойцы настороженно относились к Чи Сун Ок.

Однако я простил ее. Почему? Потому что я видел, что у нее есть совесть, – ведь она сама призналась в своих грехах. Человек считается на свете существом высшей категории потому, что он обладает разумом, совестью, моралью и чувством долга. Если нет совести, значит, в человеке нет ничего стоящего. Опозоришь совесть – утратишь и ценность человека как общественного существа.

Чи Сун Ок хотя запятнала некогда свою совесть, но боролась с собой и вернула ее себе. Она с добрым чувством к нам раскрыла перед нами свои оплошности. Человеку легко падать в пропасть, но выйти из нее куда труднее. Однако Чи Сун Ок не без нашей помощи в конце концов выбралась из пропасти после нелегкой борьбы с собой. Это говорит о том, что у нее сохранилась сила, чтобы духовно возродиться. Раз так, то зачем же сталкивать обратно в глубокую яму того, кто, откровенно признав свои проступки, выбрался вновь на берег?

Революция – это и борьба за то, чтобы люди хранили и соблюдали свою совесть. Я хотел, чтобы и она сохранила это качество.

Если японские захватчики узнавали, что из той или иной семьи вышел хотя бы один революционер, они пытались оторвать, изолировать его от родных. Без разбору подавлять, разлагать, разобщать и уничтожать по отдельности наши патриотические силы – таков был неизменный умысел противника. Порой он не гнушался и спекуляциями на кровных узах внутри нашей нации для достижения «добровольной капитуляции». Конечная

цель противника заключалась в том, чтобы вбить клин между коммунистами и народными массами. Один из гнуснейших приемов подобных акций – делать так, чтобы родные осторегались, ненавидели, убивали друг друга.

Если мы, заведомо зная, к каким грязным способам и интригам прибегает враг, втянемся в раскручиваемый им маховик, то большей глупости не придумаешь. Поэтому мы предприняли свои меры. Когда дело касается тех, кто получил шпионское задание, но пока еще не совершил тягчайшего преступления – измены Родине и нации, решили прощать их и помогать им выйти на верный путь.

Был еще такой случай. Однажды к нам пришел некий христианин, который вскоре был разоблачен как лазутчик, засланный генерал-губернаторством. Шпик привез с собой несколько мешков пшеничной муки и сказал: «Это подарок вам из Кореи для революционной армии, которая страдает на немилой чужбине. Можете приготовить из муки, скажем, пельмени».

Я велел поварихам приготовить пельмени именно из привезенной муки. Спустя некоторое время повариха принесла ко мне посуду с готовыми пельменями. Мы предложили «гостю» поесть, но он отказался. Мы же продолжали настойчиво уговаривать его, и у него лицо побледнело, как полотно. Как же иначе? Ведь он подмешал в муку отправу.

Я ему говорю: «Отчего ты недоволен нами? Зачем ты хочешь навредить нам, людям, которые переносят всякие трудности под открытым небом, чтобы вернуть себе потерянную Родину? Раз ты родился корейцем, то тебе и вести себя надо, как корейцу. На что, иначе, тебе жизнь – такая подлая? Одумайся, начни теперь все сначала». Мы привели

его в шалаш, накормили как следует и отпустили его к себе. Позднее я узнал, что об этом случае писал какой-то журнал.

Несмотря на возражения О Бэк Рёна, я оставил Чи Сун Ок в тайном лагере, чтобы воспитывать ее. Вскоре ее перевели в швейный отряд. Отряд получил задачу – сшить 600 комплектов обмундирования накануне обходного маневра крупными силами. Нехватка рабочих рук затрудняла швеи. На помошь им уже был послан Кан Ви Рён, но и он не был рад приходу Чи Сун Ок.

Итак, Чвэ Хи Сук и другим партийкам было поручено тепло заботиться о ней и хорошенько воспитывать ее. И они от души проявляли к ней всяческое внимание.

Справив осенний праздник чхусок, я направился в сторону Хуалацзы и заодно вызвал туда Кан Хын Сока из глухомани Хунцихэ.

Вот так, наконец, в дремучей тайге Хуалацзы состоялась драматическая встреча супругов.

Находясь там некоторое время, мы проводили военно-политическую подготовку. Тогда Чи Сун Ок прилежно училась, пользуясь составленными нами учебными пособиями. Она была грамотная, одно время занималась в начальной школе. Впоследствии, не отставая от походного отряда, она готовила еду для бойцов. Жизнь для нее была непривычная, нелегкая, но с лица не сходила улыбка.

Дела шли своим чередом, но тут вдруг случилась трагедия: к великому несчастью, Кан Хын Сок погиб в бою в Люкэсуне.

Вначале мы об этом не говорили Чи Сун Ок: не знали, как она переживет такой сокрушительный удар.

Во время каждого похода она то и дело пристально посматривала на пулемет, который находился на плече

Ким Ун Сина. Его хозяином раньше был Кан Хын Сок. Наши товарищи объяснили, что тот ушел с заданием в другую местность и передал Ким Ун Сину свой пулумет. Но такая игра в прятки была, наверное, нелепой.

После боя в Люкэсуне мы в лесу на берегу реки Сунгари устроили выступления художественной само-деятельности. Там я увидел Чи Сун Ок грустной.

Неудобно было оставлять ее в отряде, где уже нет ее мужа, и мы вскоре вернули ее домой. А то ведь ее семью, родственников могла постичь беда.

Провожая ее из тайного лагеря, мы, конечно, дали ей денег на дорогу, прикрепили и проводника. И теперь перед моими глазами живо встает образ той женщины, которая то и дело оглядывалась назад, на меня – до тех пор, пока не скрылась далеко в лесной чаще.

После перемирия в войне мне сказали, что она пришла ко мне. Но тогда я, перегруженный делами, так и не смог выкроить время для встречи с ней. Может быть, она огорчилась. И впоследствии я так и не смог найти время для этого. По правде говоря, не один, не два из тех, кто приезжал в Пхеньян и возвращался к себе, не повидавшихся со мной.

Судя по тому, что Чи Сун Ок без чувства вины приехала встретиться со мной, мне кажется, что и после расставания с нами она не совершала преступления перед Родиной и нацией. Если бы я тогда встретился с ней, мне довелось бы услышать подробный рассказ о ее жизненном пути после того, как она спустилась с гор. Хорошо, что товарищи соответствующего отдела прислали мне книгу «Материалы современной истории», и хотя бы из этих публикаций я смог в общих

чертах представить, что и как произошло с ней. Читаешь эту книгу – догадываешься, как она вела себя после возвращения домой перед врагами, которые заслали ее в партизанский тайный лагерь, и что она говорила им о внутренней жизни революционной армии.

В докладе, представленном своему начальству Киути консулом в Хуньчуне, говорится вот что: «... Все руководящие кадры КНРА идеино убеждены, они неизменно увлечены борьбой за победу революции. И, естественно, рядовые бойцы, очарованные этим, полностью доверяют им и абсолютно подчиняются их приказам. Все это благоприятствует выполнению всех операций». «Высокий боевой дух и сплоченность войск 2-й армейской группы, – говорится далее в докладе, – объясняются тем, что командующий Ким Ир Сен обладает твердыми национальными коммунистическими идеями и что он, по натуре стойкий и здоровый, владеет удивительным искусством контроля».

Думаю, это более или менее справедливое описание положения дел в нашем отряде. Это значит, что Чи Сун Ок без предвзятости, правдиво рассказала о жизни нашей революционной армии и настроении наших бойцов.

Чтобы узнать, как враги обращались к Чи Сун Ок по ее возвращении домой, достаточно ознакомиться со следующими цитатами из доклада консула Киути.

«I. личное мнение и меры

1. личное мнение

(1) В свете нынешних различных ситуаций логичны и могут быть приняты с одобрением все ее показания. Однако, несмотря на то, что вскоре у нее был обнаружен яд, который она взяла с собой при

входе в лес, все-таки она осталась безнаказанной, даже в течение более года сопровождала банду, а затем благополучно возвратилась. Это вызывает сомнение: не маскировка ли ее возвращение по плану партизан? Поэтому требуется пристально следить за ее дальнейшим поведением и высказываниями.

.....

2. меры

(1) Чи Сун Ок передана начальнику опергруппы Катада в Аньту, чтобы втайне следить за ней. С учетом мнения, что она замаскирована при возвращении, прилагаем все усилия для умиротворения ее и наряду с проведением дополнительных допросов отдельно подготавливаем специальную операцию с ее участием» (Совершенно секретное дело консульства в Хуньчуне № 186, 26 июля 15-го года сёва (1940 г.), доклад составлен Киути Тадао, консулом в Хуньчуне).

Говорят, что японские империалисты долго ломали голову над тем, как Чи Сун Ок смогла благополучно возвратиться безнаказанной. Этот секрет ни почем не раскрыть с присущим им мышлением, согласно которому человек является просто говорящим животным.

Были у нас и такие, кто считал необходимым наказать Чи Сун Ок, но мы не стали спрашивать с нее за провинности, простили ее. Если бы мы наказали ее, то что это повлекло бы за собой? Семья родителей ее мужа, все ее родственники были бы опорочены как семья реакционера.

Мы осуществляем такую революцию, цель которой – не погубить человека, а любить и оберегать его, охранять и максимально выявлять человечность. Захоронить человека на дне общества просто, но нелегко спасти его из беды. Как это ни трудно, но мы должны дать возможность возрождения тем, кто совершил ошибки, оказывать им

доверие, помогать им, чтобы они нашли себе настоящую жизнь как человек. Относиться к человеку по-человечески и дать ему возможность возродиться – вот в чем смысл самой благородной и великой революции.

Империалисты чуть что выбрасывают человека за борт, словно ненужный балласт, но нам следует беречь его, спасать из беды, считая его самым дорогим существом. Кому раз поверил, того не оставляй на произвол судьбы. Как я часто подчеркиваю, одним из наилучших качеств товарища Ким Чен Ира является то, что он всегда бережет и любит человека, никогда не бросает на произвол судьбы того, кому оказано доверие.

Как-то мне сказал товарищ Ким Чен Ир: хотя Наполеон говорил: «Раз вы верите мне, и я верю вам», а я, наоборот, говорю подчиненным: «Я верю вам, и вы тоже верите мне». Это стало философским убеждением товарища Ким Чен Ира.

Каждый раз, когда я вижу товарища Ким Чен Ира, который всегда верит в народ, любит его, самоотверженно работает на благо народа, думаю, что могу не беспокоиться о будущем нашей страны и нашего народа.

Когда империалисты профессионально занимались осквернением человека и губили его судьбу, наш родной вождь товарищ Ким Ир Сен на практике показал, что коммунисты должны больше всего дорожить политической жизнью человека и бережно охранять ее и что отношения между людьми должны строиться на основе благородной морали и чувства долга, в которых красной нитью проходят принципы активной любви, доверия и спасения. Такова священная этика, мораль корейской революции.

5. Китайский помешник Лю Тунши

Как-то после освобождения страны великий вождь товарищ Ким Ир Сен встретился с Пэн Чжэнем. В тот день он с волнением вспоминал о времени, когда народы и коммунисты двух стран – Кореи и Китая – под одним лозунгом борьбы против японского империализма плечом к плечу сражались с оружием в руках.

Пэн Чжэнь высоко оценил благородную классовую дружбу и дух пролетарского интернационализма, проявленные корейским народом и корейскими коммунистами в совместной борьбе за национальное освобождение. Как бы отклоняясь от основной темы разговора, он добавил, что во время операции по освобождению Северо-Востока Китая многие китайские помешники, показывая справки с подлинной подписью Командующего Корейской Народно-революционной армией Ким Ир Сена, говорили о том, что они в прошлом оказывали помощь отрядам Объединенной антияпонской армии. Во время той операции Пэн Чжэнь был в должности комиссара Объединенной демократической армии Северо-Востока Китая.

Впоследствии, отвечая на вопросы исследователей истории антияпонской революционной борьбы об упомянутых справках, товарищ Ким Ир Сен вспоминал следующее.

Раз разговор зашел о справках, мне вспоминается Лю Тунши. Если вы выслушаете рассказ о нем, то сможете лучше понять, что такое справка о помощи армии.

Лю Тунши был известным китайским богачом. С

ним мы познакомились в уезде Хэлун после того, как переместили арену нашей деятельности на северо-восток от горы Пэкту. У нас с ним были тесные отношения, не менее глубокие, чем с корейским помещиком-патриотом Ким Чон Бу, с которым мы встретились в уезде Чанбай.

Настоящее его имя – Лю Исянь. Он прекрасно, как своим родным, владел корейским языком. При обращении между китайцами и корейцами он добровольно брал на себя роль переводчика. Поэтому называли его Лю Тунши. Переводчика по-китайски называли «тунши».

Переместившись на северо-восток от горы Пэкту, мы провели бой на Вукоуцзяне, затем прошли по районам Хэлуна, Самчжана внутри Кореи и уезда Аньту. Находясь в тайном лагере у реки Вукоуцзян, мы вели активную военно-политическую деятельность.

В то время основная наша часть находилась в другом месте, и при Ставке Командования были лишь бойцы пулеметного взвода и комендантской роты, которые испытывали острую нехватку продовольствия. В окрестностях тайного лагеря, конечно, проживали корейские крестьяне, но они, люди бедные, при всем своем желании не могли оказать нам достаточную помощь.

Подпольщики рассказывали, что враги в уезде Хэлун, после того как наш отряд появился на территории, контролируемой ими, стали распространять среди жителей слухи, будто бы революционная армия отбирает зерно. Они заставили жителей собрать весь запас продовольствия в нескольких определенных местах. Установив суточную норму потребления продуктов на каждого человека, они выдавали паек на два дня представителям сел, приезжавшим за ним на телегах. Они даже заставили жителей уезда

приобрести по две бутылки керосина на семью и обязали поливать им зерно, если придут за продовольствием бойцы революционной армии.

Я все время думал о том, как нам добыть продовольствие. Как-то я беседовал с жителями одного села. Там я встретился с человеком, который до этого жил в Сяованцинском партизанском районе, а после его ликвидации переселился в уезд Хэлун. В разговоре с ним я подробно узнал о китайском богаче Лю Тунши.

Мне показалось, что если мы привлечем его на свою сторону, то это позволит нам расширить антияпонские патриотические силы и поможет заодно решить проблему обеспечения продовольствием и хозяйственными материалами.

Однако некоторые люди, в том числе Чу Чэ Ир и Кан Ви Рён, которые до вступления в партизанский отряд проживали в Хэлуне, говорили, что на него надеяться нельзя. Наоборот, они даже предлагали наказать его, ибо тот был ярым антисоветчиком и одно время даже занимал пост начальника отряда самоохраны. Чу Чэ Ир и Кан Ви Рён знали его сравнительно хорошо.

По их словам, семья Лю жила у подножия горы Нюсиньшань, километрах в 12 от уездного центра Хэлун. Помнится, то село называлось Лунтаньцунь. Его дом с усадьбой был очень большим и обнесен со всех сторон внушительным земляным валом с фортами на всех четырех углах квадрата.

Старшему брату Лю было тогда уже за 70 лет, и он просто сидел дома, пользуясь уважением как старейший в семье. Вторым был сам Лю Тунши. Он как опора семьи занимался, главным образом, как говорится, «внешними

делами», имея связи с административными ведомствами. Третий, Лю Ицин, отвечал за управление хозяйством, верховодя писарями.

По словам ветеранов антияпонской революции Ли Бон Рока и Пак Чен Сук, семья Лю одних только земельных угодий имела 100 *шан*. Это очень большая площадь, поскольку один *шан* – 3000 *пхён*, так что получается 300 тысяч *пхён*, то есть 100 гектаров. Лю имел предприятия по производству соевого масла, лапши из картофельного крахмала, винокуренный завод, а также несколько магазинов. Ветераны антияпонской революции вспоминают, что в городе Хэлун находились его универмаг, столовая и магазин по монопольной продаже соли, дела которых велись управляющими.

Семья Лю была знаменита не только своим богатством, но и антикоммунистическим настроением. Партизаны родом из Хэлуна называли членов этой семьи самыми отъявленными негодяями. Они приводили в довод тот факт, что его сын служит полицейским марионеточного государства Маньчжоу-Го в городе Хэлун. Так что понятно, что это за семья, говорили они. По их словам, сын, пользуясь властью полицейского, штыками держит в повиновении поденщиков и арендаторов, а его отец, Лю Тунши, доносит сыну в полицию о тех семьях, которые, по его мнению, имеют связи с коммунистами. Подозреваемых допрашивали в полиции, а затем некоторым отказывали в аренде земли, лишая их тем самым средств к существованию.

Но я не согласился с предложением некоторых товарищей немедленно наказать семью Лю и экспроприировать ее имущество. Я учел урок, извлеченный в прошлом из

отношений с Ким Чон Бу, а также мнения некоторых людей, которые иначе оценивали Лю Тунши. Поэтому я не считал себя вправе поспешно дать распоряжение как-нибудь разделаться с Лю – следовало изучить его более подробно.

Я считал, что можно его поведение расценить и иначе. Мое внимание привлек тот факт, что он хорошо говорит по-корейски и с открытой душой общается с массами.

К тому же некоторые люди говорили, что он добровольно вызывался переводить, когда в ведомстве вставал вопрос с корейскими арендаторами, а порою и заступался за них. Это тоже было не плохим, а хорошим признаком.

А один человек говорил, что Лю проявляет особую заботу о корейских арендаторах, жалея их, – ведь они, лишившись родной страны, влачат жалкое существование на чужбине.

Поговаривали, что вторая жена Лю Тунши, проживающая в Ньюфудуне, – кореянка, что тоже вызвало интерес.

Почему же человек, сочувствующий проживающим в чужой стране корейским крестьянам, выбравший себе корейскую женщину как вторую жену и хорошо знающий корейский язык и даже корейские обычаи, оценивается некоторыми людьми как самый злейший на свете помещик? И почему Лю Тунши, отличающийся, по рассказам, состраданием к людям, тревожил семьи таких людей, как Чу Чэ Ир и Кан Ви Рён, заставляя их ходить в полицию?

Чтобы разрешить эти загадки, я послал наших

товарищей в село Лунтаньцунь. Они вернулись оттуда со множеством сведений о Лю. Так, наконец, выяснилось, почему Лю Тунши ненавидит участников коммунистического движения. Это было связано с восстанием 30 мая.

Вы, товарищи, хорошо знаете, какие сумасбродства совершали во время восстания 30 мая левацкие авантюристы. Они были без разбору всех, кто имел хоть сколько-нибудь землицы, не принимая во внимание – как он настроен: прояпонски или антияпонски. Агитируемые ими повстанцы ломали ворота помещичьих усадеб, поджигали амбары с зерном, словом, совершали всякое безрассудство. Такое сумасбродное левачество бросало черную тень на коммунистов.

С тех пор Лю Тунши стал считать компартию своим заклятым врагом. Он безжалостно преследовал семьи, в которых, по его предположению, были участники комдвижения, а с военщиной, защищающей помещиков, он еще более сблизился.

Лю еще дальше пошел дорогой анткоммунизма, услышав, что после инцидента 18 сентября в Цзянъдао появились опорные партизанские базы и что компартия, разделив местность на «красную» и «белую» зоны, враждебно относится к людям «белой». Он ненавидел и японцев, хозяйствничающих на маньчжурской земле, и коммунистов.

«Компартия – мой старый враг» – эти слова, говорили, часто можно было слышать от него.

Мне думалось, что он лишь временно и по недоразумению отправлен угаром анткоммунизма, что его можно будет повернуть с этого пути на путь коалиции

с коммунизмом, на путь патриотизма, – надо только оказать на него хорошее влияние. Лю был недоволен тем, что после захвата Маньчжурии японские оккупанты распустили дружину, охранявшую его усадьбу, и отобрали у нее оружие. Я обратил особое внимание именно на его антияпонское настроение.

И мы решили вместо наказания или конфискации имущества помочь ему преодолеть антикоммунистические предрассудки, еще более поощрить его антияпонский патриотический дух, воспитать и перевоспитать его так, чтобы он поддерживал нашу революцию и помогал ей. Я послал к нему опергруппу во главе с О Иль Намом из 7-го полка.

Встретившись с помещиком, О Иль Нам сказал, что Полководец Ким Ир Сен прислал его, чтобы обеспечить переговоры с ним, и спросил, готов ли он откликнуться на это приглашение.

Услышав такие слова, Лю горько усмехнулся и на чистом корейском языке ответил: «Если пришли схватить меня, то забирайте просто так. Чего тут прикрываться словами о переговорах? Вы говорите, что командир коммунистической армии приглашает помещика на переговоры, потому, что не хотите прямо сказать, что пришли схватить меня. Уже с тех пор, как пошли слухи о том, что вы пришли в Хэлун и носитесь туда-сюда, я, Лю Исянь, понял, что жизнь моя висит на волоске, и готов даже к смерти. Так что нечего тут болтать о «переговорах», кружить вокруг да около. Делайте, как хотите: хотите – убивайте, хотите – забирайте меня, отбирайте имущество». Он, кажется, всерьез разозлился, думая, что группа О Иль Нама пришла схватить его. И говорили, что он вел себя очень надменно, высокомерно.

Лю отнесся к партизанам так холодно, что О Иль Нам сначала подумал, что задуманная операция кончилась неудачей. Но чем больше Лю Тунши упирался, тем сильнее была у О Иль Нама крепкая решимость во что бы то ни стало уломать старика и привести его в Командование. Он разъяснил старику, что КНРА – это коллектив настоящих коммунистов, они в корне отличаются от тех, кто во время восстания 30 мая был всех богатых, не разбирая, как они настроены – прояпонски или антияпонски, патриоты они или предатели; что эта армия считает своей священной миссией национальное освобождение и защиту жизни и имущества корейского и китайского народов. А под конец сказал: «Если вы,уважаемый Лю, никак не можете согласиться с просьбой нашего Командования, мы потихоньку уйдем обратно».

Услышав, что О Иль Нам уйдет обратно, Лю замолчал и глубоко задумался. А потом, видимо, его настроение изменилось, и он сказал: «Ну, раз пришли, то посидите немного, поговорим хотя бы о политическом положении. А то и непонятно будет, зачем тащились в такую даль. Ведь не затем же, чтобы просто так уйти. Если точно, что Командующий Ким приглашает меня, то я подумаю о переговорах». Видимо, он все-таки боялся последствий. О Иль Нам вел себя прилично, интересно рассказывал о политической ситуации. Лю Тунши явно разбирал любопытство, и постепенно озлобление его улетучивалось. Он заговорил по-другому:

– Я тоже много слышал, что армия Командующего Кима хорошо воюет. Но и он, говорят, коммунист, так что, естественно, ненависть к богачам в его натуре. Тем не менее, я слышал и кое-что другое о нем, да к тому же, судя

по вашим словам и поведению, вы чем-то отличаетесь от других войск... Как бы там ни было, наверное, я пойду, если зовет Полководец Ким.

После этих слов он предложил: «Если вы хотите привести меня, то ведите связанным веревкой, как преступника, и под конвоем. Если японцы догадаются, что я сам согласился на предложение Командующего Кима и добровольно последовал за вами, то они направят к нам карательный отряд и снимут с меня голову. Да и другим членам моей семьи не поздоровится. Так что сделайте вид, будто бы вы пленили меня».

О Иль Нам подумал, что Лю предложил хитроумный план, но все же колебался. Ведь он получил от меня приказ почтительно привести его, а не схватить. Видимо, он судил так: если без разрешения на то Командования связать Лю веревкой, то может кончиться тем же, что было в уезде Чанбай, когда группа Ким Чу Хёна бесцеремонно обошлась с Ким Чон Бу. Ну слава богу, что так рассуждал О Иль Нам.

Когда мне доложили об этом, я тоже думал, что Лю выдвинул остроумный план, и хотел его поддержать. Однако некоторые командиры сомневались – если действовать по плану Лю Тунши, то, по их мнению, его сын, полицейский, может поднять шум и затеять суматоху, подняв на ноги даже силы гарнизона. А если в селе Лунтаньцунь раздастся хоть один выстрел, то туда быстро подойдут подкрепления противника из уездного центра Хэлун.

Для того чтобы поступить по плану Лю Тунши, нужно было расширить арену деятельности и провести операцию масштабно. Мы решили одновременно налететь на

врагов в трех селах, прежде всего в Лунтаньцуне, где был его дом. И в операции приняли участие 7-й и 8-й полки, а также комендантская рота.

Чтобы командовать налетом, я разместил КП в соседнем с Лунтаньцунем селе, где проживали сваты Лю Исяня.

Перед началом боевой операции мы изменили первоначальный план. Решили на некоторое время оставить дома Лю Исяня, который ведает всеми большими и малыми делами семьи, но зато взять с собой его младшего брата Лю Ицина. Мне в голову пришла мысль: это меньше подействует на сына Лю Исяня и полицейских и в то же время мы от этого сможем получить такой же результат, как и при уводе самого Лю Исяня. У его младшего брата не было детей. Китайцам с далеких времен присущ обычай – больше любить бездетных братьев и сестер. И если кто-нибудь из семьи Лю будет налаживать с нами контакты под предлогом того, чтобы вызволить Лю Ицина, то это не привлечет особого внимания ни врагов, ни местных жителей.

Операция прошла успешно, как и планировалось. Наши отряды одновременно покинули три села. При уходе отряда революционной армии из села Лю Исянь позвал третьего сына старшего брата и послал его вместе с Лю Ицином, чтобы тот прислуживал дяде. Так он сделал, видимо, для того, чтобы облегчить одиночество брата.

На обратном пути в тайный лагерь нашим бойцам пришлось немало помучиться с Лю Ицином – он все время хотел опуститься наземь. Он был очень толстый и потому вообще ходил с трудом, да к тому же, видимо, иссякло и действие опиума, которого он накурился,

будучи наркоманом. И пришлось нести его на носилках. Вот так бойцы революционной армии и тащили несколько десятков ли наркомана на носилках... Слыханное ли это дело? Наверное, другого такого примера сыскать трудно. Прямо скажу, много совершенно необычного тогда у нас происходило.

Я велел командиру комендантской роты О Бэк Рёну хорошенько позаботиться о брате и племяннике Лю Исяня. Бойцы роты разбили палатку для гостей и окружили их искренним вниманием. Хотя мы тогда переживали трудности с продовольствием, но им каждый раз подавали рисовую кашу и жирный мясной суп.

Однако Лю Ицин почти не ел. Сначала мы думали, что пища пришла не по вкусу сынку из богатой семьи, который привык сидеть за столом со всякими яствами. Но причина, оказалось, была не в том. У него пропал аппетит из-за того, что он не принял опиума. Каждый день он просил бойцов нашей комендантской роты дать ему опиум, говоря, что готов голодать, лишь бы дали опиум. Он обещал заплатить сколько угодно, если только ему дадут наркотик.

Однако наши товарищи не могли выполнить этой просьбы. В то время у нас было совсем немного опиума — НЗ в медпункте, его употребляли вместо обезболивающих средств. В конце концов, Лю Ицин, доведенный почти до бешеного состояния по этому поводу, стал обливать охранников руганью и матершиной. Подумать только, разве это не смешно? Сын помещичьей семьи, оказавшись в тайном лагере революционной армии, скандалит из-за того, что ему не дают опиума!

Я попросил привести гостей в палатку Ставки. Ой,

какой вид был у него! Без опиума наркоман теряет живость взгляда, не может крепко держаться на ногах.

Я велел работнику медпункта вытряхнуть весь НЗ и помаленьку давать ему опиума каждый день. После этого его глаза приобрели живой блеск, на лице заиграла довольная улыбка, настроение стало приподнятым.

Это был человек, никогда не знавший физического труда. Он даже не умел убрать свою постель, и ему помогал племянник. Словом, за всю жизнь он, как говорится, не ударил пальцем о палец, купался в роскоши и богатстве, – настоящий бездельник, дармоед!

Однажды я, разговаривая с ним о том и о сем, под конец сказал, что человек должен по мере своих сил заниматься физическим трудом. Только тогда он познает смысл жизни и аппетит почувствует. В далекие времена жила одна принцесса, которая все заставляла делать других, так что превратилась в никчёмное существо – не умела даже очистить себе яблоко. Тот, кто всю жизнь ездит на чужом горбу, в конце концов, станет таким же уродом, говорил я. Услышав такое, Лю Ицин отвечал, что и он такой же урод, как и та принцесса. Но одно дело он все же умеет исполнять мастерски – лепить пельмени. Его слова обрадовали меня. Какое счастье, что у того, кого мы считали конченным человеком, обнаружилось умение хотя бы готовить пельмени, пусть это и не самое нужное в жизни занятие!

Я попросил повариху Командования принести продукты для приготовления пельменей. Лю Ицин тонко и ровно раскатал тесто и, положив начинку, защипал края пельменей. И, правда, делал он это действительно мастерски. Пельмени получились красивые, да и

выделявал он их с изумительной быстротой.

Лакомясь вместе с товарищами приготовленными гостем пельменями, я хвалил его поразительное мастерство.

Со следующего дня Лю Ицин, засучив рукава, стал помогать поварихам каждый раз, когда требовалось готовить пельмени. В такой день он оживлялся и становился разговорчивым. Порою даже пробовал шутить со мною. А однажды он, придя ко мне после работы на кухне, сказал: «Работаю по вашему совету, господин Командующий Ким, теперь мне жить становится интереснее». Эти слова, как мне показалось, исходили из глубины его души.

Однако пельмени готовились не каждый день. В дни, когда не было работы, Лю Ицин ужасно скучал и еще больше курил опиум. Я много рассказывал ему поучительного. О чем только не шла речь! Начиная с истории опиумных войн и кончая Кунцзы и Мэнцзы. И даже поведал ему о патриотах из богатых семей, которые остались свои имена на страницах истории Китая. И, естественно, в ходе беседы зазвучали имена таких революционеров из богатых семей, как Чжан Вэйхуа и Чэнь Ханьчжан.

Лю Ицин с большим интересом слушал меня. Однажды он попросил кисть и бумагу, стал писать письмо к своему брату Лю Исяню. Пусть не смогу покончить самоубийством во имя революции, как Чжан Вэйхуа, говорил он, но хочу деньгами и богатством помочь Командующему Киму. Он даже показал мне это письмо.

Судя по его содержанию, можно было понять, что наши усилия не были напрасными. За это время мы старались

по-человечески относиться к нему. В письме Лю Ицин прежде всего сообщил о том, что и он сам, и племянник живы-здоровы. Особо подчеркивал, что находится вместе со мной в одной палатке и вместе делает пельмени, что бойцы революционной армии искренне заботятся о них, как о своих родных братьях. Писал, кроме того, что поскольку за это время пользовался их гостеприимством, то нужно отплатить им добром за добро, и если брат пришлет таких материалов, как зерно, ткани и обувь, то это окажется большой подмогой для деятельности революционной армии, да и они смогут быстрее вернуться домой.

Таким образом, наши усилия по его воспитанию и просвещению принесли свои плоды.

Лю Исянь, который в душе испытывал беспокойство после того, как отправил младшего брата и племянника в горы, очень обрадовался, получив письмо. Пообещав, что к такому-то сроку подготовит необходимые нам материалы, он просил прислать людей за ними. Я дал Ли Бон Року около взвода бойцов и велел принести продукты и материалы, подготовленные Лю Исянем для нашей армии. Среди переданного имущества оказались рулоны бязи, из которой можно было сшить несколько сот комплектов военной формы, рабочая обувь, очищенный рис, пшеничная мука, жареные лепешки и даже свинина и соевое масло. Такие гостинцы Лю Исянь присыпал к нам в тайный лагерь три раза.

Когда контакты с нашими товарищами участились, он официально предложил мне переговоры и попросил доставить его в наш тайный лагерь. Раз уж помогать революционной армии, то хочу познакомиться с ее коман-

дующим, говорил он. Поэтому я разрешил сопроводить его к нам в лагерь.

Говорят, что, когда Лю Исянь собрался в тайный лагерь, его сын, служивший в полиции, пытался воспротивиться этому визиту. Он говорил отцу: «Ты решил пойти в тайный лагерь революционной армии, по-видимому, получив письмо от дяди. Но об этом следует глубоко задуматься. В письме дядя пишет, что он и двоюродный брат живут в одной палатке с Полководцем Ким Ир Сеном и даже вместе готовят пельмени. Но этому нельзя верить. Как может командующий революционной армией жить вместе с людьми неслуживыми? К тому же ведь дядя – из семьи помещика, а компартия видит в помещиках объект ликвидации. Командир революционной армии спит и ест в одной палатке с выходцем из враждебного класса, и они, словно бабы-простолюдинки, готовят пельмени. Да ведь это сплошная ложь! Наверняка, кто-то из подчиненных Командующего Кима заставил дядю написать такое письмо».

Лю Исянь отвечал сыну: «Не говори чушь. На днях я несколько раз общался с подчиненными Командующего Кима. Все они, без исключения, люди приличные, молодые и доброй души. Поэтому я думаю, что Командующий Ким имеет при себе хороших подчиненных. По одному их отношению ко мне можно оценить человеческие качества Командующего Кима и дисциплину и порядок в его армии. Раз уж пришлось завязать отношения с революционной армией, мне все-таки лучше пойти в горы и встретиться с Командующим Кимом. Хочу собственными глазами увидеть, правда ли то, о чем сообщил в письме твой дядя».

Направляясь ко мне, он принес с собой в подарок

военную форму и демисезонное пальто, сшитые из высококачественного сукна, сапоги и кепку. Переговорив с ним лишь накоротке, я понял, что это личность незаурядная, не идущая в сравнение со своим братом ни по человеческим качествам, ни по эрудиции. Это был солидный человек, поведение его можно назвать и благородным и внушительным.

Лю Исянь обратился ко мне на корейском языке. «Сколько у вас трудностей и лишений в горах», — говорил он и поблагодарил за то, что мы заботились все это время о его младшем брате и племяннике. Я в свою очередь выразил ему признательность за то, что он прислал немало имущества для нашей армии, а также за то, что он, несмотря на свои годы, пришел к нам.

Мы разбили для Лю Исяня отдельную палатку, чтобы он здесь встретился с братом и племянником.

Лю Ицин сказал брату: «Кто сказал, что коммунистическая армия — красные дьяволы? Это все ложь! На свете нет таких хороших людей, как они. Армия Командующего Кима — это армия джентльменов». И дальше он с жаром продолжал хвалить революционную армию. И даже добавил, что благодаря Командующему Киму сам стал просвещенным человеком.

Лю Ицин наговорил своему брату столько хорошего о нас, что тот после встречи с ним сразу же пришел ко мне и несколько раз благодарил меня.

При встрече с Лю Исянем меня прежде всего удивило то, что он очень хорошо знал не только корейский язык и обычай Кореи, но и ее историю и культуру. Естественно, мы с ним быстро нашли общие точки соприкосновения.

Больше всего меня тронули его слова о том, что сердце

его переполняется состраданием всякий раз, когда он видит корейцев, которые лишены Отечества и которым тяжко жить на немилой чужбине. Как я люблю китайцев, так и Лю очень любил корейцев.

Неожиданно Лю задал мне вопрос:

– Вашу армию сейчас люди называют «коммунистической бандой». Правда ли, что вы, Командующий Ким, коммунист?

– Прозвище «коммунистическая банда» придумали японцы. Так они называют нашу часть. А то, что я коммунист, – сущая правда.

– В таком случае как вы, Командующий Ким, смотрите на меня – человека, который поныне стоял на стороне антикоммунизма?

Он пришел в тайный лагерь на встречу со мною, возможно, и для того, чтобы получить ответ на этот вопрос. Поэтому я должен был дать ему обстоятельный ответ, хорошо продумав все.

С самого начала антияпонской вооруженной борьбы я много раз вел переговоры с антикоммунистами. И командующий Юй был приверженцем антикоммунизма, и У Ичэн сначала выступал против коммунизма. Кореец Рян Се Бон был патриот, но к коммунистам относился враждебно, лишь в конце жизни пошел на коалицию с ними. На переговорах с командующими Юем, У Ичэном, Рян Се Боном я всегда был на позиции защищающего коммунизм, разъяснял им необходимость и справедливость коалиции с коммунизмом для образования единого фронта. Пойти рука об руку с коммунистами или против них – право выбора было в их распоряжении. Поэтому я хотя каждый раз брал инициативу переговоров на себя, вместе с тем с

большой тревогой в душе ожидал их ответов.

Но в беседе с Лю дело обстояло иначе. В этом случае я был на позиции осуждающего его антикоммунистические акции, а он вынужден был прислушиваться к моему мнению. И, несмотря на это, он сам начал с выяснения нашего мнения в отношении его антикоммунистического поведения. Это, можно сказать, было очень хорошим делом. Все-таки человеком он был откровенным и широкой души.

Мой собственный опыт давал основание делить антикоммунистов на две категории. К первой относятся те, которые думают, что если коммунисты возьмут верх, то им придет конец, и поэтому они отчаянно пытаются уничтожить коммунизм. Это сознательные, активные антикоммунисты. К другой принадлежат, я бы сказал, слепые антикоммунисты. Они, увидев неблаговидные поступки лжекоммунистов, чувствовали отвращение к коммунизму или, поддавшись на злостную пропаганду империалистов, отвергали и чуждались коммунизма. Ко второй категории, можно сказать, относился Лю Исянь.

Нужно было откровенно разъяснить Лю нашу позицию. Только так можно было повернуть его от антикоммунизма к единению с коммунистами. Нельзя было потакать ему, лишь бы добиться его материальной помощи. И в то же время не следовало осыпать его руганью: раз, мол, ты помещик-антикоммунист, то значит, негодяй. Важно было точно раскрыть, что в его поведении хорошо, а что плохо, убеждать и переубеждать его, помочь ему самому отказаться от антикоммунизма, выбрать путь патриотизма и коалиции с коммунистами.

— К большому сожалению, мне придется сказать, что до

сих пор вы стояли на позиции антисовета, – говорил я. – Однако у нас нет ни малейшего желания наказать вас за это. Просто вы плохо понимаете коммунистов и потому пошли против них. И вместе с тем вы, будучи антисоветом, любите Китай, любите китайскую нацию. Вы против коммунизма, но не желаете гибели страны. Вы, будучи помещиком, желаете стать китайским помещиком, имеющим свое отечество. Я думаю, что вы именно такой человек. Этому я придаю важное значение. Тому, кто любит свою страну, легко пойти на союз с коммунистами.

Когда я высказал эти слова, Лю со слезами на глазах схватил меня за руку.

– Спасибо вам, Командующий Ким. Здесь, в Хэлуне, немало людей, все говорят, что им вздумается, но только от вас я услышал, что в моей душе хранится патриотизм. Одной этой оценки хватит для того, чтобы мне спалось спокойно.

Он сказал, что до сих пор шел дорогой антисовета потому, что у него взгляд на вещи узковат. Затем он спросил, что ему нужно делать для коалиции с коммунистами.

Я ему говорю: «Коалиция с коммунистами не есть что-то особенное. Выступать против марионеточного государства Маньчжоу-Го и японского империализма, оказывать помощь нашей революционной армии – это уже есть коалиция с коммунистами. Начиная с того дня, как вы послали к нам своего брата и племянника, вы начали сотрудничать с коммунистами. Тот, кто искренне любит свою страну и свою нацию, в конце концов, способен понять коммунистов и идти с ними рука об руку. Потому что коммунисты тоже любят свою страну и нацию. И для

корейских, и для китайских помещиков первоочередное важнейшее патриотическое дело – это сотрудничество с коммунистами, выступление против империалистической Японии».

Лю Исянь говорил: «Вы, Командующий Ким, помогли мне разобраться, хоть и поздно, и в самом себе. Мне просто повезло».

Со следующего дня он вдруг стал человеком немногословным. Если его спрашивали, не болен ли он, только отвечал, что нет.

Я вызвал к себе О Бэк Рёна и спросил, не произошло ли чего-нибудь неприятного за то время, когда бойцы комендантской роты заботились о Лю.

О Бэк Рён ответил, что ничего особенного не было. Добавил, что по просьбе гостя показали ему тайный лагерь – и военные тренировки, и развлечения бойцов во время отдыха. Правда, когда Лю осматривал кухню, он, увидев кипевшую в котле жидкую кашицу из гаоляна, на половину смешанную с дикорастущими травами, выразил недовольство.

Он говорил: «Почему вы готовите такое варево? Зачем не варите рисовую кашу? Я же прислал вам несколько десятков мешков зерна. Конечно, я могу понять, что вы готовите похлебку, чтобы сэкономить зерно. Но разве можно под предлогом нехватки продовольствия подавать такую кашицу даже Командующему? Это не отвечает нормам морали». Кажется, на него сильно подействовал тот факт, что Командующий питается из одного котла с подчиненными. Осматривая медпункт, он снова взорвался, когда узнал, что бережно хранившийся там для лечения больных неприкосновенный запас опиума отдали его брату.

Выслушав О Бэк Рёна, я решил вернуть домой братьев Лю и их племянника.

Однако Лю Исянь предложил: сначала он вернется домой один, а брат и племянник на время останутся в тайном лагере. «Мне хочется передать вашему отряду побольше продовольствия и материалов, — говорил он. — А для этого нужно делать вид, что я вынужден послать их революционной армии. Если мой брат и племянник останутся здесь, то будет чем оправдаться перед японцами в случае, если они узнают о моих посылках».

Так Лю добровольно вызвался оказать нам еще большую помощь, даже придумая для этого подходящий предлог. Это было очень хорошим делом. Тебе оказано искреннее доверие — и ты изо всех сил стараешься оправдать его. Такова, видимо, природа человека.

Перед тем, как расстаться с Лю Тунши, я устроил скромный прощальный вечер. На нем он извинился за то, что враждебно относился к коммунистам вообще и ошибочно принимал нашу революционную армию за «бандитов», и обещал, что впредь будет оказывать ей помощь, не жалея ни денег, ни вещей.

Прощаясь с нами, он попросил нас дать ему справку, которая подтвердила бы тот факт, что он оказывал материальную помощь КНРА — на тот случай, если китайская 8-я армия освободит Северо-Восток Китая. Я написал на куске шелка иероглифами: «Лю Исянь — замечательный патриот. Он помогал Объединенной антияпонской армии в материальном и духовном отношении». Под этими буквами я написал свое имя «командующий Ким Ир Сен» и поставил печать. Именно подобную справку, наверное, и увидел Пэн Чжэнь.

В то время многие китайские помещики в Маньчжурии только внешне делали вид, что сотрудничают с японцами, а на самом деле потихоньку помогали людям, вставшим на антияпонскую борьбу. Их не покидала мысль, что настанет день, когда японский имперализм потерпит поражение и марионеточное государство Маньчжоу-Го перестанет существовать, а его территория снова присоединится к Китаю.

Китайские помещики со словами «чжушикан» оказывали помощь Народно-революционной армии, а потом обязательно просили выдать им справки. Поэтому я написал подобные справки не только помещикам уезда Чанбай, но и помещикам уездов Эму и Дуньхуа.

Вообще по-китайски «чжушикан» означает: «свинья ест отруби». Это – китайское произношение трех иероглифов, обозначающих соответственно «свинью», «поглощать» и «отруби». Но если вместо них написать иероглифы, означающие «красный», «поглощать», «спокойствие», то получается омонимия «чжушикан», на этот раз означающая, что «Чжу Дэ поглощает Кандэ». В те времена китайскую 8-ю армию называли армией Чжу-Мао, взяв фамилии Чжу Дэ и Мао Цзэдуна. А Кандэ был девиз царствования Пу И, императора Маньчжоу-Го, постановленного японцами. И поэтому китайцы говорили «чжушикан» со скрытым смыслом – подразумевая, что китайская 8-я армия освободит Северо-Восток Китая.

После визита Лю Тунши к нам в тайный лагерь Вукоуцзян стало поступать намного больше различных материалов и продуктов для помощи армии. Он щедро на машинах отправлял к нам разное имущество. Это стало большой подмогой в подготовке к зиме того года.

А за то, что его брат расходовал НЗ опиума на нашем медпункте, Лю Тунши прислал нам огромный кусок опиума величиной с большую пиалу.

Накануне осеннего праздника чхусок того года мы отпустили младшего брата и племянника Лю Тунши домой. Расставаясь с нами, Лю Ицин пролил много слез. Он обещал нам, что, возвратившись домой, прежде всего бросит курить опиум и будет жить по-человечески.

Вскоре после этого мы тоже покинули тайный лагерь Вукоуцзян. Впоследствии у нас не было связей с братьями Лю. Но я никогда не забывал Лю Тунши и верил, что он будет жить честно.

Среди родственников Лю Тунши есть человек по имени Лю Чжэньго. Он, кажется, приходится ему племянником. Вот этот Лю Чжэньго прислал в Институт истории партии при ЦК ТПК письмо. В нем он писал, что и Лю Исянь до самой смерти не забывал нас, часто вспоминал о нас. Кажется, после возвращения из тайного лагеря он четко выразил свою волю к антияпонской борьбе, широко пропагандировал нас.

До последнего дыхания Лю Тунши, говорят, бережно как семейную реликвию хранил ту справку, которую я выдал ему в тайном лагере Вукоуцзян. После его смерти эту справку, должно быть, хранили в семье его младшего брата. Когда мне рассказали об этом, я невольно развелся.

Тогдашняя встреча в тайном лагере и откровенная беседа связали меня и Лю Тунши на всю жизнь, сделали нас незабываемыми друзьями. В конечном счете, можно сказать, мы всегда оставались близки, хотя и находились далеко друг от друга.

О чём говорит этот факт? О том, что с теми имущими людьми, которые не думают ни о Родине, ни о нации, ни о родных и стремятся лишь к собственному благополучию и наслаждению, невозможно найти общий язык. Но те честные богатые люди, которые любят Родину, нацию и человека, могут стать нашими спутниками, независимо от различий в гражданстве, партийной принадлежности и политических взглядах. Различия в идеалах и имущественном положении не могут быть абсолютным мерилом оценки человека. Если есть самый общий критерий человека, то это любовь к Родине и нации, любовь к народу, любовь к человеку. Кто дорожит человеком, тот любит нацию; кто силен любовью к нации, тот любит свою Родину. Это своего рода закон истина, и никто не сможет их опровергнуть.

Если игнорировать эту истину, то в работе с людьми неизбежно допускаются либо левые, либо правые перегибы. Одно время в некоторых статьях, рассказывающих об истории антияпонской революционной борьбы, Лю Тунши определили как злостного помещика-антикоммуниста. Это нельзя считать правильным. Если необдуманно оценивать человека лишь по происхождению и биографии, а затем легкомысленно распоряжаться его судьбой, то в работе с людьми можно допустить непомерные ошибки: патриота определить как предателя; поддерживающего революцию квалифицировать как контрреволюционера и, напротив, предателя посчитать патриотом, а контрреволюционера – сторонником революции.

Однажды Сон Вон Тхэ, проживающий в США наш соотечествен-

ник, на приеме у товарища Ким Ир Сена спросил: «Дорогой Президент, в Южной Корее много имущих людей. Как вы думаете поступить с ними после объединения страны?»

Тогда родной вождь ответил ему так:

– Думаю идти рука об руку со всеми, кем бы они ни были, если только они не лютые реакционеры, продающие нацию при опоре на внешние силы. Такую нашу позицию сконцентрированно обобщает Программа по великой консолидации всей нации из 10 пунктов для объединения Родины.

6. Схватка с полчищами карателей

С осени 1939 года по весну 1941 года японские империалисты совершили в трех провинциях юго-восточной части Маньчжурии серию невиданных до этого по масштабу крупных карательных операций против КНРА, назвав их «специальными мерами по обеспечению безопасности и спокойствия».

Великий вождь товарищ Ким Ир Сен, ознакомившись с документальными признаниями главного исполнителя этой акции Нодзэ и подчиненных ему начальников карательных отрядов о своем поражении, сказал соответствующим работникам: «Судя по жалкому лепету этих кичливых генералов японской армии, кажется, что тогда им сильно от нас досталось. О муках наших товарищей и говорить уже нечего. Схватка была решительная, велась не на жизнь, а на смерть».

И вождь в деталях вспоминал о борьбе с жестоким противником.

Во время вооруженной борьбы самым суровым, трудным для нас периодом было время с конца 1930-х и до начала 1940-х годов. Конечно, «Трудный поход» был сопряжен со страшными испытаниями и лишениями. Очень тяжело пришлось нам и тогда, когда японские империалисты совершали крупномасштабную карательную операцию в трех провинциях юго-восточной части Маньчжурии. Она, эта операция, лицемерно была названа «специальными мерами по обеспечению безопасности и спокойствия». Три юго-восточные провинции – это провинции Гирин, Тунхуа и Цзянъдао. На каждом из всех этапов борьбы

были свои трудности и сложности. Лишения и испытания этого периода забыть просто невозможно.

Мы случайно узнали, что с осени 1939 года враги начнут крупную карательную операцию, рассчитанную на длительный срок.

Эти сведения передал нам командир роты «мукденской части», который был схвачен нами в плен в бою у реки Вукоутян в июне того же года.

В том бою мы взяли в плен много офицеров и солдат. Пленные очень удивлялись тому, что революционная армия не убила ни одного из них. Более того, разрешала им идти домой, выдала даже деньги на дорожные расходы.

Среди пленных, высказавших желание остаться у нас в армии, мы выбирали наиболее толковых и возвращали их домой с заданием помочь нам, находясь в рядах вражеской армии. Среди офицеров марионеточной армии Маньчжоу-Го, воспитанных нами и вернувшихся в свою часть, был один комроты. Именно он и прислал нам те сведения. Он сообщил, что сформирован новый отряд — «Цзяньдаоская карательная экспедиция», куда вошла и его рота. Предупредил, что крупная карательная операция начнется в первых числах октября, причем в невиданно крупном масштабе. Если революционная армия не успеет своевременно предпринять надлежащие меры, то может понести серьезный урон.

Благодаря этому донесению мы узнали о готовившемся новом крупном наступлении врага против нас и смогли сравнительно заблаговременно начать к нему готовиться.

Мы проанализировали все стороны «специальных мер по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе» и увидели, что противник готовит

необычайную операцию.

Прежде всего замышляемая врагом всеохватная карательная акция предусматривала согласованные действия армии и полиции Японии и Маньчжоу-Го, чего не бывало раньше. По вражескому плану эта операция представляла собой настоящую большую войну, проводимую под непосредственным руководством и контролем командующего Квантунской армией Умэдзу и министра общественной безопасности Маньчжоу-Го при участии более чем 200 тысяч солдат и офицеров армии, полиции и различных полувоенных формирований Японии и Маньчжоу-Го.

После того, как мы объявили войну Японии, японские империалисты ежегодно проводили карательные операции против нас, масштаб которых расширялся из года в год.

В осадно-наступательной операции после 1934 года и карательной акции, проведенной с осени 1936 года в северной части Дунбяньдао, враг тоже использовал очень большие силы.

Однако новая карательная операция, готовившаяся под видом «специальных мер по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе», в значительной мере превосходила все прежние карательные действия врага и по охватываемой территории.

Если при осуществлении «мер по обеспечению безопасности в северной части Дунбяньдао» в 1936 году театр боевых действий «тунхуаского карательного командования», возглавляемого Сасаки, не выходил за рамки одной провинции, то арена действий «карательного командования Нодзэ» в 1939 году

охватывала три провинции – Гирин, Тунхуа и Цзянъдао и еще уезд Нинань провинции Муданьцзян, то есть фактически четыре провинции.

На страницах «Армии Маньчжоу-Го» можно прочитать заметку, раскрывающую некоторые детали подготовки к «специальным мерам по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе».

«Квантунская армия наметила смету в размере 3 миллионов иен как окончательный лимит. В первый день операции, 1 октября, в командовании Квантунской армии проходили переговоры, в которых участвовали начальник штаба Иимура, управляющий делами Хосино Наоки, заместитель министра общественной безопасности Маньчжоу-Го Сусукида Ёситомо и штабной офицер Китабэ по поручению генерал-майора Нодзэ. Штабной офицер Китабэ, объясняя план обеспечения безопасности и спокойствия на карте, сказал, что на проведение карательной операции потребуется 30 миллионов иен, включая расходы на строительство и ремонт дорог, обеспечение связи, создание коллективных поселений и тому подобное.

Управляющий делами Хосино обещал постараться достать средства, а заведующий отделом расчета Иидзава, заявив о своей готовности обязательно обеспечить нужные средства, высказал надежду на успешное проведение карательной операции в трех провинциях. Таким образом, окончательно решены все вопросы проведения мер по полному обеспечению безопасности» («Армия Маньчжоу-Го», общество Ланьсинхой, стр. 400).

Новая операция «карательного командования Нодзэ» превышала прежнюю акцию «тунхуаского карательного командования» в 3 – 4 раза по охвату территории, в 12,5 раза по численности участников и в 13 раз по издержкам. Уже одни эти цифры говорили о том, сколько большие надежды возлагала японская военщина на эту свою затею.

Главари армии и полиции Японии и Маньчжоу-Го не ограничивали эту карательную операцию простыми военными действиями, а сочетали ее с «операцией по содействию капитуляции», «идейной обработкой» и «операцией по ликвидации корня зла» и другими акциями. Это придавало ей беспрецедентный характер. Она значительно превосходила прежние наступления как по масштабу и глубине, так и по изощренности применявшихся методов и средств.

Чтобы затемнить суть намечаемых дел, японские империалисты, приступая к карательной операции, называли ее «священной войной» или «священной карой». Карательная операция является священной! Просто смехотворно, что они пытались приукрашивать, маскировать таким образом свои кровавые деяния.

Японцы уже не раз по-разбойничьи нападали на другие страны, но почти никогда не объявляли войну и вообще, даже не называли ее своим именем. Все войны они изображали как якобы «события» или «инциденты», всячески оправдывая и стремясь легализовать свои захватнические действия. Таковы были их излюбленные методы, привычки.

Однако в том, что враги называли свою новую операцию «специальными мерами по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе» еще и «священной карой» или «священной войной», можно отыскать весьма глубокий смысл. Это говорит, что японская военщина вынуждена была расстаться с прежним взглядом, согласно которому конфронтация с Народно-революционной армией являлась односторонней карательной операцией или проведением «мер по обеспечению спокойствия», – она

начала рассматривать эту конфронтацию как отношения между воюющими сторонами, как войну.

Великий вождь товарищ Ким Ир Сен сказал и о том, что заставило японских империалистов в тот период предпринять карательные меры в форме тотальной войны с общей мобилизацией сил, такую цель преследовали они при разработке своих планов.

Японская военщина, терпевшая поражение за поражением в войне с Китаем и в боях на Халхин-Голе, испытывала серьезное смятение.

Война с Китаем, о которой японская военщина самоуверенно заявляла, что она завершится за три, самое большое за шесть месяцев, продолжалась уже два года, но так и не было видно перспективы на победу. Главные силы японской армии глубоко увязли в трясине войны.

В кругах японской военщины были и такие люди, которые искали причину поражений на китайском континенте и Халхин-Голе в грызне между группами военной верхушки или в отсталости военно-технической оснащенности армии. Но большая часть военных чиновников и специалистов по военным вопросам склонна была видеть главную причину неудач в том, что части Народно-революционной армии наносят удары в спину. Это делает нестабильным тыл, нарушает каналы снабжения и порождает психологический хаос в настроениях военнослужащих. К слову сказать, и в самом деле из-за боевых действий частей Народно-революционной армии по дезорганизации тыла враги

понесли значительный урон.

Кажется, что это серьезно отрезвило и вразумило зарвавшихся японцев. Они поняли, что, не ликвидировав Народно-революционную армию в тылу, нельзя рассчитывать ни на успешное завершение войны с Китаем, ни на наступательные операции против Советского Союза. Это означало, что враги вынуждены были изменить свою точку зрения на антияпонские партизанские отряды.

Как видите, если японские империалисты разработали новую операцию под названием «специальные меры по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе» и проводили ее, прибегнув к общей мобилизации сил, то это, очевидно, явилось неизбежным результатом подведения ими итогов военных действий против Народно-революционной армии. Враги считали целью этих «специальных мер» окончательный разгром частей Народно-революционной армии и ликвидацию самого ее существования.

Все приказы Нодзэ от начала до конца были проникнуты громогласными угрозами, что он уничтожит наши части до последнего бойца. Но звучала в его наставлениях и другая нота – он признал, что, несмотря на проводившиеся до этого несколько лет карательные меры в трех провинциях – Гирин, Цзянъдао и Тунхуа, силы партизанских отрядов не стали слабее. Однако тут же он и похвалялся, что поэтому он взял на себя ответственную задачу – направить боевого коня на гору Пэкту и одним взмахом меча поразить «разбойников». Он приказывал подчиненным уничтожить бойцов Народно-революционной армии всех до единого.

Направить боевого коня на гору Пэкту и одним

взмахом меча уничтожить кого-то – такое заявление было вызовом нам. Из этих наставлений можно ясно увидеть, что главный удар врагов был направлен на Корейскую Народно-революционную армию.

Мы с большим вниманием изучали, какую стратегию и тактику применят враги в крупномасштабной операции, проводимой в форме тотальной войны с общей мобилизацией сил, и выяснили, что японская военщина на основе многолетнего изучения, обобщения нашей партизанской тактики разработала и свои новые тактические приемы. Суть их заключалась в том, чтобы противопоставить партизанской войне тоже своего рода партизанскую войну.

В коварстве врагов, в их намерении применить партизанские приемы против партизан мы особенно убедились после того, как в наши руки попала какая-то инструкция «по борьбе с бандитами». К тому времени враги снабжали все карательные отряды этим сборником материалов об опыте ранее проведенных карательных операций против нас и требовали заранее как следует изучить их. Этот сборник служил своего рода наставлением по ведению антипартизанской борьбы.

Японская военщина одевала свои спецотряды, предназначенные для проведения антипартизанской войны, в такую же форму, как наша, и требовала от них вести учения и действия тоже по-партизански. Все это ясно показывает, какие большие усилия прилагала японская военщина к изучению и разработке новой тактики для уничтожения КНРА.

Я понял, что противоборство с Нодзоэ будет жесточайшей схваткой и, чтобы победить в ней, обязательно

надо разработать и применить совершенно новую, не применявшуюся прежде тактику.

Для того, чтобы сорвать нападения крупной силы в сотни тысяч человек и поддерживать непрестанный революционный подъем, надо было придумать такой искусный прием, который способствовал бы проведению как никогда тщательно подготовленной и активной операции. Такой искусный способ мы увидели в обходном маневре крупными отрядами. Коротко говоря, этот маневр означает рассчитанное на длительное время передвижение крупных отрядов в обход по секретному маршруту в обширных районах. Предусматривалось, конечно, не просто передвижение в обход – оно должно было сопровождаться уничтожением врагов разнообразными методами боев. Без такой подвижной операции невозможно было победить большую армию численностью в 200 тысяч человек.

«Карательное командование Нодзэ» расставило сеть «районных» и «подрайонных» карательных частей не только в трех провинциях – Гирин, Цзяньдао и Тунхуа, но и в уездах Нинань, Дуннин и Мулин провинции Муданьцзян Северной Маньчжурии. Малейшая оплошность могла привести нас к глубокому увязанию в этой сети.

Однако при внимательном наблюдении оказалось, что эта сеть местами была то частой, то редкой. Одни районы были уже густо покрыты ею, а кое-где сделать это еще не успели. Ячейки сети тоже были различными по величине. В провинции Цзяньдао, на главной арене наших действий, во всех уездах были размещены карательные отряды.

Мы наметили первый маршрут обходного маневра к западу Дуньхуа и Эму. В этих местах действовало

множество созданных нами революционных организаций. Население было настроено по-революционному, поэтому удобно было для начала примоститься там. Если мы крупными отрядами нанесем ощутимые удары по врагу именно в этих местах, то внимание противника, несомненно, сосредоточится на них. Тогда мы осуществим крутой поворот, направившись к другим районам – Мэнцзяну, Фусуну и Чанбаю, и поднимем на этот раз шум в этом направлении. Когда враги будут выходить в Мэнцзян, Фусун и Чанбай по нашим следам, мы, пройдя южную окраину провинции Цзянъдао, уже вернемся на свое изначальное место. Таковы были мои замыслы. Я рассчитывал, что на такой обходный маневр уйдет примерно год.

Мы настаивали на том, что обходный маневр должен осуществляться крупными отрядами. Целью этого маневра – не избегать столкновений с врагами, а уничтожить их в каждом удобном для нас месте. В бою нужно бить врага так сильно, чтобы он не мог снова подняться на ноги. А это требовало проводить обходный маневр обязательно крупными отрядами.

Для проведения такого обходного маневра я считал особенно важным сохранить в тайне маршруты передвижения. Раскроется этот секрет – и мы станем жертвами «тактики клещей» или обречем себя на неимоверные трудности, попав в кольцо вражеского окружения. Между тем наша операция ставила перед нами серьезную проблему. Обход, несомненно, затруднит снабжение нас продовольствием. В случае, когда партизаны действуют в одном определенном месте, можно заранее запастись продуктами и хранить их в

тайном лагере. Но дело обстоит иначе, когда они воюют, всю зиму передвигаясь с места на место крупными отрядами.

Без разрешения продовольственной проблемы не могло быть и речи об обходном маневре крупных отрядов. Поэтому-то и после созревания замысла об операции я сразу не огласил его, держал некоторое время только у себя в голове.

Заранее наметив маршруты передвижения наших отрядов, я распорядился, чтобы 7-й и 8-й полки и комендантская рота запасли продовольствие в важных пунктах, находящихся на наших будущих маршрутах. Мы решили создать запасы продуктов питания в первую очередь в северном районе уезда Аньту, в районах уездов Хуадянь и Дунъхуа.

К тому времени зерно еще не убрали, поэтому доставать продовольствие было очень трудно. Зерно можно купить после обмолота уже убранных хлебов, а еще не наступило время уборки, так что не было видно выхода. А прибегнуть к посредничеству торговцев зерном в городах нам тоже было нельзя.

Я советовал командирам отрядов, направляющихся с заданием обеспечения провианта, попытаться купить хлеб на корню на полях. При таком решении вопроса нам придется после завершения сделки самим собрать и обмолотить зерно. Это трудоемкая работа, на которую, очевидно, не хватало бы рук даже при мобилизации всех сил наших отрядов. Однако нам оставалось прибегнуть только к такому методу, другого пути у нас не было.

В начале октября того же года, когда продовольственный вопрос был в основном разрешен, в Лянцзянкоу уезда

Аньту я созвал совещание военных и политических кадров и на нем официально объявил обходный маневр крупными отрядами в обширных районах на северо-востоке от горы Пэкту.

Когда мы действовали в Лянцзянькоу и его окрестностях, произошел случай, которого я не могу забыть. К нам пришел один крестьянин и очень просил принять в ряды революционной армии его сына, которому было всего четырнадцать-пятнадцать лет.

Прямо скажу, просьба эта заставила меня глубоко задуматься – ведь нам предстояло такое серьезное испытание, как обходный маневр крупными отрядами.

Я сказал мальчику: «Мы, люди военные, совершаляем марш и днем, и ночью. Знаешь, бывают и такие дни, когда мы покрываем то 40, то 80 километров. Сможешь ли с нами так идти?» А мальчик, указывая на Ли О Сона, ответил: «Если тот брат, военный, сможет, то и я смогу».

Я спросил крестьянина, может ли он быть спокойным, если сын останется в партизанском отряде. Тот ответил: «Без такой душевной подготовки как же отдать сына моего революционной армии? Как говорят, с кем поведешься, от того и наберешься. Буду спокоен, так как доверяю вам, уважаемый Полководец».

Мальчик был толковым, его отец тоже был славный человек. Я решил принять мальчика в армию. Были люди, которые говорили, что я беру на себя лишние заботы. Но большинство командиров и бойцов приветствовали мое решение. «Судя по тому, что товарищ Командующий принимает такого мальчика, – говорили они, – предстоящий маневр непременно завершится удачей». Не будь уверенности в победе предстоящей операции, рассуждали

они, Командующий не решился бы принять на себя такое бремя.

Этого мальчика я включил в группу ординарцев, и он всегда был со мной. Он был смекалист и расторопен, его развитие было заметным. Впоследствии, когда я отправился в Лянцзянкоу на совещание, я взял с собой этого юного бойца. Я вернулся сразу после совещания. Обратный путь был не гладким и не легким. Обстановка становилась очень напряженной: только что начался первый этап карательной операции Нодзэ. Поэтому мы действовали, соблюдая секретность, и шли, выставив впереди дозор.

Вблизи от Цзигуаньлацзы на нас враги совершали внезапный налет. Название этой местности произошло от того, что своим видом горная вершина напоминает петушиный гребень. Та вершина возвышалась на левой стороне по ходу нашего движения. Рельеф местности вблизи Цзигуаньлацзы был таков, что врагам было очень удобно устраивать засаду, а для нас, находящихся на марше, было весьма трудно предупредить их внезапное нападение. Мне в голову пришла мысль: «Если карательный отряд противника находится в окрестностях Цзигуаньлацзы, то он не может не оценить благоприятные для него условия этой местности. Враги, возможно, ждут нас в засаде, ведь решили они уничтожить антияпонских партизан партизанскими методами ведения боя».

Однако нельзя было менять маршрут и выбирать далекий трудный обход. Я приказал броском преодолеть этот опасный участок, вынеся в авангард отряда пулемет.

Когда мы подошли к скалистому подножию Цзигуаньлацзы, с вершины горы вдруг раздался ружейный залп. Враги обрушили сосредоточенный огонь на нашу

цепь, идущую по единственной здесь дорожке.

От внезапного налета врагов получили смертельную рану бывалый партизан по прозвищу «Малый» и Ким Чон Док.

Меня встревожило, не зацепила ли пуля мальчика, вступившего в армию в Лянцзянкоу. Я окликнул его по имени. И был, откровенно говоря, удивлен, когда увидел, что он стреляет во врагов, расположившихся на высоте. Я был рад, что он в такой критический момент не растерялся, действует так смело.

Юный партизан крикнул: «Товарищ Командующий! Не трогайтесь с места!» Он по-взрослому заботился обо мне. «Нет, нельзя оставаться на месте. Стреляй, меняя место!» – сказал я. Затем я увел его в небольшое углубление за бугорком.

Между тем рой вражеских пуль продолжал лететь на нас. Трудно было идти – и назад, и вперед. Я заметил рытвину на поле метрах в ста и побежал туда с командой: «Вперед, за мной!» Бойцы, поддерживая раненых, устремились к рытвине. Однако и там не было спасения.

Спустившись к берегу реки, мы пробежали немного вдоль нее, а затем бросились в сторону обрыва, занятого врагами. Тогда мне некогда было объяснить моим бойцам, зачем нам надо идти туда. И я бежал в сторону вражеской позиции, увлекая за собой бойцов. Возможно, тогда мой поступок показался им странным: малой силой, не более десяти человек, атаковать большой вражеский отряд – какой в этом смысле, а мы туда бежим, что же будет дальше?

Однако бойцы, не мешкая, бежали за мной. Насколько твердо я верил им, настолько абсолютно они доверяли мне.

Как только мы укрылись под обрывом, пули стали пролетать над головами. Только тогда, думаю, бойцы поняли мой тактический замысел.

Враги предполагали, что мы ушли в сторону поля, и стреляли туда вслепую, наугад. Потом они хлынули с горы и с гиканьем стали окружать поле. Тем временем мы уже поднялись на другую вершину. А враги, окружив поле с трех сторон, довольно долго яростно стреляли друг в друга.

Можно сказать, что бой в Цзигуаньлацзы был первой встречей с карательным отрядом Нодзэ. Этот бой позволил мне яснее понять, что враги, готовясь к новой операции, основательно изучили нашу партизансскую тактику. Я глубоко убедился, что обходный маневр крупными отрядами является правильным выбором в тактическом отношении. Бой в Цзигуаньлацзы, можно сказать, представлял собой в миниатюре боевую ситуацию, в которой мы оказались в ту зиму.

Пока я возвращался с совещания в Лянцзянкоу, наши товарищи завершили начавшуюся раньше заготовку провианта. Партизанки-швеи тоже почти полностью выполнили поставленную мной задачу по пошиву военного обмундирования.

Мы называли первый этап обходного маневра крупных отрядов также экспедицией на Дунъхуа. Маршрут этого похода можно обрисовать так: скользнуть от Хуалацзы далеко в Дунъхуа, оттуда – в сторону Мэнцзяна и Фусуна. Расчет был такой: тронувшись из Хуалацзы, идти в сторону горы Пэкту, потом, повернув на север, маневрировать в глубоких захолустьях Дунъхуа и завязать несколько серьезных боев, затем отойти в девственные

леса Дунпайцзы уезда Мэнцзян или Байшитан уезда Фусун. И здесь отдохнуть после трудного пути, проводить военно-политические занятия в тайном лагере и ждать, пока утихнут морозы самого холодного сезона.

Готовясь к операции первого этапа, я отправил Рим Су Сана в Дунпайцзы с одним взводом комендантской роты и отдельным батальоном, послал малый отряд в Байшитан с заданием устроить тайный лагерь, заготовить провиант и обмундирование для крупного отряда.

Закончив приготовления, я отправился с экспедицией на Дунъхуа. Чтобы иметь ясное представление об этом походе, достаточно вспомнить о боях в Люкэсуне и Цзясиныцзы. Оба боя происходили как раз в это время.

Стремясь замаскировать направление движения крупных отрядов, мы начали экспедицию выступлением в сторону верховьев реки Эрдаоцзян, делая вид, будто мы направляемся в Самчжан.

Когда мы отошли от Хуалацзы примерно на 8 – 12 километров, начало рассветать. Мы ушли от реки и, заметая следы, углубились в ближайший лес. Отдохнули, позавтракали, подкрепились и направились в сторону горы Пэкту, следя друг за другом шаг в шаг. Вблизи горы Нэйдаошань резко изменили направление – на 180 градусов, взяв курс на север по льду реки Саньдаобайхэ. Эти маневры мы предпринимали с тем, чтобы еще раз обвести врагов вокруг пальца.

Такое резкое изменение направления маршрута имело большой эффект, равный последствиям нескольких боев. Враги, потеряв наши следы, беспорядочно метались бы сколько им угодно и, оказавшись, наконец, в глухомани, не отмеченной даже на карте, основательно бы замерзли

и, выбившись из сил, потеряли боеспособность. Мы иной раз пускали ложные слухи, а порой нарочно показывали врагам свои следы, чтобы тащить их за собой в глуши и заставлять их израсходовать последние силы и сделаться беспомощными от холода и утомления.

Когда мы переходили перевал Муданьлин, большие хлопоты доставлял нам снег. Густо падали его хлопья, камни покрывались ледяной коркой и становились очень скользкими. Естественно, темп нашего похода замедлился.

И все же наша главная часть преодолела перевал Муданьлин благополучно, а затем растворилась в лесах Дуньхуа.

Таким образом, обходный маневр силами крупных отрядов сопровождался трудностями и лишениями с самого начала. Однако старт же был торжественным. В начале экспедиции на Дуньхуа мы не ввязывались в большие бои. Били врагов столько, сколько нужно было, чтобы сохранить маршрут в секрете. Но все-таки враги понесли большие потери в живой силе.

Каждый раз, вспоминая ход Дуньхуаской экспедиции, товарищ Ким Ир Сен рассказывал и о собрании Антияпонского союза молодежи (ACM), проходившем во время похода.

В дни экспедиции на Дуньхуа мы созвали собрание ACM. Эта молодежная организация была создана по решению Наньхутоуского совещания после распуска и реорганизации комсомола в интересах развития молодежного движения. Заставило нас созвать это собрание одно обстоятельство. В Дуньхуа есть местечко

Сыдаохуангоу. В нем я, физически ослабленный после выхода из Гиринской тюрьмы, некоторое время отдыхал, заодно восстанавливая разгромленные подпольные организации. Первым местом, куда мы пришли после перехода через перевал Муданьлин, как раз и была окрестность Сыдаохуангоу. Один боец, направленный в селение для ознакомления с обстановкой, вернулся с отзывами местной подпольной организации в связи с делом Пак Дык Бома.

Сущность дела Пак Дык Бома, коротко говоря, сводилась к тому, что он, один из командиров Народно-революционной армии, променял честь революционной армии на хозяйствственные материалы.

Говорили, что отряд Пак Дык Бома одно время испытывал серьезные затруднения с продовольствием и обмундированием. Когда кончаются продукты и хозматериалы, бьют врага или получают нужное с помощью революционных организаций. Эти методы свойственны Народно-революционной армии. Однако Пак Дык Бом не думал ни о бое, ни об опоре на подпольные организации. Он был командиром-трусом, боялся боев. И замыслил решить проблему продовольствия и одежды весьма подлым способом. Его замысел был такой позорный, что и пересказывать-то стыдно.

Пак Дык Бом сообщил врагу через его тайного агента: «Сдамся, перейду к вам вместе с целой дивизией. Но затрудняет нас то, что наши бойцы раздеты и голодны. Ставлю условие: принеси продовольствия и тканей в назначеннное место. Переоденем бойцов, восстановим их здоровье, а потом перейдем к вам. А ваша гарантия в лице одного тайного агента нам кажется недостаточной.

Поэтому с продовольствием и тканями пусть придут ваши представители, которые могли бы гарантировать нашу жизнь после капитуляции».

Агент согласился с ним и немедленно доложил об этом в спецгруппу, в которой он состоял. Такая сделка очень заинтересовала врагов. Главари провинции Гирин и уезда Дуньхуа тут же после получения информации собрались обсудить меры и отправили на явку в качестве своих представителей несколько человек не без имени.

Пак Дац Бом принял их и начал переговоры. Во время переговоров вошел его подручный командир и доложил, что все обещанное количество припасов доставлено. И Пак тут же на месте убил всех представителей противника. Впоследствии он был подвергнут уничтожающей критике и переведен в комендантскую бригаду. Но в 1940 году он, так и не оправдав доверие организации, сдался врагам, поймавшим его. Значит, из ложной капитуляции выросла со временем капитуляция всамделишная.

После перехода во вражеский лагерь Пак Дац Бом организовал «спецотряд Пака» и всячески старался воздействовать на бывших боевых друзей, чтобы они добровольно капитулировали.

Дело Пак Дац Бома преподало нам очень серьезный урок. Когда мне сообщили о его капитуляции, я думал, что неслучайно тот придумал однажды затею с ложной капитуляцией. Ее мог разыграть только тот, кто потенциально склонен к предательству. Случай его измены показал, что тот, кто затевает ложную сдачу своих позиций, в любое время может пойти и на подлинную капитуляцию.

Между тем, серьезной проблемой в этом деле я

считал то, что немало людей поступок Пак Дык Бома, применившего такой подлый способ для приобретения продовольствия и хозяйственных материалов, оценивали словно как какой-то достойный похвалы подвиг. Кстати, тот член разведгруппы, побывавший в Сыдаохуангоу, даже считал, что Пак Дык Бом, совершивший такое «хорошее дело», не был оценен должным образом и подвергся незаслуженно строгому взысканию. Доложив мне о настроениях населения, он выразил недовольство тем, что жители Сыдаохуангоу говорят о Пак Дык Боме как о командире, дискредитировавшем партизансскую армию. Этот разведчик был как раз членом АСМ.

Было очень опасно, что член АСМ положительно оценивает поведение Пак Дык Бома. Я побеседовал с командиром, отвечающим за работу с молодежью, и узнал, что среди бойцов армейской группы немало таких членов союза молодежи, которые разделяют мнение этого разведчика о деле Пак Дык Бома. Тем самым обнаружился, по-моему, серьезный пробел в духовном состоянии членов АСМ. Я предложил тому командиру созвать собрание членов союза молодежи, но он ответил, что все они сразу по прибытии на привал свалились и заснули.

До этого в нашей части такого не бывало. На привале прежде всего чистили оружие, чинили одежду, брились, заготавливали дрова и так далее. Так жили все бойцы – напряженно и опрятно. А в тот вечер картина оказалась совершенно иная. Верно, конечно, что экспедиция очень утомила их. Но если все будут так беспечно валиться с ног, не думая о подготовке к ночлегу, то это может повлечь за собой большую беду. С бойцами в таком духовном

состоянии невозможно было провести до конца активную маневренную операцию.

В тот вечер мы предложили командиру полка О Чун Хыбу освободить палатку одной роты и в ней проводили собрание Антияпонского союза молодежи. В нем участвовал и я.

На собрании подвергались критике смутный идеиный настрой членов АСМ, нехватка у молодежи духовной готовности преодолеть трудности, равнодушие к санитарно-гигиеническим делам и пассивное отношение к культурно-развлекательным мероприятиям. На нем шел разговор и о мерах по устраниению недостатков.

На собрании я еще раз напомнил серьезность дела Пак Дык Бома. Я особо подчеркнул, что каждый боец должен постоянно сохранять повышенную бдительность в отношении явлений, подрывающих престиж и честь Народно-революционной армии, вести принципиальную борьбу с ними и поддерживать хорошие отношения с населением.

Собрание дало толчок и к повышению сознательности командиров. Некоторые из них закрывали глаза на то, что бойцы просто заваливались спать без подготовки к ночевке, даже сочувствоали им и не принимали мер к исправлению такого положения. После собрания командиры лучше осознали свою ответственность за подчиненных.

Собрание Антияпонского союза молодежи можно считать актом идеологической мобилизации бойцов и командиров перед совершением налетов на Люкэсун и Цзясиныцзы. Эта работа дала большой эффект. Во время налета на Люкэсун, проведенного после собрания, все

сражались отлично. Бойцы провели бой в Цзясиньцзы тоже здорово. После этих двух боев бойцы поняли, зачем Командующий так срочно созвал собрание АСМ.

Чем труднее стоящая задача и чем суровее создавшееся положение, тем лучше надо вести идеологическую работу. Я сторонник опоры на идейную убежденность. Я за концепцию, отдающую приоритет идеологии, ценю идеологию больше, чем какие-либо материальные блага. Когда мы вступили в решительную схватку с более чем двухсоттысячными полчищами противника, на что мы полагались при разработке и настойчивом, упорном проведении такой крупной операции, как обходный маневр крупными отрядами? На монолитную сплоченность всей армии и непоколебимую революционную идейность личного состава. У нас не было ни самолетов, ни танков. Был народ, были бойцы и легкое оружие – и больше ничего. Но мы мобилизовали идейный заряд бойцов, и это, как всем теперь видно, приносило нужный эффект в непрерывных боях.

Товарищ Ким Ир Сен вспоминал и о том, как в дни экспедиции пришлось срочно изменить первоначальный план операции по вине Рим Су Сана, уклонившегося от выполнения порученного ему задания.

Перед собранием АСМ пришли в Командование Ким Чен Сук и Ли Ду Ик. Они доложили о делах в тайном лагере Дунпайцзы. При уходе в экспедицию на Дунъхуа я, собственно, намеревался провести месяц-два самого холодного времени в Дунпайцзы, затем обойти уезды Фусун и Чанбай, добраться через территорию Кореи до Хэлуна и вернуться в исходный пункт Аньту. Однако Рим

Су Сан, направленный в Дунпайцзы, ничего не сделал для приема больших отрядов. Ссылаясь на напряженную обстановку, он не приложил активных усилий для выполнения нашего задания. Ким Чен Сук и Ли Ду Ик не могли спокойно видеть это и сидеть сложа руки, а потому попытались выполнить задание вместо Рим Су Сана, но успели запастися продовольствия на зиму немного – только для личного состава в Дунпайцзы.

Из этого сообщения я сделал вывод, что использовать первоначально намеченный основной маршрут попросту невозможно. Нельзя же крупным отрядам быть на «иждивении» тайного лагеря, где нет продовольствия.

В самом деле уже к тому времени у Рим Су Сана безнадежно пошатнулась идеяная убежденность. Позднее он, как известно, перебежал к врагам. Ведь предательство созревает не за день-два. Измена тоже требует подготовки и не минует процесса, как говорится, идеологического «брожения». Идеологическое разложение и вырождение, как правило, проходит определенные стадии. Рим Су Сан любил громко кричать о революции, но у него идеологическое вырождение началось уже с тех пор, как возникло «Хесансское дело». Просто мы не подметили это вовремя, потому что слишком доверяли ему.

Байшитан уезда Фусун был резервной точкой на нашем маршруте. Он имел благоприятные условия по рельефу местности, но уж слишком был удаленным от населенных пунктов. Несколько ближайших поселений находилось километрах в двенадцати от тайного лагеря; кроме того, там было мало созданных нами подпольных организаций.

Продовольствие тоже оставалось проблемой. Конечно,

мы располагали каким-то количеством продуктов. Их запасли направленный нами прежде малый отряд и люди О Бэк Рёна, используя реку Сунгари. Но их хранили далеко, да и был это запас для будущих нужд. В район Байшитана уже были направлены люди, но большинство их составляли женщины и ослабевшие здоровьем.

При таких обстоятельствах нельзя было даже и думать о том, что крупные отряды пойдут прямо в резервный пункт – Байшитан. Таким образом, мы оказались в положении человека, забредшего в глухой тупик. Стояли беспощадные морозы, намеченное место не готово, нет времени для подготовки нового маршрута, а враги следуют за нами по пятам. В таких условиях нам нельзя было долго задерживаться на рубежах перевала Муданьлин. Так мы оказались в заколдованным кругу во всех отношениях.

Имелось бы хоть бы зерно, уже было бы легче преодолеть другие трудности. Но тут к нам на выручку и пришли поистине благодетели. Население помогло: дало нам возможность снять урожай с неубранных бобовых полей, и критический для нас момент миновал.

Итак, мы провели крупные налеты на лесоразработки в Люкэсуне и Цзясиныцзы и захватили в качестве трофеев продовольствие и различные материалы. Затем мы резко изменили маршрут – на юг, в противоположном направлении и пошли в Байшитан, в тайный лагерь. Можно считать, что этим завершился первый этап обходного маневра больших отрядов.

Рейды в Люкэсун и Цзясиныцзы ознаменовали блестящими боевыми успехами первый этап обходного маневра больших отрядов. Мы вышли из района

Хэлун – Аньту, где все горы и ущелья были накрыты плотной сетью карательных отрядов. Одно это уже опрокинуло расчеты врага. Более того, мы совершали один за другим молниеносные налеты на основные места дислокации вражеских войск в Дуньхуа. Наши гибкие оперативные действия ошеломляли врага. Получив депешу, что подвергнуты налету Люкэсун и Цзасиньцзы и разгромлены его войска, он спешно начал направлять свои силы в сторону Дуньхуа. Но к тому времени мы уже скрытно ушли на юг и прибыли в бассейн реки Сунгари.

Самым большим успехом первого этапа операции я считаю то, что мы расширили свои вооруженные ряды, приняв в армию более двухсот рабочих лесоразработок в Люкэсуне и Цзасиньцзы.

После боев мы организовали в лесу на берегу реки Сунгари выступление художественной самодеятельности. После этого рабочие сопровождали нас, неся грузы на спине. Многие молодые из них просили принять их в армию.

Это было знаменательное событие. Впервые в истории создания антияпонских партизанских отрядов мы приняли в свои ряды такое большое число молодых людей из среды рабочего класса.

Мы не успевали дать всем новобранцам оружие и одеть их в военную форму. Поэтому, принимая их в свои отряды, мы надевали каждому на рукав повязку с красной звездочкой. И теперь мне помнится, как партизанки всю ночь напролет шили эти нарукавные повязки.

Военно-политические занятия в Байшитанском тайном лагере, будучи в определенном смысле началом уже второго этапа обходного маневра больших отрядов,

явились в то же время подведением итогов первого этапа.

Проведя основательную подготовку в Байшитане, мы приступили ко второму этапу операции. Маршрутом второго этапа маневра должно было стать движение от Байшитана через незаселенные районы Эрдаобайхэ, Саньдаобайхэ и Сыдаобайхэ на северо-востоке от горы Пэкту, вступление в Корею, а затем оттуда через уезд Хэлун возвращение в Аньту.

Когда военно-политическая подготовка в Байшитане была в самом разгаре, наш тайный лагерь обнаружил враг. Продотряд возвращался с соевыми бобами в мешках, и именно бобы стали причиной обнаружения лагеря, испортили все дело. Наши люди вовремя не заметили дыру в мешке. И «дорожка» из бобов, выпадавших через дыру, бросилась в глаза вражескому лазутчику.

Получив информацию о том, что враги, обнаружив тайный лагерь, готовятся полностью его окружить, а затем напасть на нашу часть, мы разработали ответную операцию. Прежде всего дали одному из командиров нашей части задание – силами роты проникнуть в контролируемый врагом район и, совершив налет на Лянцзянкоу, уйти в сторону Сявэйцзы. А один взвод комендантской роты получил задание занять посты на горе за Байшитаном, откуда нанести серьезные удары по наседающим врагам, после чего уйти в сторону Лушуйхэ.

Ведя главные силы, я покинул тайный лагерь всего за 30 минут до начала вражеского наступления и направился в сторону Лушуйхэ. Чтобы заманить врагов в ловушку, надо было создать впечатление, будто мы находимся в тайном лагере.

Едва мы оставили лагерь, в него ворвались враги.

Вокруг было тихо, никто не оказывал никакого сопротивления, и враги думали, что и дальше все пойдет так гладко. Они приступили к общей атаке. Но и тогда наши меткие стрелки комендантской роты не стреляли, а только наблюдали за действиями врага.

Когда рассвело, над тайным лагерем появилась вражеская авиация и начала сбрасывать бомбы на головы своих войск, которые поначалу от радости махали руками, поднятыми в небо. Услышав взрыв бомб, враги, вкатившиеся в казармы, хлынули обратно во двор. Наши бойцы уловили этот момент, и пулеметы заговорили вовсю.

Таким образом, запланированная врагами наступательная операция во взаимодействии пехоты и авиации обернулась уничтожением пехотных войск Японии и Маньчжу-Го путем взаимодействия Народно-революционной армии и японской авиации.

Пока враги суматошно сутились в Байшитане, мы спокойно уходили в сторону горы Пэкту и били следовавших за нами врагов в Лушуйхэ. Затем мы перешли через Эрдаобайхэ и скрылись в лесу, что на востоке горы Нэйдаошань. Потом мы совершили налет на лесоразработки под Хуалацзы и призвали туда роту, ушедшую в Лянцзянкоу, и бойцов комендантской роты, оставшихся под Байшитаном. Кажется, именно к тому времени мы направили разведгруппу в Самсупхён уезда Мусан.

Кордоны у границы были очень сильны, и разведгруппа, едва переправившись через реку Туман, столкнулась с врагами и не смогла провести разведку как следует. Преследуемая врагами, она еле унесла ноги. В

таких условиях вступать в Корею большими отрядами было рискованно.

Я отложил рейд в Корею на некоторое время и решил совершить налет на крупные лесоразработки с тем, чтобы запастись продовольствием и понаблюдать, как реагирует противник за рекой, в Корее. С этой целью мы провели налет на лесоразработки в Дамалугоу вблизи реки Туман. Реакция со стороны Кореи была очень чуткой. Получив доклад о том, что враг превратил пограничную охрану в неприступную железную завесу, я немедленно тронулся с места, увлекая за собой противника, от которого мы отбивались в пути на протяжении нескольких дней, и уходя в лес, что на юге от Хуалацзы. После этого был еще большой бой в Хунцихэ, где мы разбили вдребезги часть Маэда. На этом завершился обходный маневр больших отрядов.

Противоборство с карательным отрядом Нодзэ нельзя рассматривать как противоборство с командующим войсками какого-то одного района. Это было противоборство со всей японской военщиной, с «Великой японской империей». Враги не достигли ни одной из трех целей, о которых громко трубили в «великой программе обеспечения спокойствия», – ни «военной кары», ни «идейной обработки», ни «ликвидации корня зла». В конечном счете, в этом противоборстве победили мы.

После поражения Японии в войне Нодзэ ушел в отставку и проводил последние дни в деревне на острове Кюсю. Он оставил воспоминания о том времени. В них говорилось:

«Часть Ким Ир Сена действовала, разбившись на несколько подразделений, каждое из которых выдавало себя за часть Ким Ир Сена.

Таким образом они часто прибегали к обману, отчего создавалось впечатление, будто часть Ким Ир Сена появляется то здесь, то там. Ким Ир Сен был, наверняка, один человек, но было и несколько человек, действовавших под именем Ким Ир Сена. Поэтому трудно было понять, кто же именно является настоящим Ким Ир Сеном».

Среди японских офицеров был некий Нагасима, который после подавления восстания в Цзяньдао вошел в большое доверие у начальства и выполнял задания спецслужбы карательной экспедиции Нодзэ. Он тоже признал, что вдоволь испил горькую чашу от непревзойденной гибкой тактики КНРА.

«Когда я выполнял задание спецслужбы в части Нодзэ, – писал Нагасима, – говорили о существовании части Ким Ир Сена, и я заинтересовался ею. Оказалось, что ее операции были очень хитроумными. Когда нам докладывали о появлении части Ким Ир Сена где-то и мы спешили туда, тут же нам сообщали, что она появилась в другой стороне. Казалось, что часть Ким Ир Сена действительно так же внезапно появлялась и исчезала, как призраки. На самом же деле появлялась в разных местах за короткое время не одна и та же часть, а она разбивалась на несколько подразделений, которые появлялись то там, то тут. Каждое из них выдавало себя за часть Ким Ир Сена».

Дальше Нагасима вспоминал, как трудно было сражаться с КНРА, и, в частности, отмечал: «Все высшие кадры Объединенной антияпонской армии были убиты или схвачены, или сдались, но только Ким Ир Сен чудом ... остался жив и после завершения войны вернулся в Северную Корею и занимает даже пост Председателя Кабинета Министров».

7. О Чун Хыб и 7-й полк

Однажды уважаемый вождь товарищ Ким Ир Сен читал роман «Суровый боевой участок». На том месте, где описывалась гибель О Чун Хыба, он испытал столь острую душевную боль, что не смог читать далее, отложил книгу в сторону и, говорят, провел без сна всю ночь напролет, думая о своем боевом соратнике, давно ушедшем из жизни.

Родной вождь вспоминал о нем, о его гибели каждый раз, когда заходила речь о бое в Люкэсуне уезда Дунъхуа, ознаменовавшем первый этап обходного маневра крупными отрядами блестящей победой. Перебирая в памяти вехи героической жизни О Чун Хыба, он с особо теплым чувством вспоминал воинский дух и боевые заслуги 7-го полка, который в дни антияпонской революции грудью защищал, охранял Командование – штаб корейской революции.

Мы потеряли О Чун Хыба в Люкэсунском бою, в котором погибли также комроты Чвэ Иль Хён и командир пулеметного взвода Кан Хын Сок. Все трое были командиры, которых я любил и берег больше всех. И надо же случиться такому горю – я потерял их в один и тот же час. В годы антияпонской войны погибли многие мои соратники, но смерть О Чун Хыба оставила в моей душе необычайно глубокую горечь и гнетущую боль.

Натуру О Чун Хыба можно определить так: «Человек малословный, но заметный». Заметен он был своими

делами: всюду, где он присутствовал, остались его заметные следы, а сам он имел большие заслуги.

Среди командиров нашего отряда, наверное, не было столь неразговорчивых, как Чвэ Чхун Гук и О Чун Хыб. Слово «неразговорчивый» в данном случае имеет тот смысл, что человек не стремится выставлять себя или что он по натуре тихий и ладный. Такого тихого и мягкого человека, как О Чун Хыб, очень редко увидишь среди военных командиров, а он был таким – говорил мало, а много делал. Он не умел и не любил выставлять себя, а был скромным, даже незаметным работником.

Насчет Чвэ Чхун Гука говорили, что он нежен, как невеста. Однако О Чун Хыб был еще скромнее. Он относился к тем людям, в каких трудно при всем желании сыскать недостатки.

В повседневной жизни он был таким тихим и скромным, но в революционной практике проявлял себя необычайно волевым. Это был такой мужчина, что напоминал тигра, когда, с решимостью взявшись за дело, смело рвался вперед – хоть в огонь, хоть в воду. Он привык не считаться ни с какими трудностями, любую работу во что бы то ни стало доводил до конца и до выполнения возложенного на него задания не знал ни сна, ни отдыха.

В О Чун Хыбе было сильно чувство справедливости, всегда он готов был ее отстаивать и ни в коем случае не мирился с малейшим отступлением от нее. Именно благодаря этому качеству, я думаю, в нем ранее, чем у других, пробудилось классовое сознание.

Когда-то, говорят, семья О Чун Хыба, занимавшаяся земледелием, из-за засухи попала в большую беду. Отец его, объясняя, в какое плачевное положение они

попали, стал просить помещика принять во внимание такое обстоятельство хоть в этом году. Однако жадный и жестокий помещик не только не проявил сочувствия, но и, несправедливо при克莱ив ему ярлык вора, хотел ударить его тростью. Стоявший поблизости сын не вытерпел и цепом ударили помещика, размахивающего тростью. В то время ему было 14 или 15 лет, так что лишь из этого факта можно понять, насколько сильным было у него чувство справедливости уже с юных лет.

Человек с развитым чувством справедливости раньше других пробуждается в классовом отношении и так же быстро входит в революционное движение. Он вырастает в прекрасного борца-революционера, готового без колебаний бросаться в смертельные схватки, идя впереди отряда.

По словам старого О Тхэ Хи, О Чун Хыб в детстве очень любил играть, подражая воинам Армии независимости. В селение, где он жил, частенько наезжал Ким Чва Чжин на своей сивой лошади. Так что там трудно было не поддаваться влиянию Армии независимости. Коммунистическое влияние О Чун Хыб получил от своего двоюродного брата О Чун Хва. И значение революции он понял с ранней поры. Объясняется это тем, что у него было сильное чувство ненависти и готовность сопротивляться захватчикам Родины.

Могу сказать: даже с сегодняшней точки зрения это был на редкость смелый, отважный командир.

Издревле известные военачальники, вырабатывая в себе воинские качества, придавали важное значение сочетанию знаний и нравственности с доблестью и отвагой. И они прилагали все свои усилия, чтобы

выработать в себе все эти качества. А почему тигр скатывает своего детеныша с обрыва? Для того, чтобы привить ему смелость.

О Чун Хыбу не пришлось учиться ни в военной школе, ни у наставника. В огне антияпонской борьбы он приобрел смелость и отвагу, которыми должен обладать революционер.

В 1939 году, накануне осеннего праздника чхусок, при налете на золотой прииск под Саньдаогоу в уезде Хэлун с ним произошел случай, какой редко бывает на поле брани.

Во время командования боем ему в лоб попала пуля, но удар, наверное, пришелся по касательной, и он остался жив. Было чудом, что он не погиб и даже не прекращал командовать боем.

Люди не поверили бы в то, что тонкий череп человека мог стать преградой для пули, хотя она и отклонилась в сторону. Но это был неопровергимый факт. Я тоже видел ту рану, которую перевязал его ординарец.

Когда товарищи сказали О Чун Хыбу, что ему очень повезло – ему оказана большая благосклонность «бога», он ответил: «Шальная пуля япошек, может быть, пробьет лоб труса, но лоб коммуниста пробить не сможет».

Он продолжал командовать боем, несмотря на рану в голову, и тут он получил еще один «сюрприз». Через крепостную стену перелетела брошенная противником граната и упала у ног бойцов. В этот критический миг О Чун Хыб, не раздумывая, схватил ее и стремительно бросил обратно через стену.

При виде перелетевшей обратно гранаты, только что брошенной ими, у врагов душа ушла в пятки, и они разбежались куда глаза глядят. Не упустив этого момента,

О Чун Хыб призвал своих бойцов в атаку. Как видите, произошло еще одно чудо.

Граната является средством поражения на близком расстоянии, и она разрывается всего через 2 – 3 секунды с момента броска. Хватать гранату с горящим запалом, которая через секунду полыхнет взрывом, – дело исключительно рискованное. О Чун Хыб пошел на этот риск без малейшего колебания.

По этим двум случаям вы, товарищи, наверное, сможете лучше понять натуру О Чун Хыба, его свойства как человека.

Он был великолепным командиром, бои вел очень искусно. Его отличительными качествами как командира было прежде всего умение быстро оценить обстановку, мгновенно принять решение и затем тщательно организовать бой. Раз приняв решение, он, не мешкая, настойчиво продвигал дело. Вот что отличало его. Подобно тому, как умелый борец искусственным приемом валит с ног сильного соперника, так и он при встрече с любым превосходящим по силе противником, безошибочно применяя соответствующую тактику, побеждал и уничтожал его. Короче говоря, он был испытаным воякой, не уступающим ни Чвэ Хёну, ни Чвэ Чхун Гуку. Однако слава о нем гремела меньше, поскольку он постоянно действовал вместе со Ставкой Командования.

Участвуя в революции десятки лет, я до сих пор мало видел таких высокоорганизованных и образцово дисциплинированных людей, как О Чун Хыб. Эти его качества как борца прежде всего выражались в духе беспрекословного, безоговорочного выполнения приказов и распоряжений начальства. Получая задание, он

уверенно отвечал «Есть!», никогда не искал оправданий.

О Чун Хыб исполнял все мои приказы и распоряжения беспрекословно и последовательно – не было опоздания ни на минуту, ни на секунду. Если я приказываю ему выполнить такое-то задание в таком-то месте, прибыть к такому-то времени на такой-то пункт связи, то он обязательно выполнял задание до конца, непременно прибывал в назначенный час. Если в ходе выполнения задания возникали непредвиденные обстоятельства, он оставлял на месте небольшой отряд с поручением завершить исполнение полученной задачи, а сам же с основным отрядом любым способом возвращался в назначенный срок. В таких случаях он говорил бойцам: «Если мы не вернемся вовремя, то это обеспокоит товарища Командующего». В таком духе он воспитывал и вдохновлял их.

Командир полка О Чун Хыб показывал пример и в управлении частью, и в воспитании бойцов. Он все делал так, как требовал я. В столь суровых обстоятельствах он управлял частью так и тщательно, как в регулярной армии. В 7-м полку, которым командовал он, не было таких бойцов, кто бы ходил в рваной обуви и рваных штанах. Если во время похода он обнаруживал разорванную одежду, то приказывал заштопать ее на перерыве. Он очень хорошо контролировал свою часть, и у его подчиненных не было ни одного происшествия.

Даже те слова, которые случайно срывались с моих уст, О Чун Хыб воспринимал как требование или приказ Командующего.

Однажды, перед осенним праздником чхусок в 1939 году, я вместе с О Бэк Рёном прогуливался в тайном

лагере Вукоуцзян. Тогда я как бы вскользь сказал: «Да, приближается праздник чхусок...»

Эти слова каким-то образом дошли до О Чун Хыба.

Он умел как никто другой чутко воспринимать мои планы и желания. Он и тогда не пропустил то, что я сказал, а размышлял: «Почему товарищ Командующий сказал, что приближается праздник чхусок? Он, может быть, так сказал, беспокоясь о подготовке к празднику. Предполагает заранее, что новобранцы с приходом праздника чхусок будут тосковать по родному краю». Так рассуждал он по-своему. Через несколько дней он провел бой для подготовки к празднику чхусок и вернулся из боя с богатыми трофеями – зерном, другими продуктами. Среди них были даже круглые рисовые хлебцы со сладкой начинкой. Именно в праздник чхусок того года я по просьбе О Чун Хыба рассказал бойцам 7-го полка и членам Ставки Командования о происхождении этого хлебца.

О Чун Хыб был настолько преданным мне человеком, что безошибочно – как в это ни трудно поверить – угадывал звуки сделанного мною выстрела. В дни Трудного похода однажды мы на некоторое время перешли от марша крупного отряда к рассредоточенным действиям. Расставаясь с О Чун Хыбом, я тогда условился встретиться весной в ущелье Самсу. В то время корейцы так называли ущелье Шисанъдаогоу.

В начале марта 1939 года я организовал налет на одно поселение, расположенное в ущелье Самсу. О Чун Хыб, как позже выяснилось, услышав тогда наши выстрелы, впереди бойцов помчался в нашу сторону. Он говорил: «Это стреляет товарищ Командующий. У Командования

лишь одна рота. Может быть, его обнаружили и окружают враги. Товарищи! Надо грудью защитить Командование!»

О Чун Хыб был предельно искренним человеком.

Расскажу об одном эпизоде того времени, когда он, занимавшийся подпольной деятельностью в местечке Юаньцзядянь уезда Ванцин, только что вступил в партизанский отряд.

В то время в Ванцинском партизанском отряде не хватало оружия. Было много вступивших, немало было и желающих вступить в ряды партизан. Но проблема упиралась в то, что не все могли получить оружие. Ну что ж, не имеющим винтовок пришлось, как было показано в художественном фильме «Пятеро братьев-партизан», ходить с мечами на поясе или с копьем на плече.

О Чун Хыб тоже первое время ходил, заткнув за пояс откованный в кузнице меч.

В Ванцинском партизанском отряде бойцов без оружия всегда ставили в самом конце строя.

О Чун Хыб каждый раз, когда наставала его очередь стоять на часах, выходил на пост, одолжив винтовку у других бойцов. Однако он ничуть не стеснялся этого. Несколько месяцев О Чун Хыб так и ходил лишь с мечом, и некоторые товарищи при встрече с ним постоянно поддразнивали его.

Однажды я с серьезным видом спросил О Чун Хыба: «Товарищ Чун Хыб! Ты всегда с мечом таскаешься позади других. Не досадно ли это тебе?» А он ответил: «Я и этот меч считаю большим достоянием. Как же всем дается оружие? Винтовка когда-нибудь появится и у меня, если будет бой».

Говорил он спокойно и с достоинством. Но наверняка

у него кошки на душе скребли от того, что приходится тащиться сзади всех с мечом и самодельной ручной гранатой на поясе, когда другие ходят с винтовкой. Однако он не выказывал никакого смущения и невозмутимо ходил с мечом на поясе.

Мы организовали бой, чтобы раздобыть винтовки для тех партизан, которые ходили с пикой или мечом. Иного способа приобрести оружие у нас не было: надо было сражаться. Таким образом и был проведен налет на стройку железной дороги, ведущей из Тумыня через Саньчакоу в Муданьцзян.

В этом бою О Чун Хыб захватил несколько винтовок и даже пистолет, который принадлежал вражескому офицеру.

Кому вручать захваченное в качестве трофеев оружие – это решалось на собрании при подведении итогов боя. Мы установили такой принцип: оружие в первую очередь вручать тем бойцам, которые проявили в бою отвагу и образцово соблюдали дисциплину.

На собрании для подведения боевых итогов налета на стройку железной дороги присутствовал и я. Именно на том собрании, наконец, О Чун Хыб получил винтовку.

Впоследствии О Чун Хыб круто поднимался по служебной лестнице, становясь последовательно командиром отделения, командиром взвода и командиром роты. Наконец, он возглавил полк. Можно сказать, он был образцом командира революционной армии.

Кроме того, у него было немало и других достоинств.

О Чун Хыб слыл тихим человеком, но в повседневной жизни был веселым, настроенным оптимистически и общительным, обладал огромной тягой к учебе. Он не

занимался пустой болтовней, всегда вел себя достойно, принимал любые критические замечания товарищей и искренне исправлял допущенные ошибки. Он аккуратно и рачительно вел хозяйство своего отряда, как никто другой проявлял высокий дух опоры на собственные силы и самоотверженной борьбы с трудностями.

Не будет преувеличением, если скажу, что возмужание О Чун Хыба как бойца КНРА было одновременно и возмужанием 7-го полка.

Предшественником 7-го полка был отдельный полк, сформированный из рот, набранных по одной в каждом из уездов Восточной Маньчжурии – Ванцин, Яньцзи, Хэлун и так далее.

От уезда Ванцин в отдельный полк была включена 7-я рота. Ванцинская 7-я рота была отделившейся от 1-й роты Ванцина, после включения в отдельный полк она стала 2-й ротой. В этой 2-й роте отдельного полка О Чун Хыб служил в качестве молодежного работника.

В 1935 году отдельный полк стал 2-м полком отдельной 1-й дивизии, а затем, после совещания в Наньхутоу, при формировании главной дивизии КНРА стал 7-м полком этой дивизии, ее ведущим отрядом.

Всю эту историю 7-го полка, весь процесс таких перемен переживали О Чун Хыб, О Бэк Рён и Кан Чын Рён, они последовательно развивались вместе с ним и выросли соответственно в комполка, комроты и комвзвода.

7-й полк состоял в основном из корейцев. Подобно тому, как с ванцинской поры мы систематически воспитывали О Чун Хыба, так же сосредоточивали внимание и силы на 7-м полку, руководили им больше других единиц, сделали его самым боевым и образцовым

полком в новой дивизии. Мы прежде всего из хороших людей выбрали руководящих работников полка, включая комвзвода, политруков и комроты; с учетом перспективы на будущее надежно готовили их в идейно-политическом и военно-техническом отношении. Мы обучили командный состав полка всему, не говоря уж о всех наставлениях о партизанских боях. Обучали командиров способам остановки на привал, приготовления пищи, организации похода, определения на местности, даже подготовке импровизированной сцены, составлению репертуара выступлений художественной самодеятельности и текстов для конферансье.

Ставка Командования КНРА и руководящие кадры дивизии приложили много усилий, чтобы сделать 7-й полк образцовым. Они часто направлялись в полк, где просвещали командиров в военно-политическом отношении и своевременно решали трудные вопросы. В ходе этого 7-й полк стал образцовым, стал и гордостью главных сил КНРА.

Многих из прошедших закалку в 7-м полку товарищей мы назначали командирами в другие подразделения. И Вэй Чжэнминь, когда обращался к нам с просьбой прислать ему военно-политические кадры, просил присыпать как можно больше командиров из 7-го полка. Закаленные в 7-м полку командиры, прибыв в другие отряды, сами подготавливали там многих командиров и образцовых бойцов. Действительно, 7-й полк служил настоящей кузницей военно-политических кадров, выражаясь образно, был «рассадником лучших семян». И комендантская рота, которой командовал, точно не помню, Ли Дон Хак или Пак Су Ман, впоследствии стала

образцовой. В той роте многие были выходцами из 7-го полка.

В революционной армии не было постоянных учебных заведений для подготовки военно-политических кадров. Поэтому мы систематически готовили их в 7-м полку и постоянно направляли в другие отряды. Таким образом удовлетворялись потребности в кадрах. Это еще один хороший опыт, приобретенный нами в дни антияпонской революции. Традиционный метод работы нашей партии, заключающийся в том, чтобы создать пример в одном звене и распространить его по всей стране, – исходит, как видите, из практики антияпонской революции.

Среди военно-политических кадров КНРА было очень много командиров, вышедших из 7-го полка. В их числе – О Чун Хыб, Ким Чу Хён, Ли Дон Хак, Ли Дон Гор, О Бэк Рён, Ким Тхэк Хван, Чвэ Иль Хён, О Иль Нам, Сон Тхэ Чхун, Кан Хын Сок, Кан Чын Рён. Среди политруков рот 7-го полка был человек по прозвищу «печальник». Кажется, его фамилия была Чвэ. Имени не могу вспомнить. Его называли так потому, что у него веки всегда казались влажными. Он хорошо воевал, а затем погиб вместе с Ким Сан Хо в бою в Сяотанхэ.

Чвэ Иль Хёна намечали назначить командиром при организации Северокорейского антияпонского народного партизанского отряда. Комроты Ким Тхэк Хван тоже был толковым человеком.

Мне кажется, что при стальном командире и подчиненные становятся стальными. Комроты, как правило, берет пример с комполка, становится похож на него, комвзвода – с комроты, а бойцы стремятся походить на командира взвода или отделения. Люди невольно

подражают своим командирам также в нравственности и характере. Одним словом можно сказать, что 7-й полк стал стальным полком вследствие того, что его бойцы и командиры стремились брать пример с О Чун Хыба.

Командиры и бойцы других отрядов очень завидовали 7-му полку О Чун Хыба.

В пору пребывания в Пэкгусанской опорной базе комдив Цао Гоань из 1-го корпуса, пожив некоторое время вместе с нашей частью, попросил выбрать ему одного толкового бойца – хорошего пулеметчика. Цао Гоань позарился именно на прославленного комвзвода и пулеметчика из 7-го полка Кан Чын Рёна. Он был мужем Пак Рок Гым.

Я спросил Кан Чын Рёна, не желает ли он перевестись во 2-ю дивизию 1-го корпуса. Тот сразу же наотрез отказался. Вначале я подумал, что он так поступает, не желая расставаться с Пак Рок Гым. Но оказалось, что главное не в этом. Он сказал, что разлуку с женой он сможет вытерпеть, но не желает расставаться с Полководцем, к тому же ему жаль уходить из 7-го полка, которым командует О Чун Хыб. Он полюбил О Чун Хыба всем сердцем. О Чун Хыб и Кан Чын Рён были закадычными друзьями еще с ванцинской поры, а со времени создания ванцинской 1-й роты служили всегда вместе.

Когда О Бэк Рёну пришлось пойти пулеметчиком в 8-й полк, он тоже сначала отказывался уйти из 7-го полка, которым командовал О Чун Хыб.

Уже из этих двух фактов можно понять, сколь высоким авторитетом среди бойцов пользовался О Чун Хыб. Любовь к своему полку и сплоченность бойцов 7-го полка были поразительными.

Мы направляли в 7-й полк для закалки и тех, кто допустил ошибку или был слабо подготовлен в военно-политическом отношении.

В 1938 году в одном тайном лагере, расположенному под Синьтайцзы уезда Линьцзян, провинился один человек, ответственный за пулеметный взвод. Его практические способности оказались слабыми. Поэтому мы временно направили его в 4-ю роту 7-го полка.

Посылая к О Чун Хыбу того командира пулеметного взвода, я сказал ему: «Если начальник не умеет быть ответственным за жизнь своих подчиненных, то он уже не достоин своей должности. Лишь тот, кто всеми фибрами души чувствует, что из-за него могут пострадать многие бойцы, достоин исполнять обязанности начальника. Так что тебе хорошо бы направиться в 7-й полк, чтобы побольше подучиться и закалиться».

Послужив некоторое время в 7-м полку, тот партизан при помощи О Чун Хыба стал совсем другим человеком и смог вернуться на свою прежнюю должность.

Из всех частей КНРА 7-й полк был самым боеспособным. Поэтому Командование наиболее срочные, ответственные задания поручило обязательно ему. Эта часть была главной ударной силой КНРА.

Во время похода или на привале я всегда ставил в арьергард 7-й полк, обладавшийней боеспособностью и ответственностью за порученное дело. В партизанской жизни, сопряженной с постоянными преследованиями и неожиданными налетами со стороны врагов, арьергард имел очень важное значение.

Каждый раз, когда мы располагались на ночевку, всегда оставляли в арьергарде один отряд, обладающий

высокой боеспособностью, на расстоянии 300 – 500 метров от Командования в том направлении, откуда мы пришли. Иногда расстояние от Командования до арьергарда составляло почти 1 – 2 километра, и на этой дистанции мы с определенным интервалом расставляли еще часовых или наблюдателей.

По собственному опыту мы знали, что противник, нацеленный на карательные операции против Народно-революционной армии, почти не применял метод нападения с фронта и из засады. В большинстве случаев враги вели преследование сзади, ухватившись за хвост партизан. Вот поэтому-то мы и ставили в арьергард самый боеспособный отряд.

Так и весной 1939 года, выступив в район Мусана, на стоянке Чхонбон мы поставили в арьергард 7-й полк. Бойцы этого полка не могли даже развести ночью костер, чтобы их не обнаружил противник. Однако они не жаловались на трудности и усталость.

Уже давно я говорил, что в Народной Армии надо ставить в пример таких, как О Чун Хыб. Смысл моего совета – учиться у О Чун Хыба.

Товарищ Ким Чен Ир еще в начале 1960-х годов подчеркивал, что Народная Армия должна следовать примеру 7-го полка.

Он с детства хорошо знал, каким командиром был О Чун Хыб и что представлял собой 7-й полк.

Так чему же должны учиться у О Чун Хыба и какой пример брать с 7-го полка руководящие работники, рядовые члены партии, воины Народной Армии?

Достоинства О Чун Хыба можно характеризовать по разным признакам, но самым главным из них я считаю

его беззаветную преданность революции.

В чем она выражалась? Ярче всего – в преданности своему Командующему.

О Чун Хыб прежде всего был верен нашим идеям и линии. Наши идеи и линию, в частности, те, которые связаны с коммунистическим и национально-освободительным движением в Корее, он всегда воспринимал как справедливые и глубоко изучал их. В любое время, в любой ситуации он беспрекословно отстаивал идеи своего Командующего, а с проявлениями, противоречащими этим идеям, он сражался яростно – буквально как тигр.

Идеи и военно-оперативные установки Командующего О Чун Хыб считал законом, воспринимал их как наивысшее веление. На О Чун Хыба не могли оказать никакого влияния разного рода неблагонадежные идеики. До такого человека подобные идеики попросту не доходят. Человек честный и чистый в идейном отношении не застрянет на помойке.

Комполка был идейно убежденным, и весь 7-й полк дышал одним воздухом со своим Командующим.

Преданность революции у О Чун Хыба выражалась в духе беспрекословного исполнения приказов и распоряжений своего Командующего, в высокой ответственности при их исполнении. Если Командующий давал приказ или распоряжение, то О Чун Хыб исполнял их безоговорочно и на наивысшем уровне, без малейших нарушений. Он ни в коем случае не сетовал и не выражал недовольства, какими бы трудными ни были приказы или распоряжения.

После выполнения задачи, поставленной Командую-

щим, он обязательно докладывал о результатах и, не утаивая ничего, подробно сообщал о недостатках, проявившихся при исполнении приказа или распоряжения.

В отношении О Чун Хыба к приказам и распоряжениям Командующего есть еще один хороший аспект, чему должны следовать наши работники. После выполнения одного задания он тут же просил еще поручить ему новое. О Чун Хыб не любил кружиться на одном месте. Выполнив одно дело, он обязательно брался за другую работу. Если выражаться по-современному, то это был человек, стремящийся к непрерывному прогрессу и постоянному продвижению вперед. То, что 7-й полк по сравнению с другими полками преодолевал особенно много испытаний, связано, таким образом, и с тем обстоятельством, что комполка О Чун Хыб имел большое рвение к работе.

О Чун Хыб был военным командиром особого склада: он больше радовался трудному заданию, нежели получая легкое поручение.

Преданность О Чун Хыба революции, его верность своему Командующему выражалась и в готовности не только идеино-политически, но и грудью защищать Командующего, не страшась смерти. Ради безопасности Командующего О Чун Хыб вместе со своим полком превращался как бы в живой снаряд, не отклонялся от любых жестоких боев.

Когда-то я вместе с ротой Ли Ду вел на Хунтоушане неравный бой с сотнями солдат противника, а О Чун Хыб выполнял боевое задание вдали от меня. В то время он сказал бойцам: «Меня беспокоит опасность, грозящая товарищу Командующему», и совершил молниеносный

налет на стан противника. И как только тыл противника подвергся налету, оставшиеся в живых враги вынуждены были отступить, выйти из поля боя. Тогда он очень помог мне.

И во время боя под Маньцзяном меня, командовавшего отходом отряда, самоотверженно охраняли именно О Чун Хыб и бойцы 7-го полка. Так было и в бою на Даньтоушане. Когда Ставка стала отходить, в ее хвост вцепились сотни врагов. Нас защищал отходящий в арьергарде 7-й полк.

Необыкновенная преданность О Чун Хыба своему Командующему концентрированно проявилась в дни Трудного похода. В первые дни похода О Чун Хыб, применяя тактику действия зигзагами, около 15 дней вел в арьергарде смертельные схватки, защищая Командование.

В ходе Трудного похода мы под Цидаогоу пришли к выводу, что действовать крупными отрядами нам невыгодно, и перешли от коллективных действий к рассредоточенным. Об этом я упоминал, пользуясь многими случаями. Расставшийся тогда с нами О Чун Хыб добровольно замаскировался под Командование и более двух месяцев отвлекал на себя врагов, таская их за собой по крутым горным цепям Лунганшаньского и Чанбайского хребтов. За это время 7-му полку пришлось изрядно помучиться. Но зато Командование могло на некоторое время избавиться от вражеских преследований.

При расставании с нами под Цидаогоу в полку О Чун Хыба не было провианта – ни зернышка. Чтобы достать продовольствие, не следовало идти в удалении от населенных пунктов. Несмотря на это, О Чун Хыб проложил маршрут своего отряда так: Цзяюйхэ, горная цепь Сыдэнфан, западная часть горы Хунтоушань,

северная часть Шуанчатоу и, наконец, Дэшуйгоу. Этот маршрут проходил по не отмеченной на карте «белой зоне», в почти безлюдной местности. Если и было там что-либо, то лишь вроде хижины заготовителей древесного угля. Ступишь раз в эту местность – попадаешь в лабиринт, откуда трудно выбраться живым.

Однако О Чун Хыб готов был претерпевать голод и нарочно выбрал такой трудный маршрут, чтобы отвлечь на себя врагов, наседавших на Командование.

Вначале они питались говядиной или кониной, добытой при налете на лесоразработки, но, углубляясь в глушь лесов, уже не могли нигде достать продуктов. Говорят, что съедобным там был только снег.

Однажды О Чун Хыб узнал, что враги больше уже не преследуют его полк, и обратился к бойцам:

– Не знаю, враги, может быть, догадались, что мы не Ставка. Коль так, то все наши усилия оказываются бессмысленными. Во что бы то ни стало надо возвратиться назад и снова принять на свой хвост противника. Следуйте за мной!

С маузером в руках он вернулся назад по пути в десятки ли, который только что был пройден с громадными трудностями, и напал на стоянку врага. Таким образом он добился своей цели: вновь повел за собой севшего на хвост отряда и снова увлекшегося преследованием врага.

После этого 7-й полк, когда враг не успевал преследовать его, снова возвращался назад и доставлял новую тревогу противнику. Взбудороженный враг вновь послушно следовал за полком, как бычок на веревочке.

Когда полностью кончился провиант, полк все равно продолжал поход. Бойцы утоляли голод отваром воловьей

кожи, брошенной японскими солдатами. Новогодний праздник по лунному календарю О Чун Хыб и его бойцы справили в том году мороженой картошкой. Несмотря на это, комполка, говорят, беспокоился о нас: «Мы в этом лесу кушаем хоть такое, но чем же питается сейчас Командование?»

Во время марша он говорил страдающим от голода и выбивающимся из сил бойцам: «Мы уже 10 лет каждый день испытываем страдания. Но, как говорится, после горя обязательно настанет радость. Представьте себе то время, когда мы, разгромив японских империалистов, вернемся на освобожденную Родину. Какое может быть более плодотворное, более славное дело для тех, кто родился корейцем! Нельзя забывать, что этот суровый поход сегодня – шаг к освобожденной Родине. Так сказал Командующий Ким Ир Сен. Давайте же все вперед – за наше Командование!»

Таким человеком был О Чун Хыб. Он воевал, я бы сказал, с мощным пламенем в сердце. Что это за пламя? Это была страсть к революции. А ядром этой страсти была именно преданность своему Командующему.

Еще раз повторяю вот что: свойственная 7-му полку характерная черта – все его бойцы, все командиры в любое время, в любых сложных обстоятельствах как один думали прежде всего о безопасности Командования. Всю жизнь, все действия 7-го полка отличала та боевая атмосфера, когда бойцы дорожили, как своей жизнью, приказами и распоряжениями Командующего, выполняли их на наивысшем уровне, как никто другой умели чутко предугадывать волю и планы Командования, а поняв их суть, первыми вплотную брались за выполнение

порученного им задания до конца, превращаясь как бы в снаряды, неумолимо стремящиеся к цели.

Прикрыв меня своим телом от вражеской пули, погиб Ли Гвон Хэн. Он тоже был выходцем из 7-го полка. О Иль Нам, Сон Тхэ Чхун и Ким Хёк Чхор, отдавшие свои жизни при выполнении приказов и распоряжений Командования, тоже были выходцами из 7-го полка.

И О Чун Хыб, и Чвэ Иль Хён, и Кан Хын Сок все отдали делу защиты Командования и, к сожалению, погибли в бою в Люкэсуне. Вот почему, когда я вспоминаю об этом бое, у меня становится тяжело на душе. Разумеется, сам бой мы закончили тогда великолепно. Однако в нем мы потеряли троих дорогих командиров.

В тот день в 10 часов вечера О Чун Хыб, ведя за собой 7-й полк и подразделение Хван Чон Хэ, впереди других ворвался во вражескую казарму в Люкэсуне. Они в том бою были главными атакующими силами. Почему-то я в тот день не мог, как обычно, сказать О Чун Хыбу, чтобы он берег себя. Конечно, он был не таков, чтобы мои слова заставили его прятаться от пуль. Чем суровей и трудней была обстановка, тем тверже он как командир шел впереди бойцов.

Выслав 7-й полк и подразделение Хван Чон Хэ, я тотчас же двинул следом 8-й полк. 8-й полк получил задание провести политическую работу среди рабочих лесоразработок и наряду с этим, открыв военные склады противника, захватить продовольствие и военные припасы.

О Чун Хыб во главе группы штурмовиков незаметно проник через деревянную ограду и, разрезав колючую проволоку, бросил бойцам клич: «В атаку!» 7-й полк,

не дав противнику опомниться, молниеносно занял форты и казармы. Ошалевший от неожиданного натиска противник укрывался в потайных подземных ходах, выкопанных под казармами, но О Чун Хыб приказал немедленно поджечь входы в подземелье. Заклубился дым, и враги не выдержали, стали выползать наружу.

Победа наших бойцов становилась все очевидней. Но тут партизаны получили неожиданный удар. Укрывшиеся в подземелье враги нанесли тяжелое ранение комполка О Чун Хыбу, командовавшему поисковой операцией. Был ранен и ординарец Ким Чхоль Ман. Из-за бешеного сопротивления недобитого противника погибли талантливые командиры 7-го полка Чвэ Иль Хён и Кан Хын Сок. К большому огорчению, рана О Чун Хыба также оказалась смертельной. Вот так ушел от нас огненный человек, не щадивший собственной жизни во имя революции, доблестно прошедший ее суровый путь.

В дни антияпонской вооруженной борьбы я постоянно серьезно внушал нашим товарищам, что в каждом бою нужно быть особенно внимательными на последней, заключительной стадии, потому что несчастные случаи часто бывали в последней фазе боя. И в бою в Люкэсуне мы в заключительные последние пять его минут потеряли троих дорогих боевых соратников.

Кажется, тогда О Чун Хыб уже немного витал в романтических облаках. Исход боя был предрешен в нашу пользу, да и враги, задыхавшиеся от дыма горящей ваты, стали выбираться из подземелья с поднятыми вверх руками. Так что его, по-видимому, подвела поспешная самоуспокоенность.

Вообще-то О Чун Хыб никогда не ошибался. Он не

только жил чисто, но и воевал красиво. И бдительность у него была выше, чем у других командиров. Мне так и осталось непонятно, почему он в тот день не додумался, что прямо под ногами могут оставаться еще не сдавшиеся враги. С самого начала разведчики не смогли подробно разведать данные о внутреннем устройстве вражеских казарм. И это было очень обидно: если бы хорошо разведали, то не произошло бы такого несчастного случая. Когда раненый Ким Чхоль Ман появился передо мной и, горько рыдая, передал мне трагическую весть о гибели О Чун Хыба, я не поверил своим ушам.

Но когда это подтвердилось, то я был вне себя от горя и ярости и, крича: «Где убийца О Чун Хыба, не прошу убивших его!», побежал в сторону вражеской казармы.

Я при любых муках привык сдерживать себя перед бойцами, но в тот день, действительно, тормоза у меня отказали. Ведь это был столь любимый нами О Чун Хыб! И поныне при воспоминании об этой утрате у меня дрожит сердце. В тот день мы уничтожили много врагов и захватили множество трофеев, но мне все было немило. Наверное, никогда наши бойцы не испытывали такую гнетущую боль в душе, как в то время.

Когда был отдан приказ об отходе, наши товарищи покинули Люкэсун, унося на плечах тела погибших соратников. Сотни бойцов шагали, роняя горькие слезы, не слышно было их голосов.

Мы с огромной печалью провели траурную церемонию. Я выступил перед бойцами, чтобы произнести надгробное слово, но меня душили слезы, и я не смог как следует говорить. Как в прошлом, так и поныне я никогда не ронял слез перед трудностями, но при печали

плакал горше других.

Бой в Люкэсуне имел большое значение. Он привел в хаос 2-ю стадию карательной операции противника, а наша армия приобрела возможность победно завершить первый этап обходного маневра крупными отрядами. В то время, когда противник сосредоточил значительные силы в бассейне реки Туман, на северо-востоке от горы Пэкту, мы произвели громкие выстрелы в захолустье Дуньхуа. Это ввергло врага в панику.

В Люкэсуне необычайно храбро сражался, конечно, 7-й полк как опора главных сил КНРА. 7-й полк достоин называться «стальным отрядом», не имеющим себе равных. Полк был готов сражаться «один против ста» в схватках с врагом. Заслуга при этом, надо отметить, принадлежит всецело его командиру О Чун Хыбу. 7-й полк стал столь мощной боевой силой потому, что О Чун Хыб был преданным человеком и талантливым военачальником.

Подобно тому, что я не могу забыть Ким Хёка и Чха Гван Су, так же не могу забыть и О Чун Хыба. О Чун Хыб был для меня не только соратником по революции, боевым товарищем, но и спасителем моей жизни.

Полк О Чун Хыба был, образно говоря, пуленепробиваемой стеной, неприступной крепостью, надежно защищавшей Командование КНРА от беспрерывных атак и провокаций врага.

После его гибели мы еще больше дорожили бойцами, любили их. Мы воспитывали их так, чтобы каждый из них при вступлении в бой, максимально расширив свой обзор, заблаговременно думал о возможных потерях и вел себя обдуманно, серьезно. Однако потерю О Чун

Хыба нельзя было возместить ничем.

Люди часто говорят, что прекрасным революционером его вырастили мы. Но не следует только этим ограничиваться.

На примере О Чун Хыба нам необходимо глубоко подумать о воспитании всех членов семьи в революционном духе.

В прошлом по всему Цзяньдао, включая и Ванцин, слыла наиболее патриотической, революционной семьей именно семья О Тхэ Хи. Из его рода почти все люди приняли участие в революции против японских империалистов. Из них около 20 человек погибло, действуя подпольщиками или бойцами Народно-революционной армии. Вполне можно понять, сколь глубоки в этой семье чувства патриотизма и преданности Родине.

Я думаю, что главная причина того, что О Чун Хыб мог быть таким стойким и решительным революционным борцом, кроется в том, что он с ранней поры получил от взрослых в своей семье хорошее воспитание.

В основе того, что многие молодые люди из рода О выросли прекрасными революционерами, лежат титанические усилия четверых братьев старшего поколения – О Тхэ Хи, О Сон Хи, О Чхан Хи и О Чон Хи, которые направили детей по правильному жизненному пути.

В роду О воспитанию детей придавали важнейшее значение. В этом роду хорошо вели моральное воспитание. Именно оно и стало прочной основой для патриотического, антияпонского и революционного воспитания. Члены семейств рода О жили трудно, но придавали большое значение образованию детей, прилагали особые усилия, чтобы их дети могли учиться в школе.

В роду О насчитывалось более десяти выпускников средней школы, и все они вступили не на путь карьеры, чиновничества, а на путь революции. В этом большую роль сыграл О Чун Хва.

Он старательно вел воспитание членов своей семьи в революционном духе. Уже в то время, когда мы, закончив походы в Южную и Северную Маньчжурию, пришли в Ванцин, вся молодежь, все мужчины и женщины этого рода включились в работу революционных организаций.

Семья О Чун Хыба была самой бедной в роду О. И самой быстрой была революционная закалка ее членов. О Чун Хыб сначала закалил по-революционному самого себя, затем – своих младших братьев, а под конец – и всю семью.

О Чун Хыб и двое его братьев погибли, будучи военно-политическими работниками полка или батальона.

Летом 1941 года я действовал вместе с небольшим отрядом в районе Лоцзыгоу и имел связи с О Чхан Хи – отцом О Чун Хыба, с Пак Док Симом – отцом Пак Гиль Сона. К тому времени семья О жила в Лоцзыгоу. Дом семьи О просматривался в бинокль с горы – хорошо было видно, как члены этой семьи проходят через калитку, неся на чиге за спиной полную вязанку дров. Люди из семьи О и после переселения в Лоцзыгоу жили так, как и подобает семье воина революционной армии.

Я в то время через Ким Ира образовал подпольную организацию из проживающих в районе Лоцзыгоу семей бойцов революционной армии во главе со старыми О Чхан Хи и Пак Док Симом.

В период действия небольшими группами мы, выступив на северо-восток от горы Пэкту, получили

большую помошь от старого О Чхан Хи. При его содействии мы переправились в район Кёнвона (Сэпёр) и создали там революционные организации.

Таким образом, род О – поистине революционный, достойный описания в исторических книгах.

Я и сейчас порою думаю: как хорошо, если бы был жив О Чун Хыб! Если бы он был жив, то в нашей стране родилось бы огромное множество 7-х полков!

Сейчас товарищ Ким Чен Ир руководит движением в Народной Армии под девизом: «Учиться у О Чун Хыба!» Это очень похвальное дело.

В прошлом рядом со мной было много верных людей, таких, как О Чун Хыб. Надо растить больше верных людей, подобных О Чун Хыбу, и ставить их рядом с товарищем Ким Чен Иром.

Товарищ Ким Чен Ир – будущее Кореи, судьба корейской революции. Чтобы навеки процветала наша Родина, чтобы победоносно продвигался вперед социализм нашей страны, товарищ Ким Чен Ир должен быть здоровым, вся партия и вся армия должны верно поддерживать его руководство. Все наши работники должны быть готовыми из поколения в поколение твердо продолжать до победного конца дело корейской революции, начатое в тайге Пэкту, горячо поддерживая товарища Ким Чен Ира как мозг революции, беспрерывно добиваться блестящих успехов на всех фронтах социалистического строительства, грудью защищать Верховную Ставку корейской революции – ЦК партии и товарища Ким Чен Ира, подобно тому, как полк О Чун Хыба защищал свое Командование.

8. «С оружием в руках защитим Советский Союз!»

Советский Союз был идеалом для человечества, стремящегося к социализму и социальному прогрессу. В Стране Советов впервые на земном шаре восторжествовала народная власть, отстаивающая интересы рабочих и крестьян, и ликвидирована эксплуатация человека человеком.

В прошлом коммунисты, революционные народы всего мира оказывали бескорыстную помощь Советскому Союзу, защищая эти свои идеалы. Государственный красный флаг СССР с изображением серпа и молота пропитан алоей кровью героического советского народа, а также и бойцов-интернационалистов из разных стран мира.

Всякий раз, когда над СССР нависала военная угроза, бойцы КНРА, высоко подняв лозунг: «С оружием в руках защитим Советский Союз!», наносили мощный удар по тылам японских империалистов. В операциях по срыву наступлений японской армии против СССР погибло немало бойцов КНРА.

Товарищ Ким Ир Сен вспоминал, как они с оружием в руках защищали Советский Союз.

Коммунисты должны правильно понять взаимоотношения национальной и мировой революции. В прошлом одни говорили: то, что коммунисты обращают внимание на свою национальную революцию, противоречит марксистским принципам. Другие же утверждали: то, что корейские патриоты говорят о

революционном процессе в СССР и мировой революции до достижения независимости своей Родины, означает измену интересам нации. Лево- и правоуклонистское понимание взаимоотношений национальной и мировой революции одно время порождало в революционном движении нашей страны немало идейных шатаний и конфликтов.

Например, когда мы в дни антияпонской вооруженной борьбы провозгласили лозунг: «С оружием в руках защитим Советский Союз!», – некоторые возражали против этого. Это, по их мнению, давало бы националистам повод для клеветы на коммунистов. Японские империалисты и их прислужники всячески старались внушить нам мысль: не быть «жертвой во имя СССР», не «принести себя в жертву на алтарь Сталина».

Когда мы говорили о необходимости помочь СССР ценой крови, те, кто не понимал истинного смысла интернационализма, считали это напрасной жертвой.

Конечно, мы трудно вели национальную революцию. Но вместе с тем, высоко подняв лозунг: «С оружием в руках защитим Советский Союз!», мы своей кровью помогали советским людям в их борьбе. Этого требовала от нас прежде всего сложившаяся в то время ситуация. В ту пору СССР находился в состоянии полной изоляции, то есть в окружении империализма.

Именно в такое время коммунистам нужно было с оружием в руках защищать СССР. Это нужно было и ради интересов самой революции. Такие действия являлись справедливыми также с точки зрения морального долга. Поэтому с первых дней антияпонской вооруженной борьбы мы, высоко подняв знамя пролетарского

интернационализма, поддерживали Советский Союз и активно защищали его.

Борьба в поддержку и защиту СССР велась не только в 1930-е, но и в 1920-е годы.

Так, Хон Бом До вначале не был коммунистом, но и не выступал против коммунистического движения. Свою патриотическую деятельность он начал с национального движения, но не замкнулся в его рамках, не абсолютизовал его.

После Первомартовского народного восстания немало корейцев, участвовавших в движении за независимость, переехали в Советскую Россию и там включились в боевую деятельность. В годы гражданской войны они пролили немало крови. Защищая советскую власть, они сражались в Красной Армии и в дальневосточных партизанских отрядах. В те дни Хон Бом До совершил немало подвигов и поэтому даже смог встретиться с Лениным.

И в начале 1920-х годов японские империалисты, оказывая помощь белогвардейским бандам, не прекращали вооруженной интервенции на Дальнем Востоке России. В то время организация компартии этого района обратилась за помощью к Хон Бом До, который действовал в Приморье. Тогда некоторые лица из верхушки Армии независимости говорили: «Это совсем дурацкое дело. Ведь корейцы еще не успели потушить пламя даже под собственными ногами. Видано ли это, чтобы проливать кровь ради других!» Однако Хон Бом До своей кровью помогал Красной Армии. Он заявил: «Войска, которые бьют япошек, – все свои».

Самым известным из боев, которым командовал Хон

Бом До, было сражение в Имане (ныне Дальнереченск – ред.), находящемся на берегу реки Уссури. В том бою бойцы Армии независимости воевали так здорово, что позже, говорят, солдаты японской армии и белогвардейцы, лишь услышав команду на корейском языке, трепетали от страха и обращались в бегство.

Советские люди уже давно установили памятник павшим в бою в Имане.

Лишь на одном этом факте можно убедиться, какую длительную историю имеют узы совместной борьбы корейского и советского народов.

Хон Бом До говорил своим подчиненным: «СССР – это первый в мире Союз Республик неимущих. Поэтому мы должны и помогать ему, и получать от него поддержку. Эта страна сейчас в одиночестве. Сколько у нее трудностей! Давайте поможем ей хорошенько». Видите, насколько глубже он мыслил, нежели те, кто лишь бахвалился своей грамотностью!

Квантунская армия непосредственно противостояла Красной Армии в районе советско-маньчжурской границы. Ее наглые действия убедительно свидетельствовали о том, что империалисты отчаянно пытались в те дни удушить СССР. Так, в период с 1932 по 1939 год самураи спровоцировали около 1000 больших и малых пограничных конфликтов, в том числе широко известные инциденты у озера Хасан и на Халхин-Голе. Это значит, что военные провокации совершались каждые несколько дней. Не проходило дня, чтобы не клубился пороховой дымок на советско-маньчжурской границе.

Вражда между СССР и Японией имеет глубокие исторические корни. Всем известно, что в 1904 – 1905

годы между Россией и Японией была война, в результате которой Россия была вынуждена уступить Японии немало концессий и территорий.

После Октябрьской революции империалистические державы осуществили вооруженную интервенцию против молодой Советской Республики. Японские империалисты алчно кинулись на длеж российского пирога. Они направили свои войска в Сибирь и своей интервенцией открыто поддерживали белогвардейские банды.

Известно, что японская армия была самой жестокой, самой варварской из армий империалистических держав, участвовавших в борьбе против Советской России. В то время земля Приморья была обильно обагрена кровью людей, павших от рук японских агрессоров. Именно в то время японские вояки арестовали партизанского командира Лазо и бросили его в топку паровоза. И после того, как армии США, Англии и Франции, совершившие совместную интервенцию, отступили под натиском Красной Армии, Япония продолжала наращивать свои войска и цепко держалась за оккупированные земли. После былых военных побед над Цинским Китаем и Россией японских империалистов охватила мания величия. Они возомнили себя всемогущими. Они полагали, что, мол, нет таких стран, которые Япония не смогла бы покорить, и не может быть таких войск, которые японская армия не смогла бы победить. И каждый раз, когда возникали серьезные споры на международной арене, Япония обязательно совала туда свой хищный нос, рассчитывая захапать солидную долю при длеже награбленных империалистами земель и имущества.

Противоборство между СССР и Японией, можно сказать, по-настоящему стало очевидным в связи с развязыванием китайско-японской войны. После того, как Япония спровоцировала инцидент 7 июля, СССР оказывал помощь Китаю. С той поры, можно сказать, еще больше ухудшились советско-японские отношения. СССР, заключивший с Китаем договор о ненападении в августе 1937 года, сам закрыл некоторые из своих консульств в районах, находящихся под контролем Японии, а затем потребовал от нее закрыть некоторые из японских консульств в своей стране. Противоречия между СССР и Японией из года в год все более обострялись.

К тому же в январе 1938 года японские власти задержали совершивший вынужденную посадку на маньчжурской территории советский самолет. Это событие сделало отношения между двумя странами еще более напряженными. Было нетрудно предположить, что противоборство, противоречия между ними могут перерости в локальную, а то и тотальную войну.

В августе 1936 года на «совещании пяти министров» японские империалисты провозгласили агрессию против СССР составной частью политики своего государства. Там же был утвержден конкретный план агрессивной войны против СССР. В нем подчеркивалась необходимость дальнейшего наращивания японских вооруженных сил в Маньчжурии и Корее, чтобы уже в самом начале войны они одним ударом могли уничтожить вооруженные силы Советского Союза на Дальнем Востоке. Если гитлеровская Германия накануне второй мировой войны составила план операции против СССР под названием «Барбаросса», то японская военщина еще

раньше разработала свой план операции против СССР – «Оц». В своих алчных притязаниях на земли Советского Союза Япония шла на шаг впереди Германии.

В «Наставлениях по решению маньчжурско-советских пограничных конфликтов» командующий Квантунской армией Уэда указывал, что в той зоне, где не ясна линия государственной границы, командующий войсками на месте может определить ее по своему усмотрению. При возникновении столкновения он должен безоговорочно обеспечить победу, независимо от численности вооруженных сил, не придерживаясь пограничной линии.

Из-за безрассудных провокаций японских войск, вызывавших конфликты на государственной границе, СССР постоянно находился в такой критической ситуации, что в любое время мог быть втянут в тотальную войну.

Мы не могли не возмущаться разбойничими провокационными акциями японской армии против Страны Советов. Наша решимость с оружием в руках поддерживать СССР была проявлением вполне естественного чувства товарищества со стороны корейских коммунистов, которые каждодневно вели кровопролитные бои с частями Квантунской армии.

Для нас, борцов, стремящихся к социализму, Советский Союз, где была установлена власть рабочих и крестьян, являлся идеалом в подлинном смысле этого слова. Удивительным был уже сам факт, что на Земле существует такое общество, в котором уничтожена свора паразитов – угнетателей народа, эксплуататоров. Вот почему мы были полны решимости защищать, охранять СССР, даже если нам придется проливать свою кровь.

Японские империалисты неустанно проводили

политику сеяния раздора между корейским и советским народами – точно так же, как это они делали в отношении народов Кореи и Китая. Одно время они даже создали так называемую пограничную наблюдательную роту в основном из прояпонски настроенных молодых корейцев – уроженцев Хуньчуна и специально разместили ее на советско-маньчжурской границе, чтобы корейцы дрались с советскими людьми. Был даже разыгран фарс вручения бойцам этой роты денежных премий от имени военного министра Маньчжоу-Го.

Кроме того, японские империалисты распространяли слухи о том, будто они подготовили много шпионов из корейцев, проживающих в Цзянъдао, и заслали их в Советский Союз. Все это было направлено на то, чтобы советские люди ненавидели корейцев и чуждались их.

Когда мы действовали в Сяованцинском партизанском районе, товарищи из Хуньчуньского полка говорили, что из-за подобных жульнических трюков японских империалистов, направленных на разжигание раздоров между корейскими и советскими людьми, значительно ухудшились отношения между их полком и советскими пограничниками. Был и такой случай, когда один командир партизанской роты, не зная, что отношение советских людей к корейцам изменилось, хотел было вступить с ними в контакты, как это делалось раньше, и чуть не подвергся задержанию.

Тем более, летом 1938 года ходили слухи о том, что в Японию через Хуньчунь эмигрировал один из высокопоставленных генералов НКВД на Дальнем Востоке.

В середине 1930-х годов осуществлялось коллективное

переселение проживающих на Дальнем Востоке корейцев в районы Средней Азии. Советские люди объясняли, что перемещение людей корейской национальности в Казахстан и Узбекистан – вынужденная мера, необходимая для обеспечения обороны страны. Но корейцев такое объяснение не устраивало.

Услышав весть об этом, я тоже до глубины души испытал горечь народа, лишенного Родины.

Однако в интересах великого дела мы по-прежнему высоко держали знамя защиты СССР.

Мы вели бои и близ советско-маньчжурской границы. Их мы инициативно организовали, чтобы помочь Советскому Союзу, даже ясно понимая, что все они были неблагоприятны для нас с тактической точки зрения.

Тогда мы, конечно, не имели договора с СССР о военном сотрудничестве и не получали каких-либо просьб от советской стороны, как это было у Хон Бом До. Эти военные действия мы совершали сами, по собственному почину. Нами двигали узы товарищества с Советской Страной и ненависть к общему врагу – японскому империализму.

Насколько горячо было стремление и желание наших бойцов защищать Советский Союз и помочь ему, хорошо показывает операция по спасению советского летчика, проведенная зимой 1934 года. Тогда советский самолет в ходе учений упал из-за свирепого ветра на землю Хулиня, в Маньчжурии.

Ведущую роль в этой операции сыграл Пак Гван Сон. В те дни он сотрудничал с антияпонским отрядом китайских националистов – отрядом Юй Яна. Будучи работником пункта связи Антияпонской народной партизанской

армии, он находился в нескольких десятках ли от Хулиня. Советский самолет упал на берег реки Уссури как раз в тот знаменательный день, когда, говорят, в отряд Юй Яна вступили более 50 полных энергии корейских юношей.

Пак Гван Сон, заметив падающий самолет, прибежал в пункт связи и призвал боевых друзей спасти советского пилота. А тут японцы, в свою очередь, ринулись к летчику, надеясь взять его в плен живым.

Партизаны – их было немного – вступили в решительную схватку с противником, насчитывающим более 100 человек. Враги стреляли из пулеметов и орудий малого калибра. В бой включились и бойцы Юй Яна, собирающиеся налететь на вражеский транспортный отряд.

А советский летчик, к сожалению, не умел отличить наших от врагов. Он просто беспомощно стоял у самолета. Пак Гван Сон по-корейски кричал ему: «Не бойся, иди скорее к нам!» Но тот, приняв партизан за врагов, даже стрелял из пистолета.

В этой ситуации Пак Гван Сону помог кореец, который в антияпонском отряде Юй Яна вел работу с китайскими бойцами. Он уверенно крикнул летчику по-русски: «Мы – революционная армия! Быстрее сюда!»

Лишь тогда летчик ползком благополучно добрался до наших бойцов.

Партизаны приложили искренние усилия, чтобы охранять безопасность советского летчика и лечить его травмы. Их забота была поистине трогательной. В то время у партизан иссяк провиант. Не было даже кукурузной похлебки. Чтобы хорошенъко кормить советского летчика, они совершили налет на транспортный отряд противника

и достали продукты. Для него пекли хлеб из пшеничной муки и устроили охоту на кабана, чтобы кормить пилота мясом. В холодные зимние дни они, пробив лунки во льду реки Уссури, ловили рыбу для гостя.

Летчик, который получил сильную контузию и едва избежал позора плена, смог благополучно вернуться на свою Родину под охраной наших партизан.

Этот факт широко использовался в качестве материала для интернационального воспитания в частях Народно-революционной армии.

Летом 1938 года японские империалисты спровоцировали инцидент в районе озера Хасан, что называлось и по-другому – инцидент на Чжангуфэне. Это был одним из самых крупных и циничных пограничных конфликтов, спровоцированных японскими империалистами до того времени.

Чжангуфэн – это небольшая высота на советской земле, что напротив села Сахвэ уезда Унги того времени. Советские люди называли ее Безымянной высотой. Рядом с ней – озеро Хасан. Названия «инцидент в районе озера Хасан» и «инцидент на Чжангуфэне» различаются только национальными географическими терминами.

Японские империалисты начали с утверждения, что озеро Хасан относится к их территории. Когда их притязания были отвергнуты, они напали на погранзаставу на высоте Безымянной, расположенной на советской земле. Их гнусная цель состояла в том, чтобы после захвата этой сопки большими вооруженными силами оседлать район Приморья южнее Владивостока.

Заняв позиции на советской стороне, японская военщина сосредоточила в этом районе огромный

контингент войск, ядро которых составляла ранамская 19-я дивизия. Советская сторона, мобилизовав крупные силы, дала должный отпор японским захватчикам, вторгшимся на землю СССР. Советские воины смели их с лица родной земли.

Когда возник инцидент у озера Хасан, мы, действуя в районе Линьцзяна, ударили в тыл врага.

При каждой военной провокации против СССР или Китая японская военщина всегда обостряла внимание к деятельности Народно-революционной армии, наносящей удары по ее тылам. Антияпонская партизанская армия стала не заживающей язвой на теле японского режима. Японцы оказались не в силах уничтожить ее. Это стало постоянной и острой головной болью, тяжелой гирей на ногах для политических и военных кругов Японии.

На совещании военно-политических кадров в уезде Линьцзян мы выдвинули курс – смелее наносить удары в спину врага для вооруженной защиты СССР. Все командиры и бойцы Народно-революционной армии активно поддержали этот курс и претворяли его в жизнь. Народ присоединялся к борьбе революционной армии.

В унисон с военными операциями КНРА против провокационного нападения японских империалистов на Советский Союз патриотически настроенные люди внутри Кореи активизировали сопротивление захватчикам.

Следующая публикация подтверждает это.

«Материалы, опубликованные в документе «Состояние общественной безопасности Кореи в последнее время», выпущенном полицейским департаментом генерал-губернаторства Японии, сообщают, что в знак протesta против вторжения японских империали-

стов в Хасан ночью 2 августа более 150 докеров на пристани порта Чхончжин отказались от работы и многие из забастовщиков вступили в партизанский отряд» («Корейский народ в борьбе за независимость и демократию», издательство Академии наук СССР).

После инцидента у озера Хасан между СССР и Японией было заключено соглашение о перемирии. В связи с этим инцидентом позиция СССР по отношению к Японии стала очень жесткой.

Агрессивные заправилы военного ведомства Японии были подавлены твердой политикой СССР. Советский Союз вовсе не был той бессильной Россией, какой она была во время русско-японской войны, он был великой державой, обладающей внушительной мощью. Японские империалисты не могли не увидеть эту страну под новым углом зрения. Они были вынуждены серьезно задуматься над своим планом агрессии против Советского Союза, за осуществление которого так настойчиво цеплялись.

Однако они не отказались от агрессивных притязаний в отношении СССР. Чтобы снова проверить твердость политики СССР в отношении Японии, они готовили новую военную провокацию на рубеже маньчжурско-монгольской границы. Так возник инцидент в районе реки Халхин-Гол, который называется также «Номонханским инцидентом». Халхин-Гол – это название монгольской реки близ советско-маньчжурской границы, а Номон-Хан – это монгольское слово, означающее «мир».

Спровоцировав инцидент в районе реки Халхин-Гол, японские империалисты преследовали цель – занять территорию Монголии восточнее реки Халхин-Гол, а затем создать там укрепленный рубеж, чтобы прикрыть

проектируемую к постройке вторую железную дорогу, далее – перекрыть сибирскую железнодорожную магистраль и тем самым отрезать Дальний Восток от России.

Была еще одна цель – конкретно разведать и прощупать, насколько СССР готов к вооруженному нападению Японии, какова советская стратегия в отношении Японии, в каком состоянии военная мощь Советского Союза. К тому времени почти не были известны подробные сведения о советских вооруженных силах. Многое пока оставалось как бы искомым числом.

Между прочим, к тому времени в военных кругах Советского Союза происходили изменения, многие высокопоставленные военачальники были выведены из строя. К этому процессу Япония проявляла большой интерес. Японцам очень хотелось узнать, какое влияние оказали на военную мощь Советского Союза такие изменения в рядах военных руководителей.

Как известно всему миру, в политических и военных кругах Японии давно появились сторонники двух концепций: одни стояли за поход на север, другие – за продвижение к югу, между ними шли горячие споры по стратегическим вопросам: куда обратить в первую очередь острие агрессии – на СССР или на юг.

Военная провокация в районе Халхин-Гола – это была, можно сказать, своего рода экспериментальная война, цель которой – уточнить возможности похода на север.

Район Халхин-Гола – это, как известно, бескрайние песчаные барханы и степи. Инцидент у Халхин-Гола был умышленно спровоцирован японцами под совершенно беспочвенным предлогом, что-де монгольские пограничники нарушили границу. Непосредственным поводом

для развязывания этой локальной войны, говорят, послужило стадо, которое паслось в степи у Халхин-Гола. Знают ли коровы, овцы и другой скот, что такая государственная граница, где для них – запретная зона? Однако под надуманным предлогом, что отара перешла через государственную границу, японские империалисты заставили полицейских Маньчжоу-Го провести обыск и арестовать монгольских пастухов. Пользуясь случаем, они состряпали инцидент в районе Халхин-Гола.

Еще в 1935 году японские империалисты издали фальшивую географическую карту, на которой государственная граница Маньчжоу-Го в их пользу была отодвинута более чем на 20 километров в глубь территории Монголии.

О том, что Япония заранее готовила такую крупную военную провокацию, как инцидент у Халхин-Гола, убедительно свидетельствует и тот факт, что одним из японских военачальников высокого ранга, ответственных за участок главного удара, являлся генерал Комацуbara, бывший военный атташе японского посольства в Москве.

Комацуbara, уже проявивший себя в плетении антисоветских интриг, стал командиром дивизии, дислоцированной в Хайларе, то есть на передовой линии в операциях против Советского Союза. В первые же дни инцидента он бросил свою дивизию в глубь монгольской территории, занял обширную зону западнее Халхин-Гола, превратив ее в плацдарм для дальнейшего наступления японской армии. Монгольских войск там было мало. А советские войска находились в ста километрах от этого района. Именно этим «вакуумом» воспользовался Комацуbara.

Однако советские и монгольские войска, осуществив в тесном взаимодействии наступательную операцию, довели дивизию Комацуbara и другие крупные соединения противника до состояния разгрома.

Японские империалисты, подтянув свежие части из Японии, сформировали крупную армейскую группу для новой операции.

Советская сторона направила на фронт Халхин-Гола Г. К. Жукова, заместителя командующего Белорусским военным округом. Он разгромил превосходившие по численности японские полчища в основном танковыми и воздушными ударами, на основе высокой маневренности и внезапности действий.

В середине сентября того года локальная война на Халхин-Голе завершилась победой советско-монгольских войск. Когда советско-монгольские соединения вели неравные бои в районе реки Халхин-Гол, мы, горя стремлением защищать Советский Союз с оружием в руках, составили и направили во все части КНРА новый приказ о развертывании операций по дезорганизации вражеского тыла. Согласно этому приказу летом того года все части КНРА вели многочисленные бои и тем самым внесли весомый вклад в срыв нападения японских империалистов на Советский Союз.

Можно взять, к примеру, бой в Дацахэ – Дацзянгане, проведенный в августе 1939 года. Это и была операция по дезорганизации вражеского тыла. В то время враги начали лихорадочную передислокацию сил и транспортировку военных материалов для формирования новой, 6-й армии, которую было намечено бросить к Халхин-Голу. Бои шли два дня. Это были крупные бои, в которых было

уничтожено 500 солдат и командиров противника.

В бою в Дашихэ Ким Чин, закрыв своей грудью вражескую амбразуру, открыл отряду путь вперед.

Примеру Ким Чина последовали многие бойцы Народной Армии во время Великой Отечественной освободительной войны.

Ким Чин вступил в партизанский отряд в Бадаохэцзы уезда Нинань во время нашего Второго похода в Северную Маньчжурию. Когда мы прибыли в село Бадаохэцзы, О Чин У привел к нам одного молодого батрака. Это и был Ким Чин. Он так настойчиво просился в революционную армию, что нам пришлось включить его в отряд.

Его хорошо знал О Чин У: он был командиром взвода, в котором служил Ким Чин.

За плечами Ким Чина – всего несколько дней обучения в частной школе содан. После вступления в партизанский отряд этот молодой человек учился с помощью боевых друзей. Одно время я лично обучал его грамоте, бывая вместе с ним. Этот простой парень сделал большой вклад в дело революции и погиб смертью храбрых.

О таких, как Ким Чин, надо больше рассказывать подрастающим поколениям.

Я считаю очень знаменательным тот факт, что герой, закрывший своей грудью огневую точку врага, отличился именно в том бою, который мы вели в поддержку советских войск, сражавшихся на Халхин-Голе.

В этой боевой операции по дезорганизации вражеского тыла погибла также партизанка Хо Сон Сук. Ее не забыть.

Порвав отношения с отцом, начальником отряда самоохраны, Хо Сон Сук, юная, сама в одиночку пришла в партизанский район и вступила в революционную

армию. Насколько мне известно, она очень огорчалась из-за того, что отец возглавлял отряд самоохраны. Сколько раз на дню она умоляла папу снять кепку начальника отряда самоохраны! Но упрямый отец и ухом не вел.

Не сумев уговорить отца, дочь навсегда покинула отчий дом и пришла в Саньдаованьский партизанский район. Это произошло, по-моему, в 1933 году, тогда ей было 16 – 17 лет. О ней я услышал несколько позже.

Что бы ни случилось с ней, я считал необходимым подумать над тем, что она, порвав с родным отцом, враждебно относится к нему.

Позже возник вопрос о создании женской роты. В связи с этим я однажды встретился с Хо Сон Сук. «Ты должна прежде всего изменить свое отношение к отцу, – говорил я ей как можно мягче. – Своего отца, начальника отряда самоохраны, тебе надо терпеливо уговаривать, помогать ему, чтобы он не совершил предательских акций. Относиться к отцу, как врагу, не годится». Она махнула рукой: «Прошу даже не напоминать мне об отце». Я говорю ей: «Даже и в том случае, если он стал прояпонским элементом, тебе нельзя так относиться к отцу, как сейчас. Прежде чем обвинять его, надо подумать, как повернуть его на сторону революции. А ты, объявив о разрыве с отцом, толкаешь его на сторону врага. Скажи, что же будет дальше? Чем поможет революции, скажем, такая непочтительная дочь, которая не умеет перевоспитать даже своего родного отца? Скоро мы хотим создать женскую роту. А если ты не изменишь подхода к отцу, не примем тебя в эту роту».

Хо Сон Сук, чуть не плача, умоляла: «До сих пор я вела себя недостойно. Если будет удобный случай, уговорю

его хорошенько. Прошу только зачислить меня в женскую роту». Позже она, находясь в той роте, воевала на славу, за что боевые друзья называли ее «богатыркой Хо» или просто «богатыркой».

Вечером того дня, когда был бой на Цзяньсаньфэне, я встретился с Чвэ Хёном и предложил ему предоставить Хо Сон Сук свободное время, чтобы она сходила в родной дом. Так я посоветовал для того, чтобы встреча дочи с отцом улучшила отношения между ними. Чвэ Хён сразу согласился со мной. Он обещал обязательно отправить ее к родным, когда отряд будет под Минюегу.

Однако Хо Сон Сук не довелось снова встретиться с отцом. Когда она собиралась идти к нему, как раз шла подготовка к боевым операциям в Дашихэ – Дацзянгане в поддержку советских воинов, сражающихся у Халхин-Гола.

Она сама предложила отложить посещение дома. Говорила: «Будет у нас крупная операция. Будем с оружием в руках защищать Советский Союз. Как же мне отвлекаться на личные дела?»

В тот день, когда шел бой в Дашихэ – Дацзянгане, она возле сторожевой будки встретила автоколонну противника. В тот день на посту стояла не она, а самый старый в отряде бывалый боец. Покушав, она пошла к будке, чтобы помочь пожилому товарищу. В тот момент к посту мчались несколько автомашин с вражескими солдатами. Хо Сон Сук быстро отправила старого бойца на КП – доложить об этом, а сама решила в одиночку остановить врага. Она начала стрелять – и тем дала обнаружить себя противнику. Может, она хотела задержать врага хоть на несколько секунд, хотя бы до того, как ее

обнаружат. Огонь противника сосредоточился на ней.

В партизанку попало несколько пуль, но она успела бросить во врагов все свои гранаты, прежде чем навсегда закрылись ее глаза. Ее геройство позволило отряду в тот день заранее предотвратить возможный урон и вовремя пойти в бой.

Она погибла, когда ей было, пожалуй, 22 или 23 года. Сколько у нее было светлых надежд на будущее! И она целиком отдала их в поддержку Советского Союза и его воинов, сражающихся у Халхин-Гола. Настоящий цветок интернационализма!

В том бою погибли также командир полка Чон Дон Гю и полковой комиссар Рян Хён У. Они были молоды, перед ними открывались широкие горизонты. Оба были уроженцами Хуньчуна. Все бойцы очень любили и уважали их, ибо они обладали высокими человеческими качествами и воинской выучкой, всегда и во всем показали личный пример.

Рян Хён У служил с первых же дней создания Хуньчунского партизанского отряда. Во время боя в Дашихэ – Дацзянгане его часть получила задание – напасть на Дашихэ, затем занять высоту за Сяошихэ и сдерживать там наседающего врага. Однако бой в Дашихэ шел слишком долго, что не позволило ему занять высоту за Сяошихэ. Его опередил противник. От обладания этой высотой зависел исход боя в Дашихэ – Дацзянгане. В этот решающий момент Рян Хён У с пулеметом в руках и пошел впереди всех в атаку. За ним на высоту ринулись бойцы. Когда партизаны почти взяли ее, к несчастью, ему в живот попала вражеская пуля.

Зажав ладонью левой руки рану, а правой стреляя из

пулемета, Рян Хён У поднял бойцов в атаку: «Япошки – заклятые враги нашего корейского народа. Они сейчас нападают на Советский Союз. Громить гадов всех до единого! Защитим кровью Советский Союз!» Бойцы лавиной бросились в атаку и одним махом заняли высоту.

Командир полка Чон Дон Гю, мужавший плечом к плечу с Рян Хён У со времени службы в Хуньчуне, полностью разгромил вражеский отряд, а сам героически погиб.

Все партизаны, павшие в бою в Дашихэ – Дацзянгане, были интернационалистами, преданными делу революции.

И бой в Яоча самоотверженно вели отряды КНРА, чтобы помочь Советскому Союзу. Командовал им недавно назначенный комполка Ли Рён Ун. Только в одном этом бою полк уничтожил сотни врагов. В бою Ли Рён Ун получил сквозное ранение в грудь. Огнестрельная рана, к счастью, зажила. Но через некоторое время он погиб у советско-маньчжурской границы, где он после Сяохаэрбалинского совещания, действуя вместе с малой группой, устанавливал связи с Коминтерном. Деятельность его малой группы тоже носила интернациональный характер.

Во время инцидента у Халхин-Гола Народно-революционная армия провела много операций по дезорганизации вражеского тыла, чтобы помочь Советскому Союзу. Всех их не перечесть. В их числе, например, налет на полицейский отряд, находившийся на прииске в Саньдаогоу уезда Хэлун, нападение на Фуэрхэ уезда Аньту, налет на Байцаогоу уезда Ванцин и другие.

Какой большой головоломкой стали для врагов операции отрядов Народно-революционной армии по

дезорганизации тыла противника, хорошо показывает тот факт, что они начисто срубили деревья и даже скосили траву на 100–200 метров в ширину вдоль всех шоссейных и железных дорог, ведущих к советско-маньчжурской пограничной зоне. Но это не помогло им застраховать себя от налетов и засад отрядов Народно-революционной армии. В результате их смелых действий на этих железных дорогах не прекращались взрывы, воинские эшелоны летели под откос.

Непрерывными ударами по вражескому тылу отряды Народно-революционной армии не только наносили врагу большой урон в живой силе, но и вынуждали его оставлять значительные контингенты войск в районе партизанских действий. Это не позволило ему мобилизовать достаточное количество людских ресурсов на военные провокации против Советского Союза. Так, во время инцидента у озера Хасан враги перебросили две бригады только в район Цзяньдао, чтобы сдерживать наши силы. А во время инцидента у Халхин-Гола, насколько мне известно, они стянули в этот район еще большие силы.

Как видите, в срыве японской агрессии против СССР немаловажную роль сыграли наши удары по вражескому тылу. Все они проводились под лозунгом: «С оружием в руках защитим Советский Союз!»

Когда идет вперед стрелковая цепь, бегущего впереди бойца огнем прикрывают все остальные. Таков элементарный принцип военного дела. В то время Советский Союз был единственным на нашей планете социалистическим государством. И с точки зрения коммунистов он был подобен тому бойцу, который мчится

впереди всех в цепи атакующих. Корейские коммунисты наносили удары в спину Квантунской армии именно для того, чтобы прикрыть Советский Союз, идущий во главе международного коммунистического движения.

Прилагать все усилия для того, чтобы поддерживать и защищать победившую революцию, сохранять и укреплять ее завоевания, – таковы интернациональные задачи, долг и мораль коммунистов. Надо активно поддерживать идущую впереди революцию. Лишь тогда в увязке с ней может успешно продвигаться вперед и революция, идущая вслед за нею. Вот почему международное объединение коммунистов должно быть взаимно помогающим, взаимно поддерживающим и подкрепляющим.

Битва на Халхин-Голе кончилась позорным поражением Квантунской армии. 50 тысяч убитых, раненых, пленных и пропавших без вести – такой оказалась цена авантюры, на которую пошли японские маньяки войны, любители играть с огнем. Насколько мне известно, командиры японской армии, потерявшие всю живую силу своих частей, сами сожгли войсковые знамена и покончили с собой – или их заставило так поступить начальство. Весь состав командования Квантунской армии, в том числе ее командующий Уэда, начальник штаба, начальник оперативного отдела, оперативный офицер и другие, был снят с должностей еще до заключения соглашения о перемирии.

Испив горькую чашу в битве у Халхин-Гола, японские империалисты внесли определенные корректизы в отношения с Советским Союзом: жесткая линия сменилась политикой временного примирения с СССР.

Иные могут задать такие вопросы: «Правильно ли поступали корейские коммунисты, кровью помогая Советскому Союзу и защищая его во время антияпонской войны? Не означает ли сегодняшняя действительность, когда в Советском Союзе провалился социализм и реставрирован капитализм, что интернациональная поддержка корейских коммунистов, оказанная для защиты Советского Союза, была бесполезной?»

Если говорить коротко, то это такие вопросы, о которых даже не стоит рассуждать. Среди нашего народа нет таких, которые поднимали бы их и судили да рядили бы на эту тему. Так могут поступать только те, кто отрекся от веры в социализм.

Мы никогда не относились нигилистически к интернациональной поддержке корейских коммунистов, оказанной ими Советскому Союзу. Развал Советского Союза не может сделать нашу поддержку, оказанную Советскому Союзу в его революционной борьбе, бессмысленной. Чувство долга и усилия, посвященные делу справедливости, как правило, не останутся напрасными.

Мы считаем крушение социализма в Советском Союзе времененным явлением. Социализм есть идеал человечества, есть закономерная стадия исторического развития. Поэтому совершенно очевидно, что его возрождение неизбежно. Социализм – это не дело несправедливое, а дело справедливое. Если социализм есть дело справедливое, то оказанная первым олицетворившему его Советскому Союзу поддержка – тоже справедливая, священная. Она не может быть бессмысленной.

И сейчас мы полны чувств достоинства и гордости

за то, что в прошлом, когда советские люди находились в трудном положении, мы с оружием в руках, проливая свою кровь, оказывали им помощь.

Сейчас даже нет названия государства СССР, нет и ветеранов революции первых лет строительства Советского государства. Ныне на российской земле, наверное, мало и ветеранов войны – участников битвы в районе Халхин-Гола. Более того, думаю, почти нет в живых тех, кто мог бы вспомнить о том, как в те времена мы развернули операции по дезорганизации вражеского тыла в интересах Советского Союза. Пусть никто не вспоминает об этом, но тот костер интернационализма, который мы разжигали всеми силами своей души, горел не бессмысленно.

В прошлом мы, не обращая внимания на то, станем ли мы предметом повышенного внимания или нет, с оружием в руках оказывали Советскому Союзу активную помощь. Это было нужно и Советскому Союзу, и нам самим. Советские люди ответили на интернационализм корейских коммунистов тоже интернационалистическими действиями.

Сейчас во многих странах господствует идеология национального эгоизма. Многими, по-видимому, владеет мысль: «Что станет с другими, это меня не касается. Жить бы мне одному хорошо – и все». Я, собственно, противник не только эгоизма отдельного человека, но и противник эгоизма национального. Если стремишься лишь к собственному благополучию – может ли быть у тебя достойная человека жизнь? У человека, думаю, нет большего счастья, чем оказывать помощь другим.

9. Крушение карательного отряда Маэда

Бой на Хунцихэ прогремел в марте 1940 года. Он, можно сказать, ознаменовал блестящим успехом последний период обходного маневра крупными отрядами.

Этот бой явился сокрушительным ударом по противнику, уже нашумевшему о разгроме революционной армии путем осуществления «специальных мер по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе». Враг просто растерялся, не зная, как случилось, что целую роту карателей постигла жалкая участь — полный разгром.

Какова была ситуация той поры? Китайско-японская война вступила в стадию длительного противоборства. Крайне обострились советско-японские отношения в связи с инцидентами в районе озера Хасан и на Халхин-Голе. Это было время, когда пламя второй мировой войны разгоралось все жарче.

Именно в такой обстановке верхушка Квантунской армии, разглагольствуя об окончательном уничтожении антияпонского движения на Северо-Востоке Китая, предприняла так называемые «специальные меры по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе».

Мы непрерывно били врагов. А после боя исчезали

незаметно, как призраки, и противник всю зиму бродил по глухомани Дуньхуа и Фусуна в поисках нашего местонахождения. А тут на рубеже уездов Аньту и Хэлун, откуда возьмись, появилась главная часть КНРА, которая якобы «замерзла в горах», и разбила наголову на Хунцихэ карательный отряд Маэда. И не удивительно, что у врагов душа ушла в пятки.

Бой на Хунцихэ остался в моей памяти как одна из незабываемых наших боевых операций наряду с такими крупными боями, как в Почхонбо, на горе Цзяньсаньфэн, а также рейдовые операции на уездные центры Дуннин и Фусун. Оттого я и помню Маэда.

Ему, служившему всего лишь командиром роты полицейского карательного отряда уезда Хэлун, не стоило бы ввязываться в состязание с КНРА. Между прочим, он слыл злейшим начальником карателей, не уступающим по жестокости ни вожаку Вану из Фусуна, ни Ли До Сону из Аньту. Ничтожна была его служебная должность, но можно сказать, что он широко «прославился» тем, что безрассудно попытался уничтожить штаб корейской революции. Но в результате этой попытки лишь сам нашел свою гибель.

В то время мы – в соответствии с тактикой обходного маневра крупными отрядами – и отдыхали, и занимались учебой планомерно, нанося в то же время непрерывные военные удары по врагу.

Это случилось примерно за месяц до боевых действий на Хунцихэ. Мы проводили в тайном лагере Байшитан военно-политические занятия. Однажды враги внезапно налетели на нас. Молниеносно потрапав противника, мы проскользнули дальше в сторону Аньту. Именно с

того момента начинается второй этап обходного маневра крупными отрядами.

На этой стадии мы с первого шага столкнулись с большими трудностями. Это объясняется тем, что Рим Су Сан, находившийся в тайном лагере Дунпайцзы, недобросовестно выполнял поручения Командования и гонял лодыря. В результате мы лишились возможности использовать заранее намеченный тайный маршрут, и нам пришлось идти другим курсом, не предусмотренным планом. Мы выбрали себе новый маршрут – через безлюдный, даже не отмеченный на карте, район, что на северо-востоке от горы Пэкту.

В японской армии, говорят, было много толковых геодезистов, но даже ступить ногой в эти места они не посмели. Участки, оставшиеся без геодезического обследования, ничем не были отмечены на карте. Оттого и называлась часть местностей северо-востока от горы Пэкту «белым районом».

Покидая Байшитан, мы намеревались прорваться в Мусан, Самчжан через «белый район» и возвестить о себе вновь громкими выстрелами, затем вернуться в центральную часть уезда Аньту через уезд Хэлун. Таков был наш план второго этапа обходного маневра крупных отрядов, который мы разработали при уходе из Байшитана.

Мы завязали бой в Лушуйхэ, потом, пересекая Тоудаобайхэ, Эрдаобайхэ, Санъдаобайхэ, двинулись к южному рубежу уезда Аньту.

Тот «белый район» мы преодолели действительно с величайшим трудом. В то время и сугробы, и метель тоже были для нас врагом. Мороз и голод были нестерпимы. Но

самое трудное – то и дело пугала опасность заблудиться в пути. Все окружающее было в сплошном белом покрове, было невозможно ориентироваться, опознать местность. Под Дамалугоу у нас кончилось продовольствие, мундиры и обувь были истрепаны. Совершив налет на Дамалугоу, мы достали хозматериалы. По-китайски «Дамалугоу» означает «крупное ущелье лосей», а «Сяомалугоу» – «малое ущелье лосей». Раньше лоси, обитающие в Дамалугоу, переходили границу между двумя странами: летом оттуда переплывали через реку Туман и паслись на земле Кореи, а зимой возвращались в Дамалугоу поедать сухую осоку.

В Дамалугоу, очаге карательного отряда противника, находился и штаб роты лесной полиции. Эту местность можно было назвать опорным пунктом карательной экспедиции в приграничной зоне. Здесь находились лесозаготовительная фирма и лесоразработки. С их помощью японские захватчики увозили в большом количестве древесину для военных нужд.

Перед боем мы послали в Дамалугоу разведгруппу. Вернувшись с задания, разведчики доложили о делах, затем сообщили о том, что увидели странную расу – людей очень высокого роста, с серыми глазами. Странное племя, сказали они, с длиннущим носом и волосатыми руками, и не понятно, что за люди. Послали туда еще одного бойца с наказом все разузнать. Вернувшись, он доложил, что это русские белоэмигранты, работающие водителями на лесоразработках. В Харбине и его окрестностях проживало много русских белоэмигрантов.

Я тоже видел их много, когда был в Харбине летом 1930 года.

Пользуясь тем, что главные силы противника ушли в бой, мы моментально оседлали Дамалугоу, применив тактику молниеносного броска и молниеносного налета. Водители, эти русские белоэмигранты, встретившись с нашими бойцами, давали им золотые кольца. Они, по-видимому, приняли наш отряд за банду разбойников. Когда наши бойцы не принимали, а, наоборот, вернули им золотые кольца, русские недоумевающие качали головами, мол, какие они странные, будто из другого мира. Столь низок был уровень их идейной подготовки.

В налете на Дамалугоу мы взяли уйму трофеев, в частности, пшеничной муки. Мы раздали жителям Дамалугоу по одному мешку муки. Трофеев было такое изобилие, что и после того, как все наши бойцы взяли себе на спину полный груз, оставалось еще многое. Грузы добровольно перевозили десятки рабочих лесоразработок.

Вначале мы хотели было уговорить русских белоэмигрантов на машинах перевезти трофеи до определенного пункта. Хотели побыстрее уйти. Но, как мне доложили, водители не слушаются. Я послал к ним знающего русский язык. Тот уговорил их – получил согласие оказать нам помочь.

Тогда я имел возможность непосредственно побеседовать с ними. Я спрашиваю: «Почему вы проживаете в Китае? Ведь у вас своя Родина?» В ответ: «Нас, выходцев из среды помещиков и капиталистов, не приветствует компартия. Наши отцы грешны – выступали против социалистической революции. А мы, собственно, ни в чем не виноваты». На мой вопрос: «Готовы ли вместе с коммунистами строить социализм, если поможем вам вернуться в Советский Союз?», – они

отозвались: «Да, безусловно».

Среди грузчиков, следовавших за нами, оказался и японский рабочий. Насколько мне известно, он, вернувшись к себе, занимался «пропагандой» в нашу пользу. Он рассказывал обо всем увиденном и услышанном им самим. «Встречался, — говорил он, — с бойцами революционной армии. Все они люди хорошие. Все они выступают на стороне рабочих, таких, как мы. И зная, что я японец, они не обидели меня, не допустили дискриминации. И японские рабочие, говорили они, должны объединить силы с рабочими Кореи и разгромить японский империализм». Позднее, говорят, он был схвачен надзирателем лесоразработок и переведен в другое место.

После нашего внезапного налета на Дамалугоу враги в районах Аньту и Хэлуня пребывали в состоянии чрезвычайной настороженности. Они из кожи лезли вон, чтобы уничтожить нашу главную часть. Больше всего усердствовали Унами, командир полицейского карательного отряда уезда Хэлун и начальник уездного полицейского отделения, а также Маэда.

Полицейское ведомство уезда Хэлун организовало полицейский карательный отряд к маю 1939 года, когда мы после рейдовой операции в районе Мусана вели один за другим крупные бои в бассейне реки Туман. Те карательные силы были наспех сколочены специально для сдерживания и уничтожения нашего отряда. В состав карательной экспедиции вошли четыре роты, в том числе рота Маэда, и еще две роты железнодорожной охраны. Экспедиция под командованием начальника цзяньдаоского карательного отряда неистовствовала в попытках «покарать» партизан.

Противник предполагал, что наш отряд действует вдалеке от него – на севере. А вот мы, внезапно появляясь и исчезая на рубеже уездов Хэлун, Аньту, ударили на Дамалугоу. Совсем разъяренные, полицейские каратели уезда Хэлун всеми силами кинулись преследовать нас.

Как стало известно позднее, Маэда не раз хвастливо заявлял: «С главными силами отряда Ким Ир Сена я сам справлюсь». И он как никто другой яростнее рвался к карательным операциям против нас.

«Карательное командование Нодзэ» обещало премию без малого в 10 тысяч юаней за мою голову. Правда, другой источник утверждает, что обещанная премия намного превышала названную сумму.

Если иметь в виду то, что ведомство безопасности Маньчжоу-Го в качестве «полицейской премии» определяло обыкновенно суммы от 10 юаней и выше, а высшую, от имени министра безопасности, – в пределах 200 юаней, то нетрудно понять, что 10 тысяч юаней были, так сказать, суперпремией.

Маэда был в Корее полицейским младшего ранга. После перехода в Маньчжурию служил в штабе охраны при столичном полицейском управлении, занимал, главным образом, пост начальника полицейского участка в разных пунктах пограничного района на противоположном от Кореи берегу. Рассказывают, что он даже получил награду от министра безопасности за «заслуги» в «операции по обеспечению безопасности и спокойствия» в Цзянъдао.

Получив весть о нашем налете на Дамалугоу, озлобленный Маэда, говорят, собственной кровью написал клятву – полностью уничтожить партизанский

отряд, даже устроил «церемонию по случаю карательного похода». Объединенная японо-маньчжоугская карательная экспедиция, сформированная из военных и полицейских, всеми силами окружила обширные лесные массивы у подножия горы Пэкту и покрыла их плотной «сетью розыска, откуда нельзя было бы ускользнуть даже муравью».

В то время я предполагал, что каратели непременно сядут нам на хвост. Заблаговременно составил план для ловкого отвлечения внимания врага в другую сторону. Первое, что я сделал для этого, – возвратил опять в Дамалугоу малую группу бойцов и более 40 грузчиков, следовавших за нами с трофеями, с заданием оставлять везде беспорядочные отпечатки следов.

Враги попались на нашу удочку. Конечно, они приуныли, потеряв с таким трудом найденный партизанский отряд. Но все же не переставали каждый день рыскать в лесной глухи. Хвастуны заявили: «На этот раз им никуда не уйти. Какую бы неуловимую тактику ни применил Ким Ир Сен, но ему не провалиться сквозь землю. Обрыщем все горы Пэкту и непременно найдем штаб коммунистической армии».

Оторвавшись от преследования противника, некоторое время мы спокойно вели военно-политические занятия личного состава главной части в тайном лагере в Хуалацзы. И отдыхали, снимая усталость. Затем мы продолжили поход в направлении Мусана. Враги рассыпались по районам Хуалацзы в поисках нового направления действий революционной армии. И, наконец, они сумели определить курс нашего отряда и пристроились нам в хвост.

На пути своего следования мы встретили крестьян,

мобилизованных носильщиками в помощь карательному отряду. От них мы узнали, что нас преследует примерно тысяча вражеских воинов. Были мартовские дни, но глубокие снега — по пояс человеку — мешали передвигаться обеим сторонам, и нам, и противнику. Но все же враги шли быстрее, чем мы, — ведь они преследовали нас по пути, уже проложенному нами через снега.

Правильно сказано, что беда не приходит одна. В отряде появились бойцы, сильно ослабевшие от постоянного переохлаждения. Сначала их было один-два, а под конец около пятнадцати.

Я спросил Рим Чхун Чху, — как лечить больных. Он был политическим работником партизанского отряда, но имел за плечами большой клинический опыт. Он предложил давать больным опиум. Я сказал: «Ну, ладно, пусть и опиум. Только вылечите их, как можете».

Приняв опиум, больные кое-как выдержали кризисный момент. Сила у них восстановилась, но не в такой степени, чтобы можно было продолжить поход. Надо было вновь оторваться от противника и уйти как можно дальше, но больные мешали наращивать темпы марша. Расстояние между нами и врагом сократилось до 4 — 6 километров.

Речка Дамалугоухэ в верховьях реки Хунцихэ разветвлялась, она состояла из нескольких горных ручейков. Когда мы добрались до ущелья, по которому протекал один из них, стало темнеть. Бросился в глаза ветхий барак, брошенный рабочими лесоразработок. Поставив караул, я велел личному составу остановиться здесь на ночлег, без хорошего отдыха нельзя было вести бой.

Но бойцы, отлично зная о том, что каратели по пятам следуют за нами, не скрывали своей тревоги, хотя и

получили приказ прервать поход, остановиться на ночлег. Они успокоились, лишь увидев, как я первым лег спать.

Я решил громить карательный отряд Маэда в ущелье Хунцихэ. Выбирая это ущелье как место засады, я считал, что противник, добравшийся до Хуалацзы, непременно пройдет через это ущелье, чтобы вернуться на свою базу.

К тому же эта местность была очень благоприятна для уничтожения врага из засады. Ущелье это, как позднее признал сам начальник полицейского отделения уезда Хэлун, было «таким неблагоприятным местом, где при всем желании нельзя применить свою тактику, если попадешься в засаду».

Узнав, что я выбрал ущелье Хунцихэ местом сражения, О Бэк Рён недоумевал: «Товарищ Командующий, противнику хорошо известна наша тактика. Вряд ли он сам влезет в эту западню?» Опасение было небезосновательное. Враги пусть всего боялись именно нашего приема заманивания и нанесения удара из засады. Этот способ враги называли «тактикой сетей» и придумали для ее срыва немало разных предохранительных мер. «Не попади в тактику сетей Ким Ир Сена» – эти слова, насколько я знаю, у врагов звучали как афоризм. Понятно, насколько они боялись наших ловушек и мощных ударов из засад. Враги по возможности не ходили там, где бы могла устроена, по их мнению, партизанская засада. Слова О Бэк Рёна имели в виду именно это.

Я принял во внимание вот что: японские войска могут считать, что коммунистическая армия, знающая, что японцы стали бдительны в отношении «тактики сетей», больше не повторит такого приема. И именно поэтому я решил устроить засаду в ущелье Хунцихэ и завязать бой с

преследующим нас карательным отрядом. Иначе говоря, мой план был рассчитан на такую тактику, применение которой враг считал уже делом нереальным.

На следующий день мы, двигаясь по гребню в сторону Сюмалугоу, спустились в ущелье. По обе его стороны высились чудные вершины. Справа (в направлении верховья) возвышались три вершины как бы троє братьев. Здесь было прекрасное место для засады. На левой – тоже вершина горы, у ее подошвы простиралась небольшая роща. Это тоже было выгодно для нас.

Я собрал командиров и отдал короткие приказы перед боем. На трех вершинах, на правой стороне ущелья, разместил пулеметный взвод и комендантскую роту, а на опушке рощи у левой вершины – 7-й и 8-й полки. Приказал также каждому подразделению нарочно спуститься вниз и опять подняться, заметая за собой следы ног, и лишь затем занять намеченные места в засаде. Только отвлекающая группа должна была дальше проскользнуть по ущелью, оставляя за собой нарочито заметные следы. Группе, возглавляемой Сон Тхэ Чхуном, было поручено занять северные рубежи первой высоты ущелья, преградить противнику путь к отступлению. Отвлекающей группе следовало, добравшись до тупика ущелья, еще и выполнить роль заградительного отряда.

В тот день в ущелье Хунцихэ бой пошел по нашему плану. Неожиданно стало теплее, и на солнечной стороне растаял снег. Дорога под ногами просто стала чавкать.

Враги появились в ущелье Хунцихэ после полудня, когда солнце уже стало клониться к горизонту. Я посмотрел в бинокль и заметил дозорных на подступах к ущелью. Дозор – и то был великоват. Обычно противник

посыпает одного или двух дозорных, а на этот раз их было около десяти. Судя по всему, можно было предположить, что чуть ли не все карательные силы, двигавшиеся по ущельям Хуалацзы, рвутся сюда.

Вслед за дозорными шла походная застава.

Когда она проходила мимо последней высоты, в ущелье появился офицер с саблей на поясе. Вот это, как мы узнали позже, и был Маэда.

Головной отряд глубоко втянулся в зону засады. Остановившись, Маэда внимательно разглядывал следы на снегу и необыкновенный рельеф ущелья.

Я думал, не пошлет ли он дозорных к вершинам ущелья, не замышляет ли повернуть отряд назад. Но в этот роковой момент, когда как никогда необходимо было хладнокровно размышлять и рассуждать, Маэда, видимо, утратил бдительность, был рассеян – ведь он смертельно устал, более десяти дней безуспешно рысая по горам. Маэда стоял под одиноким деревом. Увидев его, к нему подтягивались проходящие мимо подчиненные офицеры. Опираясь на вертикально поставленную саблю, Маэда давал им какие-то распоряжения. Тем временем основные силы противника полностью оказались в полосе нашей засады.

Стараясь не упустить этот наилучший момент, я дал сигнальный выстрел.

Уже при первых залпах враги потеряли более половины своих сил. Попав неожиданно под разительный огонь с обеих сторон ущелья, Маэда тут же рассредоточил весь отряд на том же месте и попытался основной силой взять северную высоту. Но, попав под шквальный фланговый обстрел наших бойцов, находившихся в засаде на западе в

зарослях кустарников, он не добился своего. Оказавшись в неблагоприятном положении, Маэда, казалось, решил пойти на последний решительный бой и дал приказ «В атаку!» Выхватив саблю из ножен, он сам помчался впереди атакующих. И уже будучи тяжело раненным, командовал боем до последнего вздоха.

Остальные враги тоже отчаянно сопротивлялись. Подчиненные Маэда не бросили оружия даже под угрозой массовой гибели. Были уничтожены почти все, кроме примерно тридцати человек, которые сложили оружие. Убито и ранено было более 140.

В бою в Хунцихэ наши товарищи сражались просто здорово. Отлично воевали О Бэк Рён, ставший командиром полка после О Чун Хыба, погибшего в Люкэсуне. Ким Ир тоже прекрасно справился со своей задачей как командир ударного отряда.

После боя мы обыскивали место сражения. Было очень много трофеев. Была даже рация. И боеприпасов мы взяли большое количество – несколько десятков тысяч. Время было такое, что нам хватало оружия, и мы просто не знали, что делать с захваченным добром. Некоторым бойцам поменяли старое оружие на новое из трофеев, а остальную часть, завернув в промасленную бумагу, зарыли в землю или спрятали в дуплах старых деревьев – с учетом прихода в будущем великого события.

Когда мы закончили разбираться с трофеями, невдалеке от нас разводил костры «мукденский отряд» из марионеточной армии Маньчжоу-Го, наблюдая за нами. Его солдаты, насмерть перепуганные, не смели завязать бой и только стреляли вслепую. Я приказал О Бэк Рёну открыть шквальный огонь из всех трофейных пулеме-

тов – отчасти, чтобы пригрозить им, а отчасти, чтобы проверить техническое состояние захваченного оружия.

Ночью О Бэк Рён подошел ко мне и доложил, как «мукденский отряд» начал тайком следовать за нами. Он спросил меня: может, «похлестать» его? Я возразил: «Оставь в покое. Незачем бить зрителей. Лучше их оставить живыми, чем уничтожить. Пусть они вместо нас сообщают всему миру о гибели отряда Маэда. Не так ли?»

Перед походом Маэда заставил своих подчиненных написать завещания. Это мы узнали, когда обыскивали поле боя. В кармане одного убитого офицера нашли такой «документ». Он был завернут в шелк, а содержание его было довольно патетическим. По признаниям пленных, перед началом экспедиции Маэда собрал своих подчиненных и предложил им написать завещания. «Нашей роте поручено, – заявил он, – в составе районного карательного отряда вступить в схватки с отрядом Ким Ир Сена. Чтобы победить его, мы должны быть верны «Ямато тамаси» (самурайский дух) и готовы умереть за Небесного Государя». Говорят, сам он даже изготовил ящик для хранения своего праха, готовясь к смерти.

Услышав об этом, я решил, что Маэда, будучи по должности всего лишь командиром роты из карательного отряда, был, однако, действительно ярым приверженцем крайнего японского национализма.

Сделал Маэда таким ярым фанатиком оголтелого национального шовинизма и антикоммунизма, я думаю, японский милитаризм и крайний национализм.

Японские империалисты пустили в ход весь арсенал средств и приемов, чтобы превратить всех японцев в приверженцев оголтелого национализма. Крайний

национализм как всегда рядится в тогу патриотизма. Поэтому его яд легко проникает в головы идеино не зрелых людей.

Японские милитаристы, как я и раньше говорил, упорно прививали молодежи и детям агрессивную идеологию, убеждая их в том, что Япония, мол, сможет процветать, лишь поглотив Маньчжурию. Известно, что они даже печатали возбуждающие буквы, разжигающие военный психоз, стремление к заморской экспансии, на хлебе, печенье и тому подобных продуктах питания, которые люди употребляют каждодневно. Значит, им внушалась мысль: «Люди добрые, лакомясь этим, думайте, как проглотить чужую землю». Коль пропаганда так настойчива и вездесуща, яд ее не может не проникнуть в сознание человека.

Иные люди думают, будто у буржуазии нет никакой идеологии. Ошибочная мысль! Как у коммунистов есть коммунистическая идеология, так и у буржуев есть буржуазная идеология. И капиталисты прикармливают псов, верных своей идеологии.

Одно время некоторые командиры революционной армии, когда речь заходила о насаждаемом внутри японских войск самурайском духе, только пропагандировали его лживость и абсурдность. В результате наблюдалась тенденция считать японского солдата бесчувственным, как истукан, существом, держащим в руках ружье. Это было очень опасным заблуждением.

Мы подчеркиваем идеино-политическое превосходство нашей армии вовсе не потому, что у врага отсутствует идеиность. Мы говорим, что наша идеология превосходит вражескую. Это не значит, что можно недооценивать

врага оттого, что, мол, у него отсутствует нормальная идеология. Мы обращали внимание политических работников на то, что не годится все время подчеркивать лишь одну идейную слабость врага и нельзя игнорировать тот факт, что противник тоже вооружает идеально своих солдат, пусть даже убогими идеями, прививает им ядовитый вирус антикоммунизма.

В бою на Хунцихэ враги испили до дна горькую чашу поражения. Это стало для них горьким уроком: как бы они ни следовали за хвостом КНРА, ничего не получат, кроме такой же трагической участи, какая постигла карательный отряд Маэда, и на свете нет таких сил, которые способны победить КНРА.

В этом бою мы показали всему миру, что КНРА здравствует и добивается победы за победой, что она никогда, даже в самой суровой обстановке, не будет покорена, не будет уничтожена.

Бой этот оказал благотворное влияние и на людей внутри Кореи. От Хунцихэ до Кореи буквально рукой подать. И весть о том, что Маэда нашел себе позорный конец в столкновении с революционной армией, скоро прилетела в нашу страну через реку Туман. Эта новость дала большую силу народу, который беспокоился о судьбе КНРА. Теперь, сколько бы ни говорили о гибели революционной армии, люди не верили этому.

После боя на Хунцихэ слава о мощи КНРА гремела в народе, охватывая все более широкие районы. Народ стал абсолютно доверять КНРА, возлагая на нее все свои надежды на будущее. Это было очень хорошо. Появилась возможность всем антияпонским патриотическим силам Кореи уверенно готовиться к активному общенародному

сопротивлению, идя навстречу великому событию – освобождению Родины. Таков был наш самый большой успех, достигнутый в результате боя на Хунцихэ.

И, напротив, это стало катастрофой, громом с ясного неба, трагическим поражением для японо-маньчжоугоских армии и полиции. Прежде они шумели: «Если уничтожим только отряд Ким Ир Сена, рано или поздно придет конец антияпонской партизанской войне на Северо-Востоке Китая».

Обескураженные гибелью отряда Маэда, полицейские власти уезда Хэлун отчаянно вопили: «Нечего сказать, кроме того, что нам не оказана милость Неба». Они не могли не признаться, что разгром отряда Маэда был неизбежным перед непревзойденной тактикой КНРА. Полный крах этого карательного отряда означал провал «специальных мер по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе», для осуществления которых прилагали столь огромные усилия главари войск и полиции Японии и Маньчжу-Го.

Унами, начальник полицейского отделения уезда Хэлун, которому непосредственно подчинялся Маэда, после поражения в войне вернулся в Японию и написал воспоминания. Приведем выдержку из них:

«В провинции Цзянъдао я служил в полиции Маньчжу-Го и с 1938 по 1941 год участвовал в карательных операциях против антияпонского отряда, возглавляемого Полководцем Ким Ир Сеном.

.....
Несмотря на трудность сбора информации, мне довелось получить сравнительно достоверные сведения: «Полководец Ким Ир Сен окончил школу в городе Гирин. Необыкновенно отличался в учебе, был

наделен выдающимся политическим умом, организаторским умением, способностью руководить. Пользовался глубоким доверием масс».

.....

Незаурядная способность Полководца Ким Ир Сена к руководству, думаю, ярко проявилась и в дни антияпонской партизанской борьбы. Часто нам сильно доставалось, в частности, от его хитроумной тактики заманивания и нанесения ударов из засады.

.....

11 марта 1940 года. Дамалугоу, что в ущелье Хунцихэ, подверглось налету отряда Ким Ир Сена. Это был опорный пункт карательного отряда, где размещался штаб роты лесной полиции. Разгромлен штаб, сожжена авторемонтная мастерская, захвачены оружие, боеприпасы, продукты и обмундирование.

Командир районного карательного отряда Нуноками приказал полицейскому карательному батальону преследовать и уничтожить отряд Ким Ир Сена в взаимодействии с отрядами японских войск Оба и Акабори.

Эту задачу я поручил роте Маэда Такэти. 25 марта его рота встретилась с отрядом Ким Ир Сена неподалеку от Дамалугоу. Крупный бой кончился полным уничтожением роты, в том числе ее командира Маэда. Она попала в засаду. Разгром этой роты сильно потряс весь карательный отряд.

Карательные операции в лесу почти не удавались, потому что отряд Ким Ир Сена ловко использовал местный рельеф и применял остроумную тактику.

.....

В те времена партизанский отряд Ким Ир Сена был в приподнятом настроении. Его бойцы говорили: «Мы – Корейская Народно-революционная армия, возглавляемая Полководцем Ким Ир Сеном. В борьбе за возрождение Родины нет компромисса», «Карательный

отряд – это самый желанный гость, обеспечивающий нас оружием, продовольствием и обмундированием».

Сегодня КНДР переживает пору замечательного развития под руководством Председателя Кабинета Министров Ким Ир Сена.

На собственном опыте я убежден, что корейский народ, продвигающийся вперед и ведомый своим выдающимся руководителем, непременно осуществит объединение Родины».

И впоследствии товарищ Ким Ир Сен, вспоминая о бое на Хунцихэ, подчеркивал необходимость повысить бдительность в отношении возрождения милитаризма. Ниже следует фрагмент его воспоминаний.

Говорят, что правящие круги Японии, пережив вторую мировую войну, избавились от глупой, бредовой мечты о мировом господстве. Если это факт, то это только на пользу самой Японии и отрадно для народов соседних стран.

Однако нынешние акции японских заправил не позволяют нам отрешиться от сомнения: не лелеют ли они до сих пор мечту о «сфере сопроцветания великой Восточной Азии» и мировом господстве?

Немалая часть реакционных сил Японии все еще не признает кровавым преступлением то, что Япония, оккупировав Корею и другие страны Азии, разграбила народы этих стран и лишила жизни сотни тысяч и миллионы людей; до сих пор они не хотят предоставить компенсацию пострадавшим. Они не признают чисто-сердечно даже такие варварские злодеяния, как насильный увоз более 200 тысяч девушек и девочек в качестве игрушек для удовлетворения похоти японских солдафонов и обращения с ними как с животными. Не раскаиваясь

ни в чем, Япония, опираясь на свою экономическую силу, цинично желает стать политической и военной державой. Вызывает озабоченность и тот факт, что в странах Европы нахальнее орудуют неофашисты.

Надо повысить бдительность в отношении возрождения милитаризма.